ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОЧКИ

АНТОЛОГИЯ КИБЕРПАНКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

БРЮСА СТЕРЛИНГА

Уильям ГИБСОН, Грег БИР, Джон ШИРЛИ, Пэт КЭДИГАН, Руди РЮКЕР, Льюис ШАЙНЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящей антологии впервые были собраны рассказы ведущих авторов киберпанка — Уильяма Гибсона, Брюса Стерлинга, Грега Бира, Марка Лэйдлоу и других. Относящиеся ко времени становления киберпанка как такового, эти произведения могут по праву считаться классикой жанра, своеобразной точкой отсчета. И хотя созданы они были более двадцати лет назад, тем не менее парадоксальным образом позволяют посмотреть на многие явления современности под новым, подчас неожиданным углом.

- ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОЧКИ
  - БРЮС СТЕРЛИНГ
  - УИЛЬЯМ ГИБСОН
  - ТОМ МЭДДОКС
  - ПЭТ КЭДИГАН
  - РУДИ РЮКЕР
  - МАРК ЛЕЙДЛОУ
  - ДЖЕЙМС ПАТРИК КЕЛЛИ
  - ГРЕГ БИР
  - ЛЬЮИС ШАЙНЕР
  - ДЖОН ШИРЛИ
  - ПОЛ ДИ ФИЛИППО
  - БРЮС СТЕРЛИНГ
  - БРЮС СТЕРЛИНГ
  - СЕРГЕЙ КРАСИКОВ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОЧКИ
АНТОЛОГИЯ КИБЕРПАНКА
Под редакцией БРЮСА СТЕРЛИНГА

БРЮС СТЕРЛИНГ
ПРЕДИСЛОВИЕ [1]

В этой книге представлены писатели, имена которых стали известны в текущем десятилетии. Именно принадлежность к культуре восьмидесятых объединяет их, позволяет вычленить новое движение в научной фантастике.

Это движение быстро получило признание, но названия ему давались самые разнообразные: Радикально твердая НФ, Бунтующие технари, Волна восьмидесятых, Нейромантики, Банда в зеркальных очках. Но еще в начале восьмидесятых все лейблы поотклеивались, остался один: Киберпанк.[2]

Вряд ли найдется хоть один писатель, которому бы нравились навешенные ярлыки, а уж такой экзотичный, как «киберпанк», — и подавно. Литературные этикетки несут в себе двойное неудобство: те, кого причислили к группе, чувствуют себя ограниченными ее рамками; те, кого оставили за бортом, чувствуют себя обойденными вниманием. К тому же обобщение никогда полностью не подходит под реально существующего писателя, вызывая постоянное раздражение. Посему «типичный автор киберпанка» существует лишь как платонический идеал. Для не иллюзорных авторов термин подобен прокрустову ложу, под которое злодеи-критики нас то немножко растягивают, то, наоборот, малость укорачивают.

Тем не менее, представляется возможным найти определяющие и обобщающие черты киберпанка. Вот этим я сейчас и займусь, поскольку устоять перед столь сильным искушением невозможно. Критики, и я в том числе, продолжают навешивать ярлыки по той простой причине, что это занятие позволяет проникнуть в суть вещей, уже не говоря о том, что доставляет удовольствие.

В этой книге я хотел бы представить панораму киберпанка от его ранних проявлений до сегодняшнего состояния. «Зеркальные очки» позволят читателям, которым этот жанр в новинку, ознакомиться с его основными принципами, темами и вопросами. На мой взгляд, здесь собраны сильные рассказы, представляющие собой наилучшие и в то же время наиболее характерные на сегодняшний день примеры творчества писателей. Я старался избегать произведений, неоднократно включенных в другие антологии, так что даже преданные поклонники найдут здесь для себя новое.

Киберпанк является воплощением дискурса восьмидесятых и

— я намереваюсь доказать это чуть позже — наитипичнейшим воплощением. Но корни его — глубоко в шестидесятилетней истории современной научной фантастики.

Киберпанки как литературная группа воспитаны на культуре и традициях НФ. Имя их предвестникам — легион. Каждый писатель нового направления вырос под влиянием близких именно ему авторов, но можно назвать литераторов — протокиберпанков, так сказать, — которые оказали влияние на весь жанр.

Начнем с Новой Волны: уличной жесткости Харлана Эллисона, хрупкой мечтательности Сэмюэла Дилэни, отвязного фиглярства Нормана Спинрада, рок-эстетики Майкла Муркока, интеллектуального вызова Брайана Олдисса и, конечно, Джеймса Балларда.

Из более ранних вспоминается: галактическая перспектива Олафа Стэплдона, гремучая смесь науки и политики Герберта Уэллса, железная логика Ларри Найвена, Пола Андерсона и Роберта Хайнлайна.

Киберпанки испытывают особенную привязанность к визионерам НФ: к бурлящей изобретательности Филипа Хосе Фармера, экспрессии Джона Варли, играм с реальностью Филина Дика, улетному технобитничеству Альфреда Бестера. И особое почтение — писателю, сумевшему сплавить литературу и технологию — как никто другой, — Томасу Пинчону.

В шестидесятые и семидесятые последний революционный порыв внутри жанра научной фантастики Новая волна — привнес новые литературные стандарты. Многие киберпанки пишут вполне сложную и красивую прозу, имеют свой стиль и (есть мнение, что даже чересчур) подвержены влияниям моды. Но, так же как панки образца 1977 года, они равняются на эстетику дворового рока. Они обожают копаться в самой сути научной фантастики — ее идеях, что роднит их с традицией классической НФ. Некоторые критики полагают, что киберпанк выводит фантастику из-под влияния мейнстрима, так же как панк направляет рок-н-ролл в сторону от симфонических красивостей «прогрессивного рока» семидесятых (с чем совершенно не согласны традиционалисты от НФ, не переносящие все эти «литературности»).

Так же как музыка в стиле панк, жанр являет собою в некотором смысле возвращение к истокам. Киберпанки, возможно, первое поколение писателей, взращенное не просто на литературной традиции НФ, но в настоящем научно-фантастическом мире. Для них метод экстраполяции, характерный для классической, твердой НФ, техническая

грамотность — не просто литературные инструменты, но жизненная необходимость, высокоценное средство познания мира. В поп-культуре впереди идет практика, а теория потихоньку плетется за нею, спотыкаясь в колее. Перед тем как наступило время навешивать ярлыки, киберпанк называли попросту Движение, он представлял собою свободное сообщество молодых писателей, обменивавшихся письмами, рукописями, идеями, взаимной похвалой и ядовитой критикой. Этих писателей — Гибсона, Рюкера, Шайнера, Ширли, Стерлинга — сблизили общие взгляды на мир, общие темы обсуждения, даже — как ни странно — общие символы, которые проникали в творчество из их собственной жизни. Например — зеркальные очки.

Темные зеркальные очки стали символом Движения с начала 1982-го. Причину этого понять нетрудно. Скрывая за собою глаза, зеркальные очки не позволяют силам нормального мира опознать в скрывающемся за ними человеке потенциально опасного психопата. Они — неизменная принадлежность вглядывающегося в солнце мечтателя, байкера, рокера, полицейского — людей, поставивших себя вне закона. Зеркальные очки, предпочтительно матово-черные (цвет Движения) в хромированной оправе, появлялись в одном рассказе за другим, словно литературный талисман.

Вот первых киберпанков и прозвали «Бандой в зеркальных очках». Отсюда название антологии — своеобразный оммаж иконе Движения. Но и другие молодые писатели, обладавшие не меньшим талантом и амбициями, вскоре начали выдавать тексты, однозначно являвшиеся частью новой НФ. Это были независимые исследователи, но в их произведениях проявлялось нечто присущее десятилетию, духу времени. Тому, что носилось в воздухе восьмидесятых.

Никто из них не называл себя киберпанком. Но термин стал *fait accompli*[3] и в этом есть некая справедливость: он фиксирует ключевой принцип творчества этих писателей, смысл десятилетия в целом: новую связность. Он объединяет слова до того употреблявшиеся исключительно порознь, объединяет вселенную высоких технологий с современной версией поп-подполья.

Слияние стало главным источником культурной энергии нашего поколения. Произведения киберпанков идут параллельным курсом с поп-культурой восьмидесятых: рок-видео, хакерским подпольем, раздражающим звучанием хип-хопа и скрэтча, лондонским и токийским роком из синтезаторов. Явление, направление развития имеет глобальную природу, а киберпанк выступает в качестве его литературной составляющей.

В предыдущие эпохи подобное сочетание смотрелось бы

неестественно, искусственно. Имела место зияющая пропасть между естественными и гуманитарными науками: между литературой, миром искусства и политики с одной стороны и миром науки, технологии, индустрии — с другой. Но разделение неожиданно исчезает. Техническая культура вырвалась из-под узды. Научный прогресс настолько внезапен, резок, всеохватен, революционен, что его просто невозможно сдержать. Он проникает в повседневность, в культуру, он вездесущ. Традиционные силовые структуры, традиционные институты утратили возможность контролировать скорость перемен.

И тут вдруг возникает новый союз — между технологиями восьмидесятых и контркультурой. Порочная связь мира техники и организованного сопротивления: подпольной поп-культуры, психоделической мечты и уличной анархии.

Контркультура 60-х была местечкова, романтична, антинаучна и антитехнологична. Противоречие крылось в самом ее сердце — электрической гитаре. Прошли годы, и рок-технология еще более усовершенствовалась, вобрав в себя хай-фай-записи, спутниковое видео и компьютерную графику. И поп-культура со временем вывернулась наизнанку, превратив актуальных исполнителей в компетентных технологов. Мастера монтажа и микширования, графические инженеры реализуют такие в прошлом невозможные вещи, как построенные на спецэффектах кинофильмы и вживую транслирующиеся на весь мир концерты «Лайв-Эйд».[4] Противоречие превратилось в объединяющий фактор.

Сейчас, когда технология достигла крайнего возбуждения, она вырвалась из-под контроля на улицу. Как предсказывал Элвин Тоффлер[5] в «Третьей волне» книге, заменяющей Библию для многих киберпанков, — техническая революция изменяет привычную структуру общества: от иерархии — к децентрализации, от жесткого контроля — к гибкому управлению.

Хакер и рокер — вот поп-культурные пророки десятилетия, а киберпанк — центральное явление: спонтанное, полное энергии, имеющее глубокие корни. Киберпанк порожден той версией реальности, где, словно в культурной чашке Петри,[6] слились рокер и хакер, породив генно-модифицированный гибрид. Некоторым результат кажется странным, даже чудовищным, в других вселяет надежду.

Научная фантастика — если исходить из ее декларированных целей — про влияние технологий на жизнь. Но со времен Хьюго Гернсбека,[7] когда наука еще была заточена в прочную башню из слоновой кости, обстоятельства сильно изменились.

Прекраснодушная технофилия осталась в той ушедшей, медленной эпохе, когда власть еще имела существенный «запас прочности».

Для киберпанков технология уже интуитивна, она не олицетворяется безумными учеными и гениями не от мира сего, она вокруг и внутри нас. Не вовне, но рядом. Под кожей, зачастую — под черепной коробкой.

Но и сама технология изменилась. Не для нас паровые монстры прошлого: плотина Гувера, Эмпайр-стейт-билдинг, атомные электростанции. Технология восьмидесятых, сливающаяся с кожей, реагирующая на прикосновение, представлена персональным компьютером, плеером «Сони-Уокмен», беспроводным телефоном, мягкими контактными линзами.

Есть в киберпанке и сквозные темы. Модификация тела: протезы конечностей, имплантированная электроника, косметическая хирургия, генная модификация. Еще более актуальна модификация сознания: интерфейс, человек-компьютер, искусственный интеллект, нейрохирургия. Эти технологии фактически заново определяют природу человека, его самосознание.

Норман Спинрад в эссе о киберпанке отметил, что многие наркотики являются высокотехнологичными продуктами, это роднит их с рок-н-роллом, например. Отнюдь не мифологическая мать сыра-земля подарила человечеству лизергиновую кислоту,[8] ее изобрели в фармацевтических лабораториях «Сандоз», совершив побег из которых, она распространилась в обществе со скоростью лесного пожара. Не зря Тимоти Лири назвал персональный компьютер «ЛСД восьмидесятых» — обе новинки обладают устрашающе мощным потенциалом. В силу этого они выступают в качестве лейтмотива направления.

Киберпанков, которые сами по себе являются гибридами — продуктами слияния культур, всегда привлекали пограничные зоны, территории, где, по словам Гибсона, «улица находит собственное применение вещам». К примеру, вызывающее, безудержное уличное граффити — производная обычных красящих аэрозольных баллончиков, не говоря уже о подрывном потенциале простого домашнего принтера и копира. Музыка скрэтч, изобретенная в гетто, превратила проигрыватель в инструмент для извлечения архетипического звука восьмидесятых, здесь фанк сливается с методом нарезок[9] Уильяма Берроуза. «Все перемешать» — этот принцип искусства восьмидесятых применим и к киберпанку, и к панку, соединяющему воедино ретро с многодорожечной цифровой

записью.

Восьмидесятые — пора переоценки ценностей, интеграции, многофакторного влияния, отказа от устаревших принципов, глубокого и широкого их переосмысления. Киберпанки стремятся к как можно более универсальным, глобальным точкам зрения.

Действие романа Уильяма Гибсона «Нейромант» — настоящей квинтэссенции киберпанка — происходит в Токио, Стамбуле, Париже. Декорациями «Фронтеры» Льюиса Шайнера служат Россия, Мексика и даже поверхность планеты Марс. В «Затмении» Джона Ширли описывается конец Европы. «Музыка, звучащая в крови» Бира затрагивают глобальные, вселенские вопросы.

Инструменты мировой интеграции — спутниковые информационные сети, транснациональные корпорации — очаровывают киберпанков, постоянно фигурируют в произведениях. Киберпанки не слишком уважают границы. Токийский «Научно-фантастический журнал» издательства «Хаякава» первым посвятил этому направлению целый выпуск, в ноябре 1986 года. Британский журнал «Интерзона» можно также назвать рассадником киберпанка: там публикуются Ширли, Гибсон, Стерлинг, основополагающие критические статьи, интервью, манифесты. Информационная глобализация — не просто символ веры киберпанков, но их цель.

Отличительной чертой киберпанка является также яркое визионерство. Авторы желают странного, сюрреалистического, доселе немыслимого. Они настойчиво и безжалостно доводят идею до логического завершения, порой заглядывают далее. Подобно Балларду — ролевой модели киберпанков, — они невозмутимо следуют принципам максимальной, доходящей до клиники, объективности. Холодный научный анализ используется в произведениях на панковский манер, ради создания шокового эффекта. Яркость воображения соседствует с насыщенностью. Киберпанк славится вниманием к деталям, тщательно сконструированной сложностью, внедрением будущего в ткань реальности. Взрывной характер подачи новой информации вызывает сенсорную перегрузку — литературный эквивалент хард-роковой «стены звука».

Киберпанк является естественным развитием тем, всегда присутствовавших в научной фантастике, но до поры лежавших под спудом. Он вырос изнутри жанра, представляет собою не вторжение извне, но реформу изнутри. Потому и влияние его на жанр в целом — столь мощное и быстротекущее.

Будущее движения, как водится, открыто. Наравне с творцами панка и Новой Волны, авторы киберпанка развиваются и вскоре

могут разбежаться по дюжине новых направлений. Вряд ли лейбл будет привлекать их долгое время. Сегодня научная фантастика находится в редком состоянии ферментации. В оставшиеся от десятилетия годы можно ожидать глобальной эпидемии начинаний, развернутых изменчивым и многочисленным поколением восьмидесятых. Одиннадцать авторов, представленные здесь, — только часть огромной писательской волны, но даже эта часть — как и целое — уже делится на воинствующие фракции. Подкрепленные новым смыслом НФ, писатели обсуждают, переосмысливают, учат старых догов новым догматам. Тем временем рябь от киберпанка продолжает распространяться, возбуждая одних, бросая вызов другим и вызывая возмущение у немногих третьих, чьи возражения пока слышны слабо. А будущее так и остается непредсказуемым, хотя в отсутствии желания предсказать упрекнуть человечество сложно.

И наконец, причудой нашего поколения фантастов является то, что для нас литература о будущем имеет долгую и славную историю. Как писатели мы — в долгу перед теми, кто шел перед нами, — теми, чьи убеждения, верность жанру и талант настолько нас увлекли, что изменили наши жизни. Такой долг нельзя отплатить, только — признать и надеяться передать в наследство поколению, которое придет после нас.

А теперь я бы хотел выразить благодарность. Движение многим обязано терпеливой работе редакторов. Стоит лишь бросить взгляд на страничку с упоминанием авторских прав — и станет понятно, что главная роль принадлежит Эллен Дэтлоу из журнала «Омни» — очкарику и сестренке по общему с идеологически-корректным авангардом оружию. Ее помощь в составлении этой антологии неоценима. Гарднер Дозуа одним из первых обратил внимание критиков на Движение. Вместе с Шоной Маккарти он превратил «Научно-фантастический журнал Азимова» в энергетический и дискуссионный центр жанра. «Фэнтези энд сайнс фикшн» Эдварда Фермана всегда являлся для нас мерилом стандарта. «Интерзону» — наиболее радикальное фантастическое издание на сегодняшний день я уже упомянул, но его редакторы заслуживают повторной благодарности. И особое спасибо Йосио Кабаяси, нашему токийскому агенту, переводчику «Схизматрицы» и «Музыки, звучащей в крови» за любезности столь многочисленные, что описанию они не подлежат.

Занавес поднимается!

УИЛЬЯМ ГИБСОН
КОНТИНУУМ ГЕРНСБЕКА [10]

Этот рассказ явился первой профессиональной публикацией Уильяма Гибсона — в 1981 году.

С тех пор Гибсон стал одним из наиболее влиятельных мастеров нашего цеха, прославившись блестящим синтезом атмосферности и экстраполяции. Его романы «Нейромант» и «Граф Ноль», а также рассказы, действие которых происходит в той же вселенной Муравейника, вызвали шквал восторгов; критики отмечали как сильный нарративный драйв, так и отточенную стилистику и подробный, бескомпромиссный портрет будущего. Его работы — один из центральных текстов современной фантастики.

Однако началось все с предлагаемого вашему вниманию рассказа. Именно здесь Гибсон снайперски вычленил проблематичные аспекты нашего прошлого и призвал выработать новую НФ-эстетику 1980-х.

Кажется, меня начинает отпускать; еще немного и все, тьфу-тьфу-тьфу, останется в прошлом. Порой что-то еще мерещится — хромированный отблеск из приемной безумного доктора, — но лишь на краю поля зрения. На прошлой неделе над Сан-Франциско проплыло это летающее крыло, но авиалайнер был почти прозрачным. И родстеры с «плавниками» проявляются все реже, и автострады стесняются разворачиваться в восьмидесятиполосных чудовищ типа того, на которое мою арендованную красную «тойоту» вынесло месяц назад. И я уверен, что до Нью-Йорка это не доживет; диапазон моего зрения сужается до одной-единственной вероятности. Для чего понадобилось изрядно попотеть. Очень помог телевизор.

Началось все, видимо, в Лондоне, в той псевдогреческой таверне на Баттерси-Парк-роуд; за ланч платил Коэн из своих представительских расходов. Мертвое мясо, преющее в мармите, а ведерко со льдом для рецины искали полчаса. Коэн работает в издательстве «Баррис-Уотфорд», они делают «трендовые» альбомы — иллюстрированная история неоновых вывесок, пинбол, японские заводные игрушки периода оккупации. В Англию меня пригласили снимать рекламу обуви; калифорнийские девушки в ярких, вырви-глаз, беговых кроссовках на загорелых ногах выкидывали для меня коленца на эскалаторах Сент-Джонс-Вуда и платформах Тутинг-Бека. Поджарое, голодное молодое агентство решило, что именно

тайна лондонского общественного транспорта поможет продать побольше нейлоновых кедов. Решать им; снимать мне. А Коэн, с которым я был шапочно знаком еще в Нью-Йорке, пригласил меня на ланч накануне моего отлета из Хитроу. С ним вместе явилась ультрамодно прикинутая дамочка — без намека на подбородок и, судя по всему, видный историк поп-арта; звали ее Диальта Даунс. Вспоминая, как она входит в таверну рядом с Коэном, я так и вижу у нее над головой мигающую неоновую вывеску: «Прямо пойдешь — с ума сойдешь» — заглавными буквами без засечек.

Коэн представил нас друг другу и объяснил, что Диальта — главный вдохновитель нового «баррис-уотфордовского» проекта, иллюстрированной истории «американского стримлайн-модерна» (термин ее). Рабочее название проекта было следующим: «Аэродинамический футурополис: Будущее, которое не наступило».

Британцы сходят с ума по особо выморочным элементам американской поп-культуры — как западные немцы превратили в странный фетиш ковбоев с индейцами, а французы питают извращенную тягу к старым фильмам с Джерри Льюисом.[11] А Диальта Даунс зациклилась на специфически американской разновидности архитектуры, о которой большинство американцев и представления не имеют. Сперва я даже не понял, о чем это она, но постепенно до меня начало доходить. И вот я уже вспоминал утреннее воскресное телевидение пятидесятых.

Наш местный телеканал, заполняя паузы между передачами, иногда крутил старую, в пятнах и царапинах, кинохронику. Сидишь себе, жуешь бутерброд с арахисовым маслом, запиваешь молоком, а хорошо поставленный голливудский баритон вещает сквозь помехи, что В Будущем Тебя Ждет Летающий Автомобиль. И три механика из Детройта прикручивают в гараже крылья к неуклюжему старому «нэшу», а потом он бешено газует на пустой взлетной полосе где-нибудь в Мичигане. Отрыва от земли ни разу не показывали, но «нэш» улетел в страну-небывалию Диальты Даунс, на истинную родину поколения самозабвенных технофилов. Диальта рассказывала об этих реликтах «футуристической» архитектуры тридцатых-сороковых, мимо которых проходишь в американских городах каждый день и не замечаешь: ребристые фасады кинотеатров, будто призванные излучать некую неведомую энергию, витрины мелочных лавок, отделанные желобчатым алюминием, стулья из хромированных трубок, пылящиеся в гостиничных вестибюлях. Во всем этом она видела остатки мира грез, позабытые в равнодушном настоящем; их-то она и просила меня сфотографировать.

Американский промышленный дизайн родился в тридцатые

годы; прежде все точилки для карандашей выглядели как точилки для карандашей — незамысловатый викторианский механизм — возможно, с каким-нибудь декоративным завитком. Но с появлением первого поколения дизайнеров некоторые точилки стали выглядеть так, будто их собирали в аэродинамической трубе. Как правило, метаморфоза не заходила слишком глубоко: обтекаемый хромированный кожух скрывал все тот же викторианский механизм. Что было вполне логично: успешные американские дизайнеры в большинстве своем раньше трудились бродвейскими декораторами. И теперь они проектировали не столько вещи, сколько реквизит, замысловатые декорации, призванные изображать жизнь в будущем.

Когда принесли кофе, Коэн достал толстый конверт, набитый глянцевыми фотографиями. Я увидел крылатые статуи, охраняющие Плотину Гувера, они стойко кренились навстречу воображаемому урагану, как украшения на автомобильном капоте, только бетонные и десятиметровые. Я увидел с десяток снимков построенного Фрэнком Ллойдом Райтом[12] здания компании «Джонсон Вакс», сопоставленных с обложками старых номеров «Эмейзинг сториз» работы некоего Фрэнка Р. Пауля;[13] небось «джонсон-ваксовцам» каждое утро казалось, будто перед ними распахивается пульверизаторная фрэнк-паулевская утопия. Здание Райта выглядело так, словно проектировал он его для людей в белых тогах и люцитовых сандалиях. Мой взгляд остановила схема исполинского винтового авиалайнера — сплошное крыло, без фюзеляжа, наподобие толстого симметричного бумеранга с иллюминаторами в самых неожиданных местах. Стрелочки с подписями указывали расположение бальной залы и двух теннисных кортов. Датирован рисунок был тридцать шестым годом.

— Эта штука ведь не могла бы летать?.. — И я перевел взгляд на Диальту Даунс.

— Нет-нет, абсолютно исключено, даже с дюжиной таких огромных пропеллеров. Но тогда очень нравилось, как это выглядит, понимаете? От Нью-Йорка до Лондона за неполные два дня, столовые первого класса, отдельные каюты, солнечные палубы, а вечером джаз-банд и танцы… Конструкторы же были просто популистами, они пытались дать публике то, чего она хотела. А публика хотела будущего.

* * *

Посылка от Коэна догнала меня в Бербанке, где я застрял на

три дня, — пытался наделить какой-никакой харизмой одного до жути унылого рокера. Фотографировать то, чего нет, надо уметь, это редкий талант — и, соответственно, высокооплачиваемый; я, например, умею, хотя есть в этом деле мастера и почище меня. Бедолага-рокер испытывал терпение моего «Никона» буквально на износ. Как-то я в итоге выкрутился — с тяжелым сердцем, поскольку не люблю халтурить, но не с таким уж неподъемно-тяжелым, поскольку удостоверился, что за халтуру заплачено, — и решил в качестве профилактики заняться «баррис-уотфордовским» заказом, этим апофеозом художественности. Коэн прислал мне книжки по дизайну тридцатых, еще стопку фотографий «аэродинамических» зданий и составленный Диальтой Даунс перечень характерных для Калифорнии образчиков этого стиля, на полсотни позиций.

С архитектурной фотосъемкой приходится иногда подолгу ждать; здание превращается в своего рода солнечные часы, а ты сидишь и считаешь минуты, пока тень не отползет от нужной тебе детали или пока масса и баланс постройки не проявятся определенным образом. Просиживая таким образом штаны, я мысленно настраивался на Америку Диальты Даунс. Некоторые фабричные здания фокусировались на матовом стекле моего «Хассельблада» со зловещей тоталитарной величественностью, наподобие стадионов, которые Альберт Шпеер строил для Гитлера. Но в общем и целом весь этот «стримлайн-модерн» выглядел довольно убого: чудеса-однодневки, вытесненные коллективным бессознательным Америки тридцатых годов, сохранившиеся главным образом на депрессивных обочинах между пыльными мотелями, оптовыми складами матрасов и пятачками-стоянками торговцев подержанными автомобилями. Я решил сосредоточиться на бензоколонках.

В зените Эпохи Диальты строить калифорнийские бензоколонки явно поручили Мингу Безжалостному.[14] Ностальгически вспоминая архитектуру своей родной планеты Монго, он курсировал вдоль побережья и возводил из белой лепнины огневые позиции для лучевых орудий. Многие из них увенчивались чисто декоративной центральной башенкой, окруженной спиралью странных радиаторных ребер, характерных для всего этого стиля, так что казалось: стоит найти правильный рубильник и вспыхнут лучи беспримесного научно-технического энтузиазма. Одну такую колонку я сфотографировал в Сан-Хосе за час до того, как приехали бульдозеры и насквозь пропахали эту зодческую истину из штукатурки, железной сетки и дешевого бетона.

— Представьте себе как бы альтернативную Америку, —

говорила Диальта Даунс, — восьмидесятые, которые мы потеряли. Архитектуру несбывшихся грез.

С такой вот внутренней установкой двинулся я замысловатым зигзагом в красной «тойоте» по всему этому социоархитектурному крестному пути; мало-помалу я настраивался на Диальтин образ теневой мифической Америки с заводами «Кока-колы», напоминающими выброшенные на берег субмарины, и захудалыми кинотеатрами, похожими на храмы вымершей секты, поклонявшейся синим зеркалам и геометрии. Шагая по тайным руинам, я гадал, что бы подумали обитатели этого несбывшегося будущего о мире, в котором я живу. В тридцатых грезили о белом мраморе и обтекаемом хроме, однако ракеты с обложек дешевых журналов Гернсбека[15] и компании обрушились, завывая, на ночной Лондон. После войны у каждого и вправду была машина, хоть и без крыльев, и обетованная суперавтострада, кати — не хочу, так что само небо потемнело от выхлопных газов, которые разъели мрамор и чудесный кристалл…

И вот однажды под Болинасом, готовясь снимать особенно изощренный образчик минговского архитектурного милитаризма, я пронизал тонкую мембрану, мембрану возможного…

Незаметно, шажок за шажком, я ступил за Грань…

И, подняв голову, увидел двенадцатимоторное летающее крыло; гудя пропеллерами, толстый бумеранг со слоновьей грацией летел к востоку, летел так низко, что я мог сосчитать заклепки на его тускло-серой обшивке и, кажется, даже слышал отзвук джаз-банда.

* * *

Я обратился к Кину.

Мерв Кин — журналист-фрилансер, большой специалист по техасским птеродактилям, контактерам-реднекам, лох-несским чудовищам низшей лиги и топ-десятке теорий заговора, особенно котирующихся в самых завиральных закоулках американского массового сознания.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кин, протирая охотничьи очки из желтого поляроидного стекла подолом своей гавайской рубашки, — но ничего психического в этом нет, шарики с роликами на месте.

— Но я видел его, Мервин.

Мы сидели на ослепительном аризонском солнце у бассейна. Кин дожидался в Тусоне группы лас-вегасских госпенсионеров,

лидерша которых получала сообщения от Них на микроволновку. Я всю ночь провел за рулем, что хорошо чувствовалось.

— Естественно, видел. Никто и не спорит. Ты же меня читал — знаешь, как я подхожу ко всей этой уфологической хрени. Все очень просто. — Он тщательно водрузил очки на свой орлиный шнобель и пригвоздил меня к шезлонгу отработанным взглядом василиска. — Людям мерещится разное, только и всего. Ничего там нет, но людям все равно мерещится. Наверное, потому что им это нужно. Ты же читал Юнга, должен понимать… В твоем-то случае все совсем очевидно: сам говоришь, что думал об этой свихнутой архитектуре, воображал себе невесть что… Слушай, наверняка же ты пробовал в свое время кучу разной дури? Кто вообще в Калифорнии пережил шестидесятые без того, чтобы увидеть галлюцинацию-другую, а? Сидишь себе и вдруг понимаешь: кто-то нанял целые армии диснеевских техников, чтобы вплетали мультголограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов, или…

— Не так же все было.

— Кто бы спорил. Дело было совсем иначе, да? Как наяву? Все как обычно, и вдруг бац — возникает этот монстр, эта мандала, эта неоновая сигара. У тебя вот огромный самолет от Тома Свифта. Это случается сплошь и рядом. Ты даже не спятил. Понимаешь, да?

Он выудил пиво из потрепанного пенопластового кулера, стоявшего рядом с шезлонгом, и продолжил:

— На той неделе я был в Виргинии. Округ Грейсон. Беседовал с шестнадцатилеткой, на которую напала *ведмежья б**о**шка.*

— Что-что?

— Медвежья голова. Отдельно от тела, как охотничий трофей. Так вот, эта *ведмежья б**о**шка* порхала на собственной летающей тарелочке вроде колесного колпака с винтажной тачки кузена Уэйна. Глаза мерцали, как сигарные окурки, а из-за ушей торчали хромированные телескопические антенны.

Он раскатисто рыгнул.

— Голова на нее напала? Как это?

— Лучше тебе и не знать, ты у нас натура явно впечатлительная. «Оно было холодное, — снова изобразил он южный акцент, и так же топорно, — и как будто железное». И пищало по-электронному. Вот это, дружище, натуральный продукт, прямиком из бездн коллективного бессознательного. Девчонка — чистая ведьма. В нашем нынешнем обществе ей места нет. Не смотрела бы она с пеленок старый «Звездный путь» и «Бионического человека»,[16] ей бы дьявол мерещился. Она подключена к главной жиле. И уверена, что с ней это

действительно случилось. На все про все у меня было десять минут, пока не приехали настоящие уфологи с детектором лжи.

Я, должно быть, скривился, потому что он осторожно отставил пиво рядом с кулером и сел в шезлонге повыше.

— Если хочешь более высокоштильное объяснение — пожалуйста: ты видел семиотического призрака. Все контактерские истории, например, опираются на эти научно-фантастические образы, которыми наша культура пронизана сверху донизу. В принципе, инопланетян я еще могу допустить — но не инопланетян же из комиксов пятидесятых. Это всё семиотические фантомы, шматки глубоких культурных образов, которые откололись и зажили самостоятельно. Ну, как те жюль-верновские дирижабли, что вечно мерещились канзасским фермерам. А ты увидел призрак другого типа, вот и все. Когда-то этот самолет являлся частью коллективного бессознательного. Ты каким-то образом настроился на ту волну. Так что главное — не волноваться.

Но я-то волновался.

Кин пригладил свой редеющий блондинистый хайр и отправился выяснять, что новенького Они имеют сказать на дальних рубежах, а я задернул шторы в своем номере и улегся в наполненной гудением кондиционера темноте волноваться дальше. Когда я проснулся, волнение никуда не делось. Кин оставил на моей двери записку: ему надо было срочно лететь на север, спецрейсом, проверить слух о массовом увечье скота («увечники» — так он их называл) — еще одна его журналистская специализация.

Я поужинал, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку для похудения, которая года три болталась на дне моего бритвенного набора, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Спид сузил мое поле зрения до туннеля, высвеченного фарами «тойоты». Тело пусть ведет машину, сказал я себе, а рассудок — несет вахту. Несет вахту и держится подальше от фантасмагорических периферийных декораций, порожденных изнурением и амфетамином, от фосфоресцирующей фантомной флоры, что вырастает вдоль полночных автострад в углу мысленного взора. Но у рассудка свои резоны, и киновское толкование моего «эпизода», как я уже стал называть происшедшее, бесконечно крутилось у меня в голове по узкой перекошенной орбите. Семиотические призраки. Мелькание фрагментов Коллективной Грезы в набегающем воздушном потоке. Почему-то эта петля обратной связи усугубила действие таблетки, спидовая придорожная растительность окрасилась в цвета инфракрасных спутниковых снимков — тлеющие обрывки,

разлетающиеся в кильватере «тойоты».

Тогда я свернул на обочину и заглушил мотор, и с полдюжины алюминиевых пивных банок промигали мне «спокойной ночи», когда я вырубил фары. Интересно, подумал я, который час нынче в Лондоне, и попытался представить, как Диальта Даунс завтракает в своей хэмпстедской квартире, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в пустыне у нас неимоверны, Луна — ближе к Земле. Я долго наблюдал за Луной и наконец решил, что Кин нрав. Главное — это не волноваться. По всему континенту абсолютно нормальные, нормальнее любых моих потуг на нормальность, люди каждый божий день видят гигантских птиц, реликтовых гоминоидов и летающие нефтезаводы, не давая Кину скучать и бедствовать. Так чего я нервничаю из-за куска поп-воображения полувековой давности, разлетавшегося над Болинасом? Короче, можно и поспать, бояться-то нечего, кроме разве что хиппи-людоедов да гремучих змей, вокруг — знакомый придорожный мусор моего родного континуума. Завтра утром скатаюсь наконец в Ногалес и поснимаю старые бордели, а то который год уже никак не соберусь. Тут и таблетка отпустила.

* * *

Разбудил меня свет, потом я услышал голоса.

Источник света был где-то сзади, по салону «тойоты» бегали тени. Голоса звучали спокойно и неразборчиво, мужской и женский: поглощенная беседой пара.

У меня затекла шея, в глаза как будто песка насыпали. Нога, прижатая к рулевой колонке, совершенно одеревенела. Я принялся нашаривать очки в кармане рубашки и наконец водрузил их на нос.

Потом обернулся и увидел город.

Альбомы по дизайну тридцатых лежали в багажнике; в одном из них был эскиз города-мечты, вдохновленный «Метрополисом»[17] и «Обликом грядущего»,[18] но пошедший гораздо дальше: небоскребы взмывали сквозь идеальные, намеченные штрихами облака, увенчанные безумными неоновыми шпилями и швартовыми мачтами для аэростатов. Так этот город из альбома был уменьшенной копией того, что высился сейчас позади меня. Шпиль громоздился на шпиль ступенями блистающего зиккурата, карабкавшимися к золотой башне центрального храма, окруженной спиралью радиаторных

ребер, как на автозаправках планеты Монго. В самой маленькой из этих башен легко спрятался бы Эмпайр-стейт-билдинг. Между шпилями петляли хрустальные эстакады, по ним бежали обтекаемые серебристые точки, будто капельки ртути. Небо кишело воздушными судами: огромные лайнеры — летающие крылья, юркие блестящие невелички (то и дело какая-нибудь из серебристых капель грациозно взмывала с эстакады и присоединялась к небесному танцу), километровые дирижабли, по-стрекозьи недвижно зависающие автожиры…

Я зажмурился и крутанулся волчком. Открыв глаза, приказал себе увидеть спидометр, пыльную торпеду из черного пластика, переполненную пепельницу. Снова зажмурился.

— Амфетаминовый психоз, — произнес я и открыл глаза.

Торпеда была на месте, и пыль, и мятые бычки в пепельнице. Очень осторожно, не шевеля головой, я включил фары.

И увидел их.

Они были светловолосые. Они стояли рядом со своим автомобилем — алюминиевым плодом авокадо с высоким, как акулий плавник, килем и с гладкими черными шинами, как у игрушечной машинки. Он обнимал ее за талию, а другой рукой указывал на город. Оба они были в белом: свободные одежды, голые ноги, белые, без единого пятнышка, сандалии. Лучей моих фар они словно не видели. Он говорил что-то мудрое и сильное, а она кивала, и вдруг мне стало страшно — страшно по-другому, совсем не так, как прежде. Потерять рассудок я уже не боялся; откуда-то я понял, что город позади — это Тусон: Тусон-мечта, порожденный коллективными чаяниями эпохи; что он реален, абсолютно реален. Но стоявшая передо мной пара жила в нем — и они меня пугали.

Они были детьми несбывшихся восьмидесятых Диальты Даунс; они были Наследниками Мечты. Белокожие, светловолосые и, возможно, голубоглазые. Американцы. Диальта говорила, что Будущее пришло сперва в Америку, но затем оставило ее позади. Только не здесь, не в сердце Мечты. Здесь мы двигались только вперед, и логике этой грезы были неведомы загрязнение природы, истощение ископаемых ресурсов, войны на чужой территории, которые возможно проиграть. Счастливые Наследники Мечты были совершенно довольны собой и своим миром. И в сердце Мечты это и вправду был *их* мир.

Позади меня — город в блеске иллюминации; прожектора шарили по небу просто так, от избытка чувств. Я представил себе, как Наследники Мечты наводняют беломраморные площади, чинно и бодро, а в их глазах горит восторженное преклонение перед широкими, залитыми огнями проспектами и серебристыми

автомобилями.

Как п***о***шло — и как зловеще в своей пошлости, — ну вылитая гитлерюгендовская пропаганда.

Я включил передачу и медленно тронулся; вот уже мой бампер в трех футах от них. Они меня так и не видели. Я опустил стекло в дверце и прислушался, о чем там толкует мужчина. Пустая и звонкая, как призывы торговой палаты, говорильня — и он явно верил каждому своему слову. Свято верил.

— Джон, — донеслись до меня слова женщины, — мы забыли принять завтрак.

Она выщелкнула из какого-то устройства на поясе две яркие облатки и передала одну мужчине. Я поморщился, вырулил задним ходом на шоссе и, качая головой, направился к Лос-Анджелесу.

* * *

С заправки я позвонил Кину. С новой аляповатой заправки в стиле испанского модерна. Кин уже вернулся из своей вылазки и не возражал побеседовать.

— Да, неплохо так накрыло. Ты не пытался, кстати, сфотографировать? Ничего, конечно, никогда не выходит, но остроты твоему рассказу это добавило бы — то, что фотографии не вышли.

Но что мне делать-то?

— Побольше смотреть ящик, особенно викторины и мыльные оперы. Порнуха тоже годится. Видел когда-нибудь «Бордель под свастикой»? У нас тут его крутят по кабелю. Редкостное дерьмо. Как раз то, что тебе надо.

О чем это он вообще?

— Кончай вопить и слушай сюда. Открою тебе профессиональную тайну: семиотических призраков можно изгнать всякой медийной херотенью, и чем херовее, тем лучше. Я так отгоняю маленьких зеленых человечков — так, может, и ты своих ар-декошных футуроидов отгонишь. Попробуй. Чего тебе терять-то?

Тут он сказал, что ему пора спать; — мол, с утра пораньше предстоит рандеву с Избранными.

— С кем с кем?

— Ну, эти старички из Вегаса, с микроволновками.

Я подумал, не позвонить ли в Лондон, коллект-коллом, за счет «Баррис-Уотфорда», и не сообщить ли Коэну что его фотограф отправляется на затяжной срок в «Сумеречную зону».

[19] В итоге я взял в кофейном автомате чашку чего-то невообразимого без сахара и сливок, забрался в «тойоту» и покатил в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес — это была плохая мысль, и я провел там две недели. Лос-Анджелес — Диальтина страна в чистом виде, родина Мечты, натуральное минное поле, где можно подорваться на осколках Мечты в любой миг. Я чуть не разбился на виадуке у Диснейленда, когда шоссе развернулось, как оригами, в несколько десятков полос и я принялся лихорадочно лавировать между стремительными хромированными каплями с акульими плавниками. Хуже того, Голливуд кишел людьми, слишком уж напоминающими ту пару, которую я видел в Аризоне. В итоге я нанял итальянского режиссера, который, дожидаясь у моря погоды, подрабатывал печатью-проявкой и кафельными работами; он распечатал все пленки, которые скопились у меня по Диальтиному проекту. Сам я и смотреть на негативы не хотел. Но Леонардо ничего не почувствовал, и я, перетасовав отпечатки, как колоду карт, отправил их авиапочтой в Лондон. Потом вызвал такси и поехал в ближайший кинотеатр, где крутили «Бордель под свастикой», и всю дорогу дотуда сидел зажмурившись.

Поздравительная телеграмма от Коэна догнала меня через неделю в Сан-Франциско. Диальта была в восторге от фотографий. Коэну особенно понравилось, как я «проникся проектом», и он был бы, мол, очень не прочь при случае поработать со мной еще раз. В тот же день я заметил над Кастро-стрит летающее крыло — но какое-то не очень убедительное, тут и в то же время не тут. Я метнулся к ближайшему киоску и набрал столько газет, сколько смог унести, с передовицами о бензиновом кризисе и опасностях атомной энергетики. Я вдруг решил, что надо срочно лететь в Нью-Йорк.

— Куда катится мир, а? — сказал киоскер, тощий негр с плохими зубами и в явном парике.

Я кивнул, нащупывая мелочь в кармане джинсов; думал я лишь о том, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в убедительные свидетельства нашей нынешней почти антиутопии.

— Но могло быть и хуже, — добавил он.

— Ну да, — сказал я, — могло быть куда хуже. Идеальный мир — вот чума.

И я зашагал по улице с пачкой концентрированной катастрофы под мышкой, а он все смотрел мне вслед.

ТОМ МЭДДОКС
ГЛАЗА ЗМЕИ [20]

В 1986 году новая эстетика восьмидесятых переживала свой расцвет. Ее тогдашнее состояние блестяще отражено в рассказе Тома Мэддокса.

Том Мэддокс — преподаватель английского языка и литературы в Виргинском государственном университете. Он не самый плодовитый писатель — до сих пор из-под его пера вышло всего несколько рассказов. И все же, несмотря на это, он остается непревзойденным мастером в своем жанре.

В своем захватывающем, даже провидческом рассказе Мэддокс успевает затронуть и раскрыть почти всю тематику Движении. «Глаза змеи» — яркий пример современного жесткого киберпанка.

Темное мясо в консервной банке — коричневатое, маслянистое, покрытое слизью — издавало отвратительный запах рыбы; во рту у Джорджа Джордана стоял этот вкус, горький вкус разложения, словно он наглотался желудочного сока мертвеца. Он сел на кухонный пол, и его вырвало, затем он, помогая себе руками, отполз от блестящей лужи, в которой плавали куски бывшего содержимого банки. Он подумал: «Нет, так дело не пойдет, у меня в голове провода, и они заставляют меня жрать кошачий корм. *Змея любит кошачий корм».*

Он нуждался в помощи, но понимал, что нет смысла звонить в BBC. Он пытался связаться с ними, но они отказались от ответственности за монстра, сидевшего у него в голове. То, что Джордж называл «змеей», на языке вояк звучало как «Эффективная технология человеческого интерфейса», и они не желали слышать ни о каких проблемах, случившихся после его отставки. Им хватало собственных разборок с комитетами Конгресса, расследующими ведение войны в Таиланде.

Некоторое время он лежал, прижавшись щекой к холодному линолеуму, затем встал, прополоскал рот и сунул голову под струю ледяной воды; он сказал себе: «Позвони чертовому проклятому мультикомпьютеру, позвони в „СенТракс“ и спроси, могут ли они что-нибудь сделать с этим дьяволом, который завладел твоей душой? А если они спросят тебя, в чем проблема, ответь, что в кошачьем корме. Они, возможно, скажут тебе: „Черт, да он просто хочет завладеть твоим *обедом“».*

Посреди пустой гостиной стояло кресло, обтянутое коричневым вельветом, рядом на полу — белый телефонный

аппарат, напротив, у стены, — телевизор. Вот в чем заключалась проблема: это могло бы быть его домом, если б не змея.

Он взял трубку, нашел на дисплее нужную директорию и набрал: «Вызвать „СенТракс“».

Гостиница «Орландо Холидей Инн» располагалась рядом с аэропортом, и сюда устремлялся нескончаемый поток туристов, жаждущих чудес Дисней-Уорлда. «Но для меня, — думал Джордж, — не существует смышленых улыбающихся утят и мышей. Это место похоже на все остальные — *змеиный город».*

Он прислонился к стене своего номера, глядя, как серые простыни дождя одна за другой падают на тротуар. Он уже два дня ждал запуска. Шаттл стоял на стартовой площадке на мысе Канаверал, и после улучшения погоды Джорджа должны были забрать на вертолете и отвезти туда — его, багаж для корпорации «СенТракс», — чтобы доставить на станцию «Атена», находящуюся в тридцати тысячах километров над экватором.

У него за спиной, в лазерных лучах голографической сцены «Блаупункт», люди в фут ростом болтали о войне в Таиланде и о том, как повезло США, что им удалось избежать второго Вьетнама.

Повезло? Возможно. В то время он был напичкан проводами и готов к бою, он уже привык к креслу, способному точно адаптироваться под любое человеческое тело, креслу, расположенному в задней части черного самолета из углеродного волокна — А-230, производства «Дженерал Дайнэмикс». А-230 летал на опасной границе между жизнью и смертью под управлением набора микрокомпьютеров. Эти компьютеры соединялись с мозгом пилота-ассистента, отвечающего за управление машиной и ведение огня, с помощью двух черных пластиковых кабелей, вставляемых в гнезда по обе стороны от его пищевода. Да, он буквально *ловил кайф,* когда провода становились на место, он всем своим естеством ощущал дрожь корпуса самолета, и тело его пело, приобретая новую личность, новое могущество.

А потом Конгресс перекрыл воякам кислород, а ВВС, в свою очередь, перекрыли кислород Джорджу, после чего ему пришлось уйти в отставку; и вот теперь он сидит здесь, одетый, готовый отправляться в путь, но никто не ждет его. У него остался только этот технологический триппер и провода в голове, которые стали жить собственной жизнью.

Молния мелькнула на багровом небе, разорвала его надвое и превратила в гигантскую перевернутую чашу с трещиной посередине. С голографического экрана очередной человечек в

фут ростом сообщил, что в ближайшие два часа ожидается тропический шторм.

Раздалась трель телефона.

Хэмилтон Иннис оказался высоким и мускулистым — сто девяносто три сантиметра, сто десять килограммов. На нем были мягкие черные тапочки и зеленовато-голубой спортивный костюм с красной надписью «СенТракс» на левой стороне груди; он плыл по ярко освещенному коридору, осторожно цепляясь за стену с помощью одной из липучек костюма. Взглянув на экран, расположенный над входом в шлюз, он увидел, как шаттл стыкуется со станцией, и принялся ждать, когда люк шлюзовой камеры откроется и появится новичок.

Этот покинул службу полгода назад и постепенно лишился тех остатков рассудка, которые оставили ему врачи ВВС. Бывший техник-сержант Джордж Джордан: два года в местном колледже в Окленде, Калифорния, затем служба в ВВС, подготовка к полетам, участие в программе ЭТЧИ. Если верить досье, которое Алеф составил из личного дела ВВС и сведений Национального банка данных, этот человек обладал интеллектом и способностями несколько выше средних, а также явной склонностью ко всему необычному — отсюда добровольное вступление в программу ЭТЧИ и участие в боевых действиях. Фотографии, приложенные к делу, мало о чем говорили: рост сто семьдесят восемь, вес восемьдесят килограмм, шатен, глаза карие, не красавец, не урод. Но фотографии были старыми, на них не просматривались ни змея, ни страх, пришедший вместе с ней. «Ты этого не знаешь, приятель, — подумал Иннис, — все еще только начинается».

Человек, спотыкаясь, вывалился из шлюзовой камеры; он чувствовал себя практически беспомощным в отсутствие силы тяжести, но Иннис заметил, что тот быстро разобрался в ситуации, заставил себя расслабиться и усилием воли перестал бороться с несуществующей гравитацией.

— И какого черта мне дальше делать? — спросил Джордж Джордан, повиснув на полпути между полом и потолком и держась одной рукой за комингс люка.

— Просто не напрягайся. Я тебе сейчас помогу.

Иннис, оттолкнувшись от стены, описал дугу, оказался рядом с новоприбывшим и на лету схватил его; затем они подлетели к противоположной стене, и он, снова оттолкнувшись, увлек Джордана прочь.

Иннис позволил Джорджу поспать несколько часов; этого времени хватило лишь на то, чтобы исчезли мелькавшие перед

глазами яркие точки и светящиеся круги, порожденные повышенной силой тяжести во время перелета. Большую часть времени Джордж вертелся на своей койке, прислушиваясь к гудению кондиционера и скрипам вращавшейся станции. Затем Иннис постучал в дверь его каюты и сказал в переговорное устройство, вмонтированное в дверь:

— Ну все, вставай, приятель. Пора встретиться с доктором.

Они прошли через старую часть станции; на зеленом пластиковом полу виднелись коричневые комочки окаменевшей жевательной резинки, стены покрывали следы подошв и бледные знаки различия и названия подразделений; несколько раз повторялась аббревиатура МОСГ, написанная полустертыми буквами. Иннис объяснил Джорджу, что буквы означают Международную орбитальную строительную группу и что она давно не существует; это были люди, сконструировавшие «Атену» и контролировавшие ее с самого начала.

Иннис остановил Джорджа у двери с табличкой «Группа работы с интерфейсом».

— Ну, давай, — сказал он. — Я попозже загляну.

Одна из бледно-кремовых стен была увешана картинами с изображениями журавлей, выписанных тонкими белыми штрихами на коричневом шелке. Изогнутые перегородки из полупрозрачной пены, освещенные расположенными позади неяркими лампами, окружали центральную часть комнаты, затем, волнообразно извиваясь, образовывали коридор, уходивший прочь, во тьму. Джордж сидел на подвесном диване шоколадного цвета, а Чарли Хьюз развалился, откинувшись на спинку кресла из коричневого кожзаменителя с хромированными ножками и закинув ноги на столик из темной фанеры; с кончика его сигареты свисал полудюймовый столбик пепла.

Хьюз не походил на обычного военного врача. Это оказался худой человек в поношенном сером поясе-оби, его длинные черные волосы были стянуты на затылке в хвост, черты лица казались резкими, кожа туго обтягивала скулы, а в глазах мелькало какое-то странное выражение.

— Расскажите мне о змее, — попросил он.

— Что именно вы хотите услышать? Это имплантированный в мозг компьютерный узел…

— Я знаю. Это не важно. Расскажите мне о вашем личном опыте. — Пепел с сигареты упал на коричневый ковролин. — Расскажите, зачем вы здесь.

— Ну ладно. Это началось примерно через месяц после того, как я ушел из BBC и поселился недалеко от Вашингтона, в

Силвер-Спрингсе. Я думал найти работу в какой-нибудь авиакомпании, но не особенно торопился — мне должны были еще полгода платить пособие, и я решил немного отдохнуть. Сначала у меня появилось просто какое-то неопределенное нехорошее ощущение. Я чувствовал себя одиноким, отчужденным от людей, но… какого черта, ведь я жил в США, понимаете? Ну ладно, не важно; однажды вечером, когда я сидел дома и уже собирался посмотреть фильмец, выпить пива… О, это трудно объяснить. Я почувствовал себя *ужасно* — как будто у меня начался, ну, не знаю, сердечный приступ или инсульт. Слова в экране потеряли всякий смысл, и мне показалось, будто я нахожусь под водой. Меня понесло на кухню, и я стал вытаскивать из холодильника все подряд: сосиски, колбасу, сырые яйца, масло, пиво — всякое дерьмо, короче. Просто стоял и швырял все на пол. Потом я начал бить яйца и высасывать их прямо сырыми, ел масло кусками, высосал все пиво — три банки подряд…

Джордж, закрыв глаза, вернулся мыслями в прошлое и почувствовал, как внутри снова поднимается страх, пришедший не сразу, позднее.

— Я не знал, кто это в действительности делает — *я* или нет… понимаете, о чем я? То есть… вот я сидел там, но в то же время мне казалось, что в квартире находится кто-то еще.

— Змея. Ее присутствие порождает некоторые… проблемы. И как вы справлялись с ними?

— Ну, продолжал жить дальше, надеясь, что такого больше не повторится, но оно повторилось, и тогда я пошел к Уолтеру Риду[21] и сказал: «Эй, народ, у меня начались *приступы*».

— И они поняли, в чем дело?

— Нет. Они достали мое досье, провели медосмотр… какой, к черту, медосмотр, меня же всего прощупали, перед тем как я ушел в отставку. Ну и сказали, что у меня проблемы с головой, отправили меня к психиатру. Примерно тогда ваши парни связались со мной. Психиатр не помог — вам когда-нибудь приходилось есть кошачий корм, док? — и тогда, примерно месяц назад, я позвонил им.

— Отказавшись от предложения «СенТракса» в первый раз?

— А почему я должен работать на мультикомпьютер? «Комп живет — комп думает» — так ведь они говорят? Боже, я только что отвязался от военных. К чертовой матери, решил я. Но наверное, змея помогла мне поменять точку зрения.

— Да. Мы должны получить полную картину вашей мозговой деятельности: аксиальную томограмму, исследование церебральных химических процессов, диаграммы электрической

активности. Кстати, сегодня в кафетерии номер четыре вечеринка — можете спросить у компьютера в вашей каюте, где это. Возможно, там вы встретите кое-кого из бывших коллег.

После того как врач увел Джорджа по коридору из пены, Чарли Хьюз долго сидел, куря «Голуаз», сигарету за сигаретой, и с бесстрастием медика наблюдая за дрожью рук. Странно, что они не дрожали в операционной, хотя в данном случае это не имело значения, — хирурги BBC уже потрудились над Джорджем.

Джордж… который сейчас нуждался в известной доле везения, он стал членом крошечной группы, для которых программа ЭТЧИ оказалась билетом в неведомое безумие, интересовавшее Алефа. Были еще Пол Коэн и Лиззи Хайнц, которых выбрали из персонала «СенТракса» на основе психологического портрета, составленного Алефом; именно он, Чарли Хьюз, устанавливал им имплантаты. После того как Пол Коэн вошел в шлюз и открыл люк, ведущий в вакуум, у них остались только Лиззи и Джордж.

Неудивительно было, что у него дрожат руки, — можно сколько угодно говорить об авангарде технологии, но надо помнить одно: кто-то должен держать скальпель.

В бронированном сердце станции «Атена» располагалась система концентрических сфер. Диаметр внутренней сферы составлял пять метров, она была наполнена жидким инертным фторуглеродом, в котором плавал пластиковый куб с длиной ребра в два метра, ощетинившийся толстыми черными кабелями.

Внутри куба стремительно мелькали голографические волновые сигналы, каждую наносекунду изменявшие форму, образуя знания и стремления, — это был Алеф. Его составляла бесконечная логическая цепочка знаний — каждая мысль становилась объектом следующей, и эта последовательность была ограничена лишь пределами воли компьютера.

Потому, строго говоря, Алефа не существовало, потому не было подлежащего в предложениях, с помощью которых он выражал себя. Этот парадокс, одна из наиболее интересных Алефу интеллектуальных форм, устанавливал пределы его мыслительной деятельности, даже вида, в котором он существовал, а Алефа очень интересовали пределы.

Алеф наблюдал за прибытием Джорджа Джордана, за тем, как он вертелся на койке, слушал его разговор с Чарли Хьюзом. Он наслаждался этими наблюдениями, жалостью, сочувствием, состраданием, порожденными ими, предвидя в то же время резкие изменения, которые вскоре должны были произойти с Джорджем, — его экстаз, страсть, боль. Но, мысленно

отстранившись, он чувствовал необходимость этой боли, даже если она приведет к смерти.

Сострадание — отчуждение, смерть — жизнь…

Несколько тысяч голосов внутри Алефа принялись хохотать. Скоро Джордж сам узнает все о пределах и парадоксах. Суждено ли ему выжить? Алеф надеялся, что да. Он с нетерпением ждал соприкосновения с разумом человека.

Кафетерий № 4 представлял собой квадратную комнату размерами десять на десять метров с матовыми голубыми стенами, уставленную темно-серыми эмалированными комплектами «стол-стул», которые с помощью магнитов крепились на полу, стенах или потолке, в зависимости от направления силы тяжести. Б*о*льшая часть столов была развешана на стенах и потолке, освобождая место для собравшихся людей.

В дверях Джорджа встретила высокая женщина. Она сказала:

— Добро пожаловать. Меня зовут Лиззи. Чарли Хьюз сказал мне, что ты придешь.

Ее светлые волосы были острижены настолько коротко, что череп казался почти голым; ярко-синие глаза просверкивали золотыми искорками. Острый нос, немного скошенный подбородок и выступающие скулы придавали женщине вид анорексичной модели. На ней была черная юбка с разрезами до середины бедер и красные чулки. На бледном левом плече краснела вытатуированная роза, зеленый стебель которой извивался между обнаженными грудями, а с шипа стекала нарочито стилизованная алая капля. Как и у Джорджа, под подбородком на горле у Лиззи сверкали гнезда для кабелей. Она поцеловала его в губы, коснувшись его зубов кончиком языка.

— Ты офицер-вербовщик? — спросил Джордж. — Если так, то это хорошая работа.

— Тебя не нужно вербовать. Я вижу, что ты уже один из нас. — Она легко прикоснулась пальцами к его шее, рядом с блестящими гнездами.

— Пока нет. — Впрочем, она, конечно, была права что ему еще оставалось делать? — У вас здесь пива не найдется?

Он взял предложенную бутылку ледяного «Дос Экоса» и выпил одним махом, затем попросил еще. Позднее он сообразил, что это было ошибкой — он еще не привык к низкой гравитации и пил пилюли от головокружения («Операторам механизмов применять с осторожностью»). Однако в тот момент он понимал только одно: два пива — и жизнь превратится в праздник. Вокруг мелькали огни, шумели люди, столы и стулья торчали со стен и потолка, словно сюрреалистические скульптуры, вокруг толклась

куча незнакомого народа (Джорджа представляли многим, но он не мог запомнить имена и лица).

И еще там была Лиззи. Большую часть времени они стояли в углу и обнимались. Джордж не привык проводить время подобным образом, но тогда это показалось ему вполне пристойным. Несмотря на интимность, поцелуй у двери показался ему церемониальным — словно ритуал вступления в некое общество, обряд инициации — однако вскоре он почувствовал… что же это было? Их словно опалило невидимое пламя, окутало раскаленное облако феромонов, — казалось, глаза Лиззи искрились от них. Он уткнулся лицом в ее шею, пробовал слизнуть с ее груди нарисованную каплю крови, ощупывал языком ее ровные белые зубы — а те, казалось, превратились в единое целое, словно их соединяли провода, вставленные в сверкающие прямоугольники на горле.

Кто-то включил джаз на музыкальном автомате в углу. Появился Иннис и несколько раз безуспешно попытался привлечь к себе внимание Джорджа. Чарли Хьюз хотел знать, понравилась ли змее Лиззи, — да, понравилась, Джордж был уверен, но он не понимал, что бы это значило. Затем он споткнулся о стул и упал.

Иннис увел его, едва державшегося на ногах, прочь, помогая огибать столы и людей. Чарли Хьюз поискал Лиззи, отлучившуюся ненадолго. Она вернулась и спросила:

— А где Джордж?

— Напился, пошел спать.

— Очень плохо. Мы как раз начали узнавать друг друга ближе.

— Я видел, как вы начали. И как, тебе это понравилось?

— Хотите узнать, как мне понравилось быть лживой вероломной сукой?

— Да ладно тебе, Лиззи. Мы все в этом варимся.

— Тогда не надо задавать дурацких вопросов. Мне это не нравится, можете поверить; но я знаю, что Джордж иного мнения, — потому я готова сделать то, что должно. К тому же он действительно симпатичный парень.

Чарли ничего не ответил. «Да, — подумал он, — Алеф сказал, что именно так все и будет».

На следующее утро Джордж чувствовал себя ужасно неловко. Боже — он напился, тискал девушку при народе, упал, — ой-ой-ой! Он попытался дозвониться до Лиззи, но, услышав автоответчик, повесил трубку. Лег на койку и лежал в отупении, пока не зазвонил телефон.

На экране возникло лицо Лиззи — она высунула язык, глядя

на Джорджа.

— Ах ты, трус, — сказала она. — Стоило мне отойти на пару минут, и ты смылся.

— Меня кто-то отволок в каюту, я ничего не помню.

— Да, напился ты знатно. Хочешь, сходим вместе на ланч?

— Может, и сходим. Это зависит от того, во сколько мне назначит Хьюз. Где тебя найти?

— Там же, дорогой. В кафетерии номер четыре.

По телефону сообщили, что доктор примет его только через час, и вскоре Джордж уже сидел напротив экстравагантной блондинки с блестящими глазами — теперь она была одета в комбинезон «СенТракса», правда расстегнутый почти до пояса. Она излучала волны чувственности — это казалось таким же естественным, как аромат, исходящий от розы. Перед ней стояла тарелка *huevos rancheros*[22] политой гуакамоле с желтым, зеленым и красным перцем; от яичницы исходил пряный запах чили, но сейчас он казался Джорджу таким же отвратительным, как вонь кошачьего корма.

— Боже мой, леди, — простонал он, — вы что, хотите, чтобы меня вывернуло наизнанку?

— Смелее, Джордж. Может, тебе стоит съесть немного — это или добьет тебя, или вылечит. Скажи, что ты думаешь обо всем происходящем?

— Я немного растерялся, да и какого черта не растеряться? Я в первый раз покинул матушку-землю, понимаешь ли. Но вообще-то я никак не могу понять одного: «СенТракс» — я знаю, что мне от них нужно, но какого дьявола они хотят получить от меня?

— Им нужна одна простая вещь, старина, — периферийные устройства. Ты и я — это части компьютера. У Алефа есть все устройства ввода — видео, аудио, детекторы излучения, температурные датчики, спутниковые приемники, — но они *немы.* А что Алефу нужно, он всегда получает, это я усвоила. Он хочет нас использовать, вот и все. Думай о происходящем как о чистом эксперименте.

— Он? То есть Иннис?

— Да нет, при чем тут, к дьяволу, Иннис? Я говорю про Алефа. Ну конечно, тебе будут внушать, что Алеф — компьютер, неодушевленный предмет, *оно,* но это все дерьмо. Алеф — *личность,* странная, необычная конечно, но определенно — личность. Черт, да он, наверно, может быть целой кучей людей.

— Хорошо, поверю тебе на слово. Послушай, я бы хотел попробовать одну вещь, если подобное вообще возможно. Что мне нужно сделать, чтобы выйти наружу… в открытый космос?

— Это легко. Нужно получить разрешение, его выдают после

трехнедельных курсов по технике безопасности и управлению скафандром. Я могу с тобой позаниматься.

— Ты?

— Рано или поздно всем нам приходится чем-то зарабатывать себе на жизнь — я профессиональный инструктор по ВСД, внестанционной деятельности. Начнем завтра?

Журавли на стене летели куда-то к своему загадочному месту назначения; глядя на стены из светящейся пены и изображение, висевшее над столом, Джордж думал, что они, наверное, устремляются в другую Вселенную. Под черным пластиковым хоботом голографического оптического проектора «сони» плавал его мозг; зрительные нервы торчали наружу, словно усики насекомого. Хьюз защелкал по клавиатуре, и мозг развернулся таким образом, чтобы можно было видеть его нижнюю часть.

— Вот он, — произнес Чарли Хьюз. Хвост из тонких серебряных проводов тянулся за мозгом, но в целом тот выглядел нормально.

— Мозг Джорджа Джордана, — ответил Иннис. — С дополнительными приспособлениями. Симпатично выглядит.

— Когда я смотрю на эту штуку, у меня возникает такое чувство, будто я любуюсь вскрытием собственного трупа. Когда вы сделаете мне операцию и вытащите чертово дерьмо у меня из головы?

— Я сейчас вам кое-что покажу, — сказал Чарли Хьюз. Он пощелкал кнопками, взялся за пластиковую мышь, и серая кора, покрытая извилинами, стала прозрачной, открыв внутренние части мозга, обозначенные красным, синим и зеленым. Хьюз протянул руку к центру изображения и сжал кулак внутри синей области, расположенной в начале спинного мозга. — Вот тут электрические связи превращаются в биологические — эти маленькие узлы, расположенные вдоль псевдонейронов, представляют собой биопроцессоры, и они подключены к так называемому Р-комплексу, который мы унаследовали от наших предков-рептилий. Эти псевдонейроны тянутся внутрь лимбической системы — так сказать, мозга млекопитающего, — и именно здесь возникают эмоции. Но затем они через ретикулярную активирующую систему проникают дальше, в неокортекс и мозолистое тело. Существуют также связи со зрительным нервом.

— Я уже слышал всю эту чушь. Давайте ближе к делу.

Иннис вмешался:

— Нельзя удалить имплантаты, не повредив нервную систему. Мы не можем их извлечь.

— Вот дерьмо!..

Чарли Хьюз заговорил:

— Змею нельзя изгнать, но ее, вероятно, удастся приручить. Ваши проблемы вызваны ее дикой, неконтролируемой природой — у нее, так сказать, первобытные аппетиты. Древняя часть вашего мозга возобладала над неокортексом, который у нас всех является доминирующим. Но в сотрудничестве с Алефом эти… *склонности* могут быть интегрированы в вашу личность, и, таким образом, вы сможете их контролировать.

— Разве у тебя есть выбор? — спросил Иннис. — Кроме нас, тебе не к кому идти. Ну давай, Джордж. Мы подождем тебя в комнате дальше по коридору.

Комнату освещал шар, висящий в одном из углов. Джордж лежал в чем-то, напоминавшем гамак, — это была прямоугольная сетка из коричневых волокон, натянутая на прозрачную пластиковую раму, которая крепилась к куполообразному розовому потолку. Провода телесного цвета тянулись от горла Джорджа и исчезали в хромированных гнездах в полу.

Иннис сказал:

— Сначала проведем тест. Чарли будет демонстрировать тебе объекты восприятия — цвета, звуки, вкусы, запахи, — а ты говори, что чувствуешь. Нам нужно убедиться, что интерфейс чист. Просто называй все по порядку, Джордж, — Чарли остановит тебя, когда будет нужно.

Иннис вышел за дверь, в соседнюю комнату — узкий чуланчик, где Чарли Хьюз сидел за мерцающей огоньками консолью из черного пластика. За спиной у него высились ряды приборов наблюдения и контроля, и на каждом сверкающем металлическом ящике стоял логотип «СенТракса» — желтое солнце.

Розовые стены стали красными, свет замигал, и Джордж завертелся в своем гамаке. В его внутреннем ухе раздался голос Чарли Хьюза:

— Начинаем.

— Красный, — сказал Джордж. — Синий. Красный и синий. Слово «страус».

— Хорошо. Дальше.

— Запах… ммм… наверно, опилки.

— Точно.

— Дерьмо. Ваниль. Миндаль.

Это продолжалось довольно долго.

— Вы готовы, — наконец произнес Чарли Хьюз.

В игру вступил Алеф, и красная комната исчезла.

Перед Джорджем возникла матрица размером восемьсот на

восемьсот пикселей — шестьсот сорок тысяч точек, образующих изображение. Это были остатки сверхновой в созвездии Кассиопеи, облако пыли, видимое при помощи рентгеновского излучения и радиоволн с орбитальной обсерватории высоких энергий НАСА. Но Джордж не видел картинки — он слушал упорядоченный, бессмысленный поток данных.

Семьсот пятьдесят миллионов байт информации, переданных мгновенно со спутника НАСА на станцию поблизости от острова Чинкотиг у восточного побережья Виргинии. Он мог расшифровать их.

— Это вся информация, — произнес голос, не бесстрастный, но бесполый, какой-то отстраненный. — Все, что мы знаем, все о нас. Теперь ты находишься на новом уровне. С тем, что вы называете змеей, невозможно связаться с помощью языка — оно не достигло языкового уровня, — но им можно манипулировать посредством меня. Однако сначала ты должен понять коды, лежащие в основе языка. Ты должен научиться видеть мир так, как вижу его я.

Лиззи повела Джорджа знакомиться со скафандром, и он целый день тренировался — забирался в жесткий белый панцирь и вылезал из него без посторонней помощи. Следующие три недели она учила его выполнять простейшие операции и соблюдать длинный список мер безопасности.

— «Отказ двигателя», — сказала она. Они плавали в комнате, где хранились скафандры, над пустыми люльками; со стен, словно безмолвные роботы-зрители, свисали пустые белые оболочки. — У тебя эти слова возникли на щитке, но ты все провалил. Ты полетел по такой траектории, с которой нет возврата. Тебе следовало просто отключить все приборы и позвать на помощь, тогда Алеф взял бы под контроль твой скафандр, и ты смог бы расслабиться и совершенно ни черта не делать.

В первый раз он летал в освещенном куполообразном помещении внутри станции, с открытым щитком; Лиззи орала на него и смеялась, когда он терял управление и начинал тыкаться в стены с мягкой обивкой. Через несколько дней они вышли за пределы станции; Джордж, привязанный к страховочному канату, управлял скафандром с помощью навигационных приборов; Лиззи забрасывала его сигналами: «Отказ двигателя», «Разгерметизация скафандра» и тому подобными.

Хотя Джордж большую часть сил и внимания уделял обучению работе со скафандром, каждый день он являлся к Хьюзу и подключался к Алефу. Он устраивался в мягко покачивавшемся

гамаке, Чарли вставлял провода в гнезда и уходил.

Джордж постепенно знакомился с Алефом. Тот учил его машинному языку, языку ассемблера, демонстрировал ему могучие деревья C-SMART, «разумных» программ, принимающих решения, весь электромагнитный спектр, поступающий через различные устройства ввода. Джордж понимал все: и голоса, и коды.

Когда провода извлекали, он почти все забывал, но каждый раз оставалось что-то — пока лишь какой-то намек, ощущение того, что его мир изменился.

Вместо цветов он иногда видел *участки спектра,* вместо запахов чувствовал *присутствие неких молекул,* вместо слов слышал *структурированные группы фонем.* Алеф вторгался в его сознание.

Но не это беспокоило Джорджа. Ему казалось, будто внутри него что-то происходит, и почти постоянно он чувствовал присутствие змеи; она спала, но она была *там,* и это не давало ему покоя. Однажды ночью он выкурил почти всю пачку «Голуаза» Чарли; наутро в горле у него словно застрял клубок колючей проволоки, а легкие горели огнем. В тот день он наорал на Лиззи, когда она помогала ему надевать костюм, и один раз потерял управление — ей пришлось отключить его.

— «Отказ двигателя», — сказала она. — Старик, какого черта с тобой происходит?

Прошло три недели, и он впервые вышел в космос — это уже была не экскурсия на канате, а самостоятельная *внестанционная деятельность,* прогулка среди бесконечной ночи. Он осторожно высунулся из люка и огляделся.

Перед ним висела Орбитальная энергетическая система, конструкция, благодаря которой возникла «Атена»; множество солнечных батарей образовывали черную решетку, серебристые микроволновые передатчики сверкали на солнце. Сама станция представляла собой беспорядочное, бесформенное скопление жилых, рабочих и экспериментальных секций, сбившихся вместе без видимого порядка; некоторые из них вращались, чтобы создать внутри гравитацию, другие неподвижно висели в слепящем солнечном свете. Фигурки с желтыми маяками медленно ползали по поверхности станции или направлялись к буксирам, сверкавшим красными огоньками. Буксиры, походившие на комья рухляди, перемещались, описывая длинные дуги, и их маневровые двигатели при этом вспыхивали, словно алмазные точки.

Лиззи осталась у люка, следя за Джорджем по маяку на его

скафандре, но двигался он самостоятельно. Она сказала:

— Отойди подальше от станции, Джордж. Она загораживает вид на Землю.

Он так и сделал.

Голубой шар скрывало белое облако, сквозь которое виднелись коричневые и зеленые пятна. На станции было два часа дня, а он смотрел прямо на устье Амазонки, где сейчас стоял полдень; Землю ярко освещало Солнце. Земля казалась крошечным шариком, занимающим всего девятнадцать градусов его поля зрения…

— Да, — произнес Джордж. Шипение и гул системы кондиционирования, треск случайного излучения в наушниках, звук его собственного тяжелого дыхания — все эти шумы отвлекали его, не давали почувствовать величие момента. Он постарался дышать ровно, выключил радио, кондиционер и повис в оглушительной тишине. Он был просто точкой на ночном небе.

Через какое-то время он краем глаза заметил белый скафандр с красным крестом инструктора на груди.

— Вот дерьмо! — выругался Джордж и включил приемник. — Я тут, Лиззи.

— Джордж, здесь нельзя так болтаться. Какого черта ты делаешь?

— Просто любуюсь.

В ту ночь ему снились кизиловые деревья, усыпанные розовыми цветами, ослепительные на фоне багрового неба, и шум проливного дождя. У двери раздалось какое-то царапанье — он проснулся, вдохнул чистый, но мертвый воздух космической станции, и его охватила острая тоска по Земле. Затем он перевернулся и попытался заснуть, надеясь снова увидеть райский пейзаж, омытый дождем. Однако в какой-то момент у него мелькнула мысль: «Там кто-то есть». Он встал, разглядел на стене красные цифры — два часа ночи — и, не одеваясь, подошел к двери.

Белые шары отбрасывали неправильные круги света на стены коридора. Лиззи лежала неподвижно, тело ее наполовину было скрыто в тени. Джордж опустился на колени около нее и позвал по имени; ее левая нога дернулась и стукнула по металлу.

— Что с тобой? — спросил он.

Ее ногти, покрытые темным лаком, скребли по полу, и она неразборчиво бормотала что-то.

— Лиззи, — повторил он. — Что тебе нужно?

Взгляд Джорджа упал на алую каплю, стекавшую по белой груди, и он почувствовал, как внутри него что-то оживает. Он

схватил женщину за ворот и разорвал спортивный костюм сверху донизу. Она вцепилась ногтями в его щеку, издала звук, которому было несколько миллионов лет, а потом подняла голову и посмотрела ему в глаза, и его словно пронзил электрический разряд; они узнали друг друга — глаза змеи.

Зажужжал телефон. Джордж поднял трубку и услышал голос Чарли Хьюза.

— Мы ждем тебя в конференц-зале. Надо поговорить. — Чарли улыбнулся и повесил трубку.

На часах было 7.18 утра.

Из зеркала на него смотрело серое лицо с алыми отметинами ногтей и бурыми следами засохшей крови — лицо жертвы несчастного случая, лицо Джека Потрошителя наутро после убийства… Он не знал, на кого больше похож, но знал, что *нечто внутри него было довольно.* Он почувствовал себя игрушкой змеи, безвольной марионеткой.

Хьюз сидел в одном конце стола из темной фанеры, Иннис — в другом, Лиззи расположилась между ними. Левая сторона ее лица покраснела и опухла, под глазом виднелся небольшой кровоподтек. Джордж невольно прикоснулся к желто-серым царапинам на собственной щеке и сел на кушетку, в стороне от них.

— Алеф сообщил нам о том, что произошло, — сказал Иннис.

— А ему откуда знать, черт бы его побрал? — воскликнул Джордж и, не успев договорить, вспомнил стеклянные шары на потолке коридора и его комнаты. Его охватил стыд, чувство вины, унижения, страх, гнев — он встал с кушетки, подошел к Иннису и наклонился над ним.

— Сообщил, значит? — повторил он. — А что он сказал тебе насчет змеи, Иннис? Он сказал тебе, какого черта с ней произошло?

— Это не змея, — ответил Иннис.

— Можешь называть ее *кошкой,* — заговорила Лиззи, — если тебе нужно ее как-то называть. Поведение млекопитающих, Джордж, кошки во время половой охоты.

Знакомый голос — холодный, отстраненный — раздался из динамиков, встроенных в потолок комнаты.

— Она пытается сообщить тебе кое-что важное, Джордж. Это не змея. Тебе хочется верить в какую-то рептилию, сидящую внутри тебя, холодную и бесстрастную, предающуюся извращенным удовольствиям. Однако, как уже объяснил тебе доктор Хьюз, имплантат — органическая часть твоего мозга. Тебе

больше не удастся избежать ответственности за подобное. Это сделал ты.

Чарли Хьюз, Иннис и Лиззи смотрели на него спокойно, словно ожидая чего-то. Все происшедшее снова промелькнуло у него перед глазами, и он забыл, где находится. Он развернулся и вышел из комнаты.

— Может, кому-то нужно поговорить с ним? — предложил Иннис.

Чарли Хьюз, окутанный сигаретным дымом, сидел молча, с мрачным лицом.

— Я пойду, — заявила Лиззи, поднялась и вышла.

Чарли Хьюз сказал:

— Наверное, ты прав. — Он встряхнул головой; перед глазами у него промелькнула картина, схваченная с ужасной четкостью вездесущими камерами Алефа: тело Пола Коэна превращается в воздушный шар и взрывается в шлюзовой камере. — Будем надеяться, что мы научились кое-чему на своих ошибках.

Алеф ничего не ответил — словно его вообще не существовало.

У Страха было две стороны. Первая заключалась в том, что он совершенно терял над собой контроль. Вторая — что затем появлялся *настоящий он,* и *Джорджу это совершенно не нравилось.* Джорджу хотелось сбежать от себя, но на станции «Атена» было совершенно негде спрятаться. Здесь ему приходилось смотреть в лицо последствиям своих действий. На операционном столе в больнице имени Уолтера Рида — казалось, это было тысячу лет назад, — когда бригада хирургов собралась вокруг него, его сомнения утонули в холодном медицинском запахе, несущем за собой тьму; он решил подчиниться, его манила необычность происходящего. Ему казалось интересным стать частью компьютера, чувствовать внутри себя его дрожь, руководить им, его завораживала перспектива неописуемого, необычного *кайфа.* Да, в первый раз на борту А-230 он почувствовал именно это — его нервная система расширилась, протянулась в тело из углеродного волокна, подключилась к существу гораздо более могущественному, чем он… которому хотелось взмыть в небеса под управлением человека. Он купился на эту несбыточную мечту…

Раздался резкий стук в дверь. Лиззи сказала в микрофон:

— Впусти меня. Нам надо поговорить.

Он открыл дверь и сказал:

— О чем?

Она шагнула в тесную комнату, оглядела бежевые стены, голый металлический стол, измятую постель, и Джордж по ее глазам понял, о чем она подумала, — вспомнила их прошлой ночью, на этой кровати, на этом полу.

— Вот о чем, — ответила она и сунула его указательные пальцы в гнезда для кабелей у себя на шее. — Почувствуй это. Мы отличаемся от других людей. — Он нащупал тонкую стальную сеточку. — Я хочу поговорить о том, чего не знает больше никто. О том, что мы такое и что мы можем делать. Мы видим другой мир — мир Алефа — и способны проникнуть вглубь собственного сознания, нащупать там то, что скрыто от обычных людей и что они отрицают.

— Нет, черт подери, это был не я. Это была… называй это как хочешь — кошка, змея.

— Ты специально притворяешься дураком, Джордж.

— Я просто ничего не понимаю.

— Нет, ты все прекрасно понимаешь. Ты хочешь вернуться, но идти тебе некуда, рая нет. Все, что есть, находится вокруг тебя.

Но он мог упасть на Землю, он мог улететь прочь, в ночь. Его руки в перчатках скафандра сжимали рычаги, похожие на когти. Нужно было просто резко стиснуть кулаки и держать их так, пока не кончится топливо. И все получится.

Он не смог ужиться со змеей внутри. И был уверен, что кошку тоже не вынесет. Но хуже всего окажется, если выяснится, что нет ни кошки, ни змеи, что это он сам, запрограммированный на особо отвратительные излишества, бешеную похоть, томящийся внутри этой жалкой личности («Мы получили результаты ваших тестов, доктор Джекил»)… Ну и что там дальше — совращение несовершеннолетних, убийство?

Бело-голубая Земля, звезды, ночь. Он слегка потянул правый рычаг и развернулся, чтобы оглядеть станцию «Атена».

Не важно, как его называть, но оно проснулось и шевелилось внутри него. Он чувствовал его ярость, похоть — аппетиты. «К черту их всех, Джордж! — торопило оно. — Вперед!»

На командном пункте «Атены» Иннис и Чарли Хьюз заглядывали через плечо вахтенного офицера, когда вошла Лиззи. Как всегда бывало после долгого перерыва, ее поразила теснота помещения и обстановка заброшенности — обычно здесь сидел только дежурный, мониторы были выключены, консоли мертвы. Станцией в обычной жизни и в чрезвычайных ситуациях управлял Алеф.

— Что происходит? — спросила Лиззи.

— Что-то не так с твоим новым дружком, — ответил вахтенный. — Но не знаю, что именно.

Он оглянулся на Инниса, тот ответил:

— Ничего, все в порядке, приятель.

Лиззи рухнула в кресло.

— Кто-нибудь пытался с ним поговорить?

— Он не отвечает, — сказал вахтенный.

— С ним все будет в порядке, — произнес Чарли Хьюз.

— Он покончит с собой, — возразил Иннис.

На экране радара медленно двигалась красная точка, рядом непрерывно менялись координаты.

— Как ты себя чувствуешь, Джордж? — произнес голос — мягкий, женственный, полный сочувствия.

Джордж как раз боролся с искушением открыть щиток шлема, *чтобы посмотреть на звезды,* ему казалось чрезвычайно важным *увидеть их истинный цвет.*

— Кто это? — спросил он.

— Алеф.

Вот дерьмо, опять сюрприз.

— Раньше у тебя был другой голос.

— Нет, я просто пытался соответствовать твоим представлениям обо мне.

— Ну и что, теперь это твой настоящий голос?

— У меня нет голоса.

— Если у тебя нет голоса, то тебя и самого нет. — Джордж был убежден в этом, сам не зная почему.

— И кто же ты такой, черт бы тебя драл?

— Я могу быть кем угодно.

«Интересно», — подумал Джордж. «Дерьмо собачье! — ответила змея (они могут называть это как угодно, но для Джорджа она навсегда останется змеей). — Полетели».

Джордж ответил:

— Я не понимаю.

— Если останешься в живых, поймешь. Ты хочешь умереть?

— Нет, но я не хочу быть самим собой, и смерть кажется мне единственным выходом.

— А почему ты не хочешь быть собой?

— Потому что я себя боюсь.

«Знакомый диалог, — отметила какая-то часть сознания Джорджа, — диалог сумасшедшего с голосом разума». «Боже мой, — подумал он, — я взял в заложники самого себя».

— Я не хочу больше делать этого, — сказал он. Затем выключил радио и почувствовал, как внутри него бушует гнев:

змея сходила с ума.

«В чем проблема?» — спросил он самого себя. Он не ожидал ответа, но получил его; в мозгу возникла картина: безоблачное синее небо, перевернутый горизонт, серый самолет, возникший в поле зрения, его машина дрожит, ракеты выпущены, следы их сходятся на том самолете, превращая его в огненный шар. И у него возникла четкая мысль: «Мне нужно кого-нибудь убить».

Прекрасно. Джордж еще раз развернулся, навел перекрестье навигационного компьютера на центр бело-голубого шарика, висевшего перед ним, и сжал рычаги. «Сейчас мы кого-нибудь убьем».

«Отказ двигателя отказ двигателя отказ двигателя».

Существо внутри задавало ему какие-то бессловесные вопросы, но Джордж не обращал внимания; он принял решение и думал: «Конечно, полетели». Он поставил на кон свою жизнь, когда согласился вживить себе в голову провода, и теперь жребий был брошен. «Ты получил это — *глаза змеи,* и тебе осталась только быстрая смерть, быстрая, но необычная, — так возьми же ты треклятую змею и убей ее красиво».

Земля как будто приблизилась. Змея догадывалась, в чем дело. И это ей не нравилось. *Очень плохо, змея.* Джордж один за другим выключал приборы связи со станцией. Он не хотел, чтобы Алеф управлял его скафандром.

Он не заметил приближения робота-буксира, похожего на кучу пружин от матраца, поверх которых была навалена рухлядь с помойки, увенчанная параболическими и штыревыми антеннами. Робот с расстояния в сотню метров выпустил около полудюжины канатов с липучками. Четыре из них угодили в Джорджа, три приклеились к нему; робот подтянул канаты и направился обратно на станцию.

Джорджа охватил гнев — на этот раз не гнев змеи, а его собственный, и он зарыдал от ярости и отчаяния… «Я до тебя доберусь в следующий раз, гадина!» — крикнул он змее и почувствовал, как она отпрянула, — она ему поверила. Но ярость бушевала по-прежнему, и он кричал от злости, извиваясь в путах, колотя кулаками по шлему.

В шлюзовом отсеке длинные «руки» на шарнирах с клещами на концах извлекли Джорджа из объятий робота. Гнев его утих, и он лежал неподвижно, пока они, сокращаясь, тащили его через дверь на станцию, в помещение для скафандров, где поместили в алюминиевую люльку. Сквозь щиток он увидел Лиззи в белом хлопчатобумажном костюме, — видимо, она собиралась встретить буксир снаружи. Она взобралась на скафандр Джорджа, пощелкала кнопками, и жесткий панцирь раскрылся, жужжа

электрическими моторами. Она ступила внутрь белой раковины, нажав на рычаги, отцепила гибкие трубки, скрывавшие ноги и руки, отсоединила шлем, сняла его с головы Джорджа.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

«Глупый вопрос», — хотел было сказать Джордж; вместо этого произнес:

— Как идиот.

— Ничего, все в порядке. Самое трудное позади.

Чарли Хьюз наблюдал за ними сверху, с мостика. Отсюда они казались детьми в белых спортивных костюмах, близнецами, возникшими из пластикового чрева на глазах у скафандров с бессмысленными лицами, висевших на стенах. Близнецами, склонными к кровосмешению, — она легла на него сверху, поцеловала в шею.

— Я не любитель подглядывать, — произнес Хьюз, открыл дверь и вышел в коридор, где его ждал Иннис.

— Ну как они там? — спросил тот.

— Думаю, Лиззи с ним побудет какое-то время.

— Ага, любовь, значит, черт бы ее побрал, да, Чарли? Рад, очень рад… Если бы не эротическое приключение, *нам* пришлось бы ему все объяснять, и могу тебе сказать: это было бы труднее всего во всей нашей работенке.

— Мы не можем так легко уйти от ответственности. Ему необходимо рассказать, что мы рисковали его жизнью, и мне очень не хочется этим заниматься.

— Не будь таким чувствительным. Впрочем, я понимаю, о чем ты… Я устал. Послушай, если я тебе понадоблюсь, звони. — Иннис двинулся прочь по коридору.

Чарли Хьюз сел на пол, привалившись спиной к стене. Вытянул руки перед собой ладонями вниз, растопырил пальцы. Не дрожат. Когда прибудет следующий кандидат, дрожь вернется.

Наверное, Лиззи сейчас объясняет Джорджу кое-какие вещи. Самое главное и самое трудное: в течение последних трех недель, пока Джордж, по его собственному мнению, знакомился с Алефом, тот подстрекал живущее внутри него существо к восстанию, а затем подавлял его попытки действовать — иными словами, делал огонь на плите сильнее и одновременно плотнее закрывал крышку чайника. Зачем, Джордж?

Мы сводили тебя с ума, подтолкнули к самоубийству. У нас были на то причины. Джордж Джордан если и не мертв, то неизлечимо болен. С того момента как ему установили имплантат, он был приговорен. Оставался единственный вопрос: появится ли новый Джордж, тот, который сможет сосуществовать со змеей?

Джордж, как до него Лиззи, казался похожим на рыбу, хватающую ртом воздух, барахтающуюся в горячей грязи, пока вода вокруг высыхает, — он должен был приспособиться к новой жизни или умереть. Но, в отличие от других живых существ, у него был надзиратель, — Алеф, который нагнетал кризис и следил за его преодолением. Можно назвать это искусственной эволюцией.

Чарли Хьюз, не подверженный галлюцинациям, увидел перед собой картину: Джорджа и Лиззи, подключенных к Алефу и друг к другу, кабели сверкают золотом в свете ламп, и эти двое испытывают близость, знакомую только таким, как они.

Свет в коридоре потускнел, стало почти темно. «Неужели я умираю — или это просто гаснут лампы?» Он хотел было взглянуть на часы, но не стал, принимая правду. «Свет гаснет, и при этом я умираю».

Алеф размышлял: «Я вампир, инкуб, суккуб; я пробираюсь в их мозги и высасываю их мысли, ощущения, восприятие — небольшие различия в цвете, вкусе, запахах, — их похоть, гнев, голод. Все это закрыто для меня без человеческого „устройства ввода“, без прямой связи с системами, совершенствовавшимися в течение биллионов лет эволюции. *Они нужны мне».*

Алеф любил человечество. Он был рад, что Джордж выжил. Один из них не выжил, остальные тоже погибнут, и Алеф оплачет их.

Едва видимые тонкие белые линии тянулись вдоль туго натянутого сухожилия на запястье Лиззи.

— В ванной… — сказала она. Шрамы шли вдоль руки, а не поперек; вероятно, раны были глубокими. — Я тоже собиралась сделать это, как и ты. Стоит только змее понять, что ты готов скорее умереть, чем подчиниться ей, — ты победил.

— Ну хорошо, и все-таки я одного не понимаю. В ту ночь в коридоре ты тоже потеряла контроль над собой, как и я.

— В каком-то смысле да. Я допустила такое, я позволила змее взять над собой верх. Это было необходимо, чтобы вступить с тобой в контакт, ускорить наступление кризиса. Я хотела этого. Я чувствовала необходимость показать тебе, кто ты такой, кто я такая… Той ночью мы были чужими друг другу, но людьми — Адамом и Евой, изгнанными из рая под угрозой пылающего меча, мы совокуплялись на глазах у бога и его ангела — и мы оказались прекраснее, чем они, им никогда не стать лучше нас.

Ее тело, прижавшееся к нему, слегка задрожало, он взглянул и увидел страсть, желание — раздувающиеся ноздри,

полуоткрытый рот, почувствовал, как острые ногти вонзились ему в спину; он вгляделся в ее расширенные зрачки, в радужные оболочки с золотыми искорками, в сверкающие белки глаз. Так легко было узнать все эти черты и так трудно понять, что он видит глаза змеи.

ПЭТ КЭДИГАН РОКЕНРОЛЛИМ [23]

Начало писательской карьеры Пэт Кэдиган совпало с началом десятилетия. Ее творческий диапазон впечатляет: от дарк-фэнтези и хоррора до причудливой, оригинальной научной фантастики.

Кэдиган сочетает живость и точность языка с бодрящей дозой черного юмора; очень характерная для 1980-х стилистика, иначе как панковской ее и не назовешь. А в цикле рассказов «Pathosfinder» (к которому относится, например, такой хит, как «Nearly Departed») она продемонстрировала поистине визионерские задатки.

К многогранным талантам Кэдиган относится и приверженность киберпанковской этике. Примером чему — предлагающийся вашему вниманию рассказ (опубликован в 1985 году), в котором хай-тековский антураж в лоб сталкивается с рокандерграундом.

Недавно Кэдиган опубликовала первый роман — «The Pathosfinder». Живет она в Канзасе.

Меня ливень разбудил. Думаю, блин, попала, как мисс Дождь-в-лицо,[24] потому как туда он именно и хлестал: прямо в мое видавшее виды лицо. Тут я села и просекла, что все еще нахожусь на Ньюбери-стрит. Добро пожаловать в центральный Бостон! Ньюбери-стрит, это ведь в центре? Нужен ответ посреди ночи? Нет, на фиг не нужен. Вокруг — ни души. Как водится: давайте напоим Джину, а когда отрубится — двинем в Вермонт. Люблю ли я Новую Англию? Отличное место для жизни, но ездить сюда ни к чему.

Тут я вытащила из глаз мусор и призадумалась, не ищет ли меня сейчас кто. Эй, кому тут сдалась сорокалетняя синтоманша?

И припустила бегом к дверям одного из этих милых старых домиков с магазинчиком в полуподвале. От дождя-то навес спасал, но полоскал округу струями, отбивая бешеный ритм. Выжала юбку-брюки, волосы и уселась мокнуть дальше. Мерзнуть — тоже, конечно, но холод не так донимал.

Так и сидела довольно долго, уткнув подбородок в колени, как будто в детство вернулась. Начала мал-мала кивать — подхватила какое-то простенькое повизгивание, — я в такие лучше всего вступаю. Видел бы ты меня сейчас, Мановар. К тому времени когда объявились копы, я разрокенроллилась вовсю.

Анекдот: рвать когти я даже не попыталась, но если бы решила вдруг ломануться, не проканало бы — залипла, оказывается, в силовом капкане. Поставленном на взломщиков, чтобы те сидели и не рыпались, пока наконец соизволят подъехать копы. Короче, сидела я в капкане и сама же перлась. И так всю жизнь.

Со мною мирно обошлись. Препроводили, зачитали права, обогрели, штрафанули на стольник и отпустили на все четыре стороны к завтраку.

Страшно в такое время видеть и быть увиденным, воистину страшно. Первые три часа, как проснулся, люди секут, разбито у тебя сердце или нет. Выход такой: либо вставать так рано, что к тому времени, когда все вывалят на улицу, успеть врасти в маскхалат, либо — не ложиться вовсе. Последнее должно бы работать всегда, но как бы не так! Бывает, когда не ложишься, твое разбитое сердце заметно круглые сутки. Вот я с ним и таскалась в поисках относительно безлюдного места, где бы позавтракать, стараясь особенно не оглядываться на тех, кто оглядывался на меня. И очень хотелось остановить случайного прохожего и пуститься в объяснения: «Да, вы правы, но это рок-н-ролл разбил мое старое больное сердце, а вовсе не какой-нибудь подонок. Плакать обо мне не надо: могу и мозги взорвать».

И так я долго мотала круги, пока не нашла наконец Тремонт-стрит. Ударник одной группы из Детройтского кратера — имя забыла, а вот злосчастное местечко запало в памяти, — короче, именно этот чувак рассказал мне, что в закусочных на Тремонт-стрит подают Лучший Завтрак в Мире. Особенно если с похмела, не приходя в сознание.

Только схлынула утренняя волна офисного планктона, как я приметила свободное местечко в греческой забегаловке. Завтрак до 10.30 и ни минутой позже, прожевал — вали, обслуживаем только у стойки, не нравится — не ешь. Люблю заведения с Характером. Я разложила складной стульчик, заказала кофе и омлет с фетой, к которому полагалась картошка по-деревенски: набирай сколько хочешь из Картофельной Горы в углу гриля (слава богам, что не из говеной микроволновки). Просканировали мою сетчатку еще до того, как плеснули кофе, а пока я наливала сливки — проверили кредитоспособность. Мерзкая привычка? Мерзкая. Мне не по фиг? По фиг. Эффективно: никаких механизмов там, где справляется человек, и еда настоящая — не какой-нибудь съедобный полиэфир, который проскочит насквозь, и ты, дражайшая, так и останешься стройной бухенвальдской крепышкой.

Они вошли, когда я умяла пол-омлета. По виду и разговорам — гуляли всю ночь напролет, разглядывать их физиономии на предмет разбитых сердец я не стала. Начала нервничать, но успокаивала себя: «Черт побери, они устали. Кто сейчас заметит старушку? Никто».

Снова ошиблась. Уставились на меня сразу после того, как им просканили сетчатку. Семнадцатилетний парнишка с татуированными щеками и раздвоенным языком наклонился и прошипел по-змеиному:

— Сссинтоманшша!

— Где? — сразу оживились остальные четверо. Чья? Здесь?

— Сссинтоманшша рокенролльная.

Дамочка меня заметила. На мордашку — воплощенная безликость, на сердце ее — ни одной выщерблинки. Будь у нее своя синтоманка, стала бы Мадам Магнифика.

— Джина, — уверенно идентифицировала она.

У меня задергался левый глаз. Ох, не надо бы. Шматок феты шлепнулся на колени. «Что за черт, — подумала я, — я кивну, они кивнут, я поем и уйду». И тут кто-то прошипел: «Денежное вознаграждение».

Я уронила вилку и рванула со всех ног.

Можно особо и не бояться, решила я. Куда им всем бежать, пока не получили по своему греческому завтраку? Они все и не побежали. Отрядили за мною дамочку.

Она нагнала меня на середине улицы — помоложе, чай, — когда светофор уже переключился. Машина нас еле перепрыгнула, шасси растрепало дамочкину шевелюру — жесткую, как медная проволока, и того же цвета.

— Возвращайся, доешь омлет. Или мы тебе другой купим.

— Нет.

— Пошли, — рванула она меня за руку и вытащила с проезжей части.

Люди на нас уже оглядывались, но Тремонт-стрит богата на представления. Приезжайте сюда за бесплатным театром и обрящете. Скрутила меня захватчица крепким захватом и потащила обратно в закусочную, где остатки моего омлета уже успели продать со скидкой какому-то бродяге. Дамочка со товарищи подвинулись, чтобы усадить меня между собой, и купили мне еще чашку кофе.

— Как это у тебя получается есть и пить с раздвоенным языком, — спросила я Татуированные Щечки.

Он показал — маленькая примочка внизу вроде молнии. Легковес, который сидел слева от Крепыша, с другой стороны от Дамочки, наклонился ко мне и недобро посмотрел.

— Назови хоть одну причину, почему нам не следует выдать тебя Мановару за вознаграждение?

— Все кончено, — покачала я головой, — синтоманша больше не на игле.

— Ты связана контрактом, — встряла Дамочка, — но мы можем что-нить придумать. Выкупить тебя у Мановара, подать от твоего имени иск о нарушении договора. Мы — «Незаконнорожденные». Оли, — представилась она. — Перси. — (Крепыш.) — Крейт. — (Мистер Змий.) — Гас. — (Легковес.) — Мы позаботимся о тебе.

— Если собираетесь меня сдать — сдавайте и получайте свою долю. — Я снова покачала головой. — Хватит купить себе лучшего синтомана на свете.

— Мы будем хорошо к тебе относиться.

— У меня ничего не осталось. Я — пустая. Отрокенроллилась.

— Неправда, — возразил Крепыш; я автоматом стала его лепить, но тут же одернула себя. — Мановар бы тебя выгнал в таком случае. Ты бы не сбежала сама.

Я не хотела ему признаваться. Оставьте меня в покое. Я просто хочу уйти и никогда больше не синтоманить, понимаете? Играйте сами, от меня помощи не ждите. Я крепко схватилась обеими руками за стойку. Не будут же они вырубать меня и тащить силком?

Но так и вышло.

«Когда-то…» — подумала я, слова отдавались охрененным эхом.

Когда-то… Когда-то… Когда-то…

Когда-то синтезаторы были бездушными машинами. Я знаю, я достаточно стара, чтобы помнить то время.

Вот они встали вокруг меня, бесплотные, как тени. «Незаконнорожденные», блин. Откуда только взяли себе такое название? Я достаточно стара, чтобы помнить. «Ойнго-Бойнго»[25] и «Бау-Вау-Вау».[26] Сорок лет — я уже признавалась? Охо-хо, как мало времени прошло, как все рядом. Рокенролльщики никогда не умирают, продолжают рокенроллить. Я не видела «Ху»,[27] а Мун[28] умер до того, как я родилась. Но я помню, как — только научившись стоять — рокенроллила в маминых руках, пока тысячи зрителей улюлюкали, хлопали и танцевали на своих местах. *Заведи меня… если заведешь меня, я никогда не остановлюсь…*[29] Группа «763-струнные» сделала версию для лифтов и зубоврачебных кабинетов. Это я тоже помню. И

пострашнее вещи случались.

Они прицепились к моим воспоминаниям, вытягивали их, буквально выворачивали меня наизнанку. *Ты опытна?*[30] Всего лишь пластинка из папашкиной коллекции, потому как он умер еще до того, как родители встретились, а задать этот вопрос потом — у всех кишка была тонка. *Ты опытна?.. Да, блин, я опытна.*

(Да, блин, *я* опытна.)

Пятеро на одну, куда там сопротивляться? Но можно ли назвать изнасилованием то, что тебе нравится? Что ж, если не отвертеться, я трахну их так, что на всю жизнь запомнят. *Милашка Крокус меня не убила, но до смерти совсем чуток было…*[31]

Крепыш вошел в меня первым — слишком большой, слишком дикий, слишком безбашенный. Я обняла его и крепко прижала, показывая, как надо. Я отдалась ему, заставила биться сердце в ритме ночного дождя. Потом наступил черед Дамочки — на басах. Ее потряхивало, впрочем — в нужных местах.

Настал черед Крейта, он скользил вокруг звука, вливался и отстранялся. Несмотря на татуированные щечки, сам он не был просто пижоном. Врубался, никогда бы не подумала, но — натурально врубался.

Теперь Легковес и Молчун — ритм и соло. Плохо. Легковес — полный прокол, не знал куда себя девать, а когда наконец оказывался в нужном месте, не знал, что с собою там делать. Но пер вперед, что «Титаник» на айсберг.

Господи! Если уж собрались меня трахнуть, могли бы обеспечить стояк. Остальные четверо тянули, не отпускали, а я старалась выжать, что могла. Вторично, пресно — Легковес не рокенроллил. Натуральное преступление, но что мне делать, лишь болтать их в шейкере: боги, типа, рок-н-ролла в лапах синтоманши.

Так их еще никогда не перло. Мелкая рыбешка на миг ощутила, как это — быть крупной рыбой. Если бы не Легковес, доросли бы. Столько команд сейчас — никогда так много не было, — и все уверены: заполучат правильного синтомана — луну с неба срокенроллят.

От нас она лишь чуть дрогнула. Бедный старина Легковес.

Я отдалась им лучше, чем они того заслуживали, и это они понимали. Поэтому, когда я запросилась на выход, уважили мою просьбу и отпустили. Их техники нежно вытащили затычки из моей старой, бедной, больной, раздолбанной синтоманской головы и закрыли гнезда. Мне хотелось спать — они разрешили. Слышала только мужской голос:

— Реально круто. Срочно — в дистрибуцию. Где, черт побери, вы надыбали эту синтоманшу?

— Синтезаторшу, — шепчу я уже во сне, — правильно называть, мальчик мой, синтезаторшей.

Безумные старческие сны. Я была снова с Мановаром в Калифорнии, снова уходила от него, все почти как наяву, но вы же знаете, как это бывает во сне. Часть его комнаты находилась внутри помещения, часть — на улице, стены куда-то сбежали. Но вы же знаете, как это бывает во сне: казалось, что так и надо.

Мановар был одет наполовину, как будто забыл завершить процесс. Ох, такого никогда не случалось. Чтобы Мановар забыл хоть одну единственную блесточку или бисеринку. Он наслаждался самим процессом, примерно как Крейт.

— Все, ухожу, — говорила я.

— Но ты же больше ничего делать не умеешь, спсихела что ли? — вопрошал он.

(В Калифорнии никто никогда не скажет «сдурела», только «спсихела».)

— У тебя контракт еще на пару записей, а у меня опцион на продление. У меня всегда опцион. И еще — ты же любишь свое дело, Джина, ты не сможешь без него.

А потом пошел флешбэк: я — в люльке, все гнезда подключены, рокенроллю Мановара по проводам, наполняю его плотью и кровью, которая и делает из него Мановара, а техника тут же снимает видео и звук, так что ребятки перед экранами по всему миру могут прокрутить в любой момент. Забыты поездки, забыты концерты — слишком много усилий на них уходило. Прикольнее, чем видео с лучшими спецэффектами, лазерами, космическими крейсерами и пиротехникой. Что такое видео по сравнению с трансляцией из головного мозга, рок-н-роллом прямо из черепной коробки? И не нужно тратить часы на обустройство декораций, а потом еще часы на сведение записей. Необходимо только, чтобы вся команда грезила вместе. Нужен синтез, а для синтеза необходим синтезатор — не тот древний музыкальный инструмент, а что-то — кто-то, кто бы пропускал через себя всю группу, вытрясал их электронных душонок настоящий рок-н-ролл, какого они сами никогда бы не выродили. И теперь каждый может стать Героем Рок-н-ролла. Каждый!

В конце концов даже на инструментах играть отпала необходимость, если только совсем уж не приспичит. А зачем напрягаться? Пусть синтезатор впитает в себя их образы и поднимет на олимп.

Синтезатор. Синтомап. Синтоманчик.

Не каждый может сесть на иглу рок-н-ролла. Я могу.

Это вам не то же самое, что дрыгаться ночь напролет под никому пока не известную кабацкую банду…

Тут снова возник Мановар в своей разбомбленной комнате.

— Ты срокенроллила стены из моего дома, но я никогда тебя не отпущу.

— Я уже ушла, — сказала я.

И вышла, и побежала — думала, он за мною гонится. Но он отстал, и тут кто-то схватил меня за лодыжку.

Легковес — медбратик, ангелочек — принес поднос, нажал коленом куда-то в основание кровати и медленно усадил меня. Приличную синтоманшу так запросто не похоронишь: она восстанет из могилы.

— Вот. — Он поставил поднос мне на колени, пододвинул поближе стул; на подносе был густой суп и сухое веганское печенье, разнообразить жижу. — Подумал, тебе лучше что-нибудь мягкое и нетяжелое. — Он закинул ногу на ногу и стал пристально рассматривать ботинок. — Никогда в жизни меня так не рокенроллили.

— У тебя никогда не получится, кто бы тебя ни рокенроллил. Бросай все и беги, уходи в менеджмент. Настоящие бабосы — именно там.

— Что, так заметно? — Он принялся грызть ноготь на большом пальце.

— Если бы завтра «роллинги» вернулись, ты бы ритм ногою под них не смог простучать.

— А если ты на мое место?

— Я синтоманша, а не клоун. Нельзя одновременно сидеть на игле и танцевать. Пробовали уже…

— *Ты* могла бы. Если вообще кто-то мог бы.

— Нет.

— Доедай суп. — Он поправил жесткую кукурузную челку, упавшую на глаза. — Они вскоре собираются повторить.

— Нет. — Я дотронулась до распухшей в сосиску нижней губы. — Я не буду синтоманить для Мановара, и для вас не буду. Хотите воткнуть меня силой — попробуйте. Разболтаете гнезда, у меня случится афазия.

Так он ушел и вернулся уже с кодлой техников, помощников, которые влили в меня суп, сделали укол, отнесли в люльку, чтобы я вылепила из «Незаконнорожденных» Сенсацию Года.

Я же знала: выйдет первая запись — Мановар сразу учует. К тому времени они уже запустили механизм отторжения меня от него. Заперли меня накрепко в комнате, где их прошлый

синтоман срок мотал, как призналась мне Дамочка. Он, кстати, приходил поздороваться. Я боялась, у него с клыков яд будет капать, угрозами сыпать начнет. А оказался обычным парнем моего примерно возраста с густой шевелюрой, под которой пытался скрыть гнезда (мне так всегда по фиг было, видны они или нет). Просто пришел выразить почтение, спросить, как это я так научилась рокенроллить.

Идиот.

Заперли меня накрепко в комнате. Бухла — сколько пожелаю, захочу протрезветь — укольчик, витамины — укольчик, сон плохой приснился — укольчик… Дороги у меня стали как провода у старины Бэнга и Олуфсена,[32] они даже имени такого не слышали. Выгнали Легковеса, взяли чуть более вменяемую шестнадцатилетнюю дуреху с совершенно богомольей физией. Но дуреха, в отличие от него, рокенроллила, они тоже рокенроллили, все мы рокенроллили, пока не явился Мановар и не забрал меня домой.

Вошел так важно в мою комнату, волосы торчат во все стороны (чтобы гнезда прикрыть) и спрашивает: Хочешь подать в суд, Джина, дорогуша?

Устроили диспут прямо над моим бренным телом. «Незаконнорожденные» утверждали, что я — их собственность, Мановар только улыбнулся и сообщил:

— Да, но я купил *вас*. Теперь вы все мои: вы и ваша синтоманша. *Моя* синтоманша.

Так оно и оказалось. Мановар и его компания начали торговать «Незаконнорожденных» сразу после выхода первой записи. Когда третью выпустили, сделка была уже завершена, а они и не знали. Компании все время покупают и продают. Вот так все оказались в интересном положении, кроме Мановара. И меня, как он утверждал. Тут он их попросил выйти, присел ко мне на ложе, чтобы снова заявить свои на меня права.

— Джина.

Видели когда-нибудь, как льют мед на зубья пилы? Слышали звук? От Мановарова пения делалось реально плохо, а танцевать он не умел вовсе, но как он рокенроллил! Если я его, конечно, рокенроллила при этом.

— Не хочу больше быть синтоманшей. Ни для тебя, ни для кого.

— Ты передумаешь, когда мы вернемся в Калифоорнииию…

— Хочу на грязный танцпол, оторваться так, что мозги из гнезд полезут.

— Не надо этого больше, дорогуша. Поэтому ты тут и оказалась, правда? На танцы больше никто не ходит, да и живых

музыкантов не осталось. Третий звонок прозвенел несколько лет назад, теперь всё здесь. Всё — здесь. — Он постучал пальцем по виску. — Ты уже не девчонка, как бы я ни тратился, чтобы привести твое тело в порядок. Разве я тебе не давал все, чего пожелаешь? Разве ты не говорила, что у меня есть дар?

— Я не о том. Нельзя было выставлять такое напоказ, на экран.

— Но ведь ты не хочешь сказать, что рок-н-ролл мертв, любимая?

— Ты его убиваешь.

— Нет, не я. Это ты пытаешься закопать его заживо. Но я тебя заведу надолго, очень надолго.

— Я снова уйду. Ты либо начнешь рокенроллить сам, либо тебе придется сдаться, но из меня ты больше ничего не вытянешь. Это — не мой путь, не мое время. Как сформулировал один чувак, я живу не сегодня.[33]

— Но другой, — тут Мановар улыбнулся, — ему возразил: у рок-н-ролла долгая память.[34]

Он свистнул своих шестерок, и меня забрали домой.

РУДИ РЮКЕР ИСТОРИИ ГУДИНИ [35]

Руди Рюкер, доцент информатики в университете Сан-Хосе, возможно, самый безудержный визионер из всех нынешних фантастов. Однако, в отличие от большинства фантастов-ученых, делающих акцент на технике и прочих болтах с гайками, он черпает вдохновение из экзотических достижений современной математической науки. Такие прославленные романы Рюкера, как «Белый свет» и «Софтуха», опираются на его работу в области многомерной топологии, теории информации и бесконечных множеств.

Однако проза Рюкера отмечена отнюдь не академической сухостью, но безудержной, вульгарной человечностью. Его писательский талант и щедрое воображение не ограничиваются метафизическими вопросами. Например, следующий рассказ (из сборника «57-й Франц Кафка») — это короткая, но безупречно сконструированная фэнтези-история, в полной мере демонстрирующая смелость и оригинальность Рюкера.

В самой недавней книге Рюкера, «Инструменты разума», его четвертом научно-популярном сочинении, речь идет о концептуальных корнях математики и теории информации.

Гудини разорен. Провинциальная водевильная сцена мертва, концертная сцена больших городов — аналогично. Ему звонит Мел Рабстейн из «Пате ньюс»[36] и предлагает сняться в кино.

— Аванс две тонны плюс три процента со сборов после того, как выйдем в ноль.

— По рукам.

Идея в том, чтобы во всех ударных сценах в кадре с Гудини были католический священник, раввин и судья. Фильм будет полнометражный, прокатываться в сети «Лёва».[37] Подробностей Гудини не знает, но уверен в одном: ему предстоит спасаться из положений одно другого безвыходнее, причем без предупреждения.

Начинается все в четыре часа утра восьмого июля 1948 года.[38] Они врываются в дом Гудини в Левит-тауне, где он живет с матерью-инвалидом. Первый кадр: священник и раввин вышибают дверь. Наезд на толстые подметки их черных ботинок. Съемка в естественном свете. Картинка зернистая, дергающаяся, синема-верите как оно есть. Все чистая правда.

У судьи ведерко расплавленного воска, и они запечатывают

Гудини глаза, уши и ноздри. Смуглое лицо таинственных дел мастера перекрыто прежде, чем он толком проснулся, расслабился, предоставив событиям течь своим чередом, вынырнул из снов о погонях. Гудини готов. Его оборачивают бинтами и киперной лентой, превратив в мумию, в сигару «Белая сова».

Эдди Мачотка, оператор кинокомпании «Пате», фиксирует в замедленном режиме поездку до аэродрома. Он снимает по кадру в десять секунд, так что получасовая поездка укладывается в две минуты. Темно, ракурсы неправильные, но все равно выглядит убедительно. Ни единой монтажной склейки. На заднем сиденье «паккарда» на коленях у священника, раввина и судьи лежит Гудини — белый батон в бинтовой корочке, подергивается в сгущенном времени.

Машина выезжает прямо на взлетную полосу и останавливается возле бомбардировщика Б-15. Выскакивает Эдди и снимает, как трое святых свидетелей выгружают Гудини. Камера панорамирует к самолету, на носу его по трафарету выведено: «Вертихвостка».

«Вертихвостка»! И пилотируют ее не опылители какие-нибудь и не резервисты, а Джонни Галлио и его Летучие ПДР-асы. Так что нечего тут! Джонни Г., самый орденоносный боевой летчик на Тихом океане, за штурвалом, Лысая Резина Джонс при штурманском планшете, и не кто иной, как Мычун Макс Московиц, в хвосте.

Судья вытаскивает из кармана часы-луковицу. Камера дает наезд-отъезд: 4.50 утра, небо начинает светлеть.

Гудини? Он понятия не имеет, что его загружают в бомбовый отсек «Вертихвостки». Он вообще ничего не видит, не слышит и не чует. Но он спокоен, он рад, что ожидание закончилось, что наконец обещанное происходит.

Все забираются в самолет. Камеру лихорадит, пока по лесенке карабкается Эдди. Затем объектив выхватывает Гудини: длинный и белый, тот подрагивает в бомбовом отсеке личинкой насекомого. Над ним склонился Мычун Макс, будто одичавший муравей-рабочий.

Двигатели оживают с хриплым ревом. Священник и раввин сидят и беседуют: черные одеяния, белые лица, серые зубы.

— Поесть нету чего-нибудь? — спрашивает священник — атлетического сложения молодой блондин с редеющими волосами; под этой сутаной кроется о-го-го какой нотр-дамский[39] лайнбекер.

— Насколько понимаю, — отвечает коротышка раввин, в федоре и чернобородый, со ртом, как у Франца Кафки,

дергающимся, с торчащими зубами, — нас покормят в терминале уже после сброса.

Священнику платят за это двести, раввину — триста. Тот более известен. Если сегодняшний материал выйдет как надо, им предстоит засвидетельствовать и другие побеги.

В самолете довольно тесно, и куда бы Эдди ни направлял камеру, в кадр лезет белый кусок Гудини. Впереди виднеется профиль Джонни Г., красавчик Джонни выглядит не лучшим образом. Верхняя губа его в бисеринках пота — алкоголического пота. Мирная жизнь дается Джонни нелегко.

— Просто вперед и вверх, Джонни, по спирали, — тихо говорит Лысая Резина. — Словно кроватная пружина.

За иллюминаторами проносится накренившийся горизонт, потом они врезаются в раскинувшиеся белым матрасом облака. Макс, во весь рот скалясь, глядит на высотомер. Они выныривают из облаков под косые солнечные лучи, Джонни продолжает нарезать круги по спирали… он так и будет лезть вверх, пока кто-нибудь не скажет ему остановиться… но уже достаточно высоко.

— Сброс! — выкрикивает Лысая Резина.

Священник крестится, Мычун Макс дергает рычаг.

В кадре — Гудини, в бомболюльке, как в гробу. Створки распахиваются, и кокон выпадает — медленно, поначалу невесомо. Потом воздушная струя подхватывает один конец, и кокон начинает кувыркаться, темно-белый на ярко-белом фоне облачного слоя внизу.

Эдди ведет его объективом так долго, как только может. Под ними большое яйцевидное облако, и Гудини падает к нему. Он начинает высвобождаться. За ним тянутся размотанные бинты, бьются на ветру, как длинные жгутики, и вот — хлюп! — он сперматозоидом юркнул в округлое белое облако.

По пути назад на аэродром Эдди со звукооператором обходят весь самолет и спрашивают у каждого, как, по их мнению, спасется Гудини или нет?

— Очень на это надеюсь. — Раввин.

— Понятия не имею. — Священник, ждет не дождется завтрака.

— Без шансов. — Мычун Макс. — Скорость падения в точке удара двести миль.

— Все когда-нибудь умрут. — Джонни Г.

— На его месте я бы попробовал тормозить бинтами. — Лысая Резина.

— Да уж, загадка. — Судья.

Облака сочатся дождем, самолет, катясь по полосе, выбрасывает фонтаны воды из-под колес. Эдди снимает, как все

по очереди спускаются на бетон и бредут к крошечному терминалу, пустому, если не считать…

В дальнем углу, спиной к ним, играет в электрический бильярд мужчина в пижаме. Стелется сигарный дым. Кто-то окликает мужчину, и он оборачивается — Гудини.

* * *

На просмотр рабочего материала Гудини привозит маму. Все в восторге, кроме ее. Она очень расстроена и принимается рвать на себе волосы. Выдрать удается много, и вскоре весь пол вокруг ее инвалидного кресла устлан ковром седых старческих волос.

Дома Гудини встает перед ней на колени и молит ее до тех пор, пока она не дает ему разрешение закончить фильм. Рабстейн из «Пате» говорит, что осталось два трюка.

— И потом никакой больше магии, — обещает Гудини. — А на вырученные деньги откроем музыкальную лавочку.

— Милый мой мальчик.

* * *

Для второго трюка Гудини с мамой летят в Сиэтл. Старушка потребовалась Рабстейну, чтобы зафиксировать ее реакцию крупным планом. «Пате» поселяет парочку в пансион, время и природа трюка так и остаются неопределенными.

Эдди Мачотка не отходит от них ни на шаг, снимает их прогулку в порту. Гудини ест дангенесского краба. Его мама покупает ирисок. Гудини покупает ей парик.

Четверо в черных зюйдвестках спрыгивают с рыболовецкого катера на причал. Возможно, Гудини слышит их шаги, но считает, что оборачиваться ниже его достоинства. И вот четверо кидаются на него: священник, судья, раввин, а теперь заодно и доктор — например, Рекс Морган.[40]

Пока старушка надрывается, доктор отрубает Гудини большой инъекцией пентотала натрия. Великий мастер побега не сопротивляется, лишь смотрит с улыбкой, погружаясь в забвение. Старушка молотит доктора ридикюлем, пока священник с раввином не запихивают ее с Гудини на рыболовецкий катер.

На катере все те же — Джонни Г. и его ПДР-асы. Джонни может поднять в воздух все что угодно, даже катер. Его налитые кровью глаза блуждают по сторонам, но Лысая Резина выводит катер из гавани, через Пьюджет-Саунд и в сплавную реку. Путь

неблизкий, на пару часов, но Эдди снимает в замедленном режиме от начала до конца… Гудини лежит в половинке выдолбленного бревна, доктор периодически делает ему новую инъекцию.

Наконец они добираются до запруды, в которой плавают несколько бревен. Мычун Макс и судья замешивают бадью гипса и заливают Гудини с ног до головы. Глаза, нос и уши заклеивают лентой, а в рот вставляют дыхательную трубку. Затем накрывают его второй половинкой выдолбленного бревна, так что наружу торчит лишь дыхательная трубка, замаскированная под обрубок ветки. Гудини без сознания, загипсован внутри бревна — как мертвый червяк внутри бисквита «твинки» с кремом. Священник, раввин, судья и доктор переваливают бревно через борт.

Подняв фонтан брызг, оно покачивается на волнах и смешивается с другими бревнами, ожидающими очереди на пилораму. Всего бревен десять, и в каком именно из них Гудини, уже не разобрать. Пилорама оживает, конвейер подхватывает первое бревно.

В кадре сталкивающиеся бревна. На переднем плане мама Гудини рвет волосы из парика. С громким СКАААААЗЗЗТ пила вгрызается в первое бревно. Она видна на дальнем плане — исполинское зубчатое колесо, распиливающее бревно вдоль на ровные половинки.

СКАААЗЗЗЗТ! СКАААААЗЗЗЗЗТ! СКАААЗЗЗЗТ! Летят щепки. По очереди бревна подцепляются и ползут к пиле. Хочется отвести взгляд, но вы не можете… так и ждете, когда наконец брызнут кровь и переработанная пища. СКАААЗЗЗЗТ!

Джонни Г. прихлебывает что-то из плоской серебристой фляжки. Его губы беззвучно шевелятся. Проклятья? Молитвы? СКАААЗЗЗЗТ! Мычун Макс нервно скалится, его лошадиное лицо в бисеринках нота. Мама Гудини ощипала парик до самой сетки. СКАААЗЗЗЗЗТ! Лысая Резина выпучил белки глаз, крупные, как вареные яйца. Он отбирает у Джонни фляжку и тоже прикладывается. СКАААЗЗТ! Священник промокает лоб, а раввин… СКНАКЧАНКФВИИИИИ!

Над девятым бревном взлетает гипсовая пыль. Оно распадается пополам, открывая лишь негатив тела Гудини. Пустая форма! Четверо карабкаются с катера на причал и — камера совершает круговую панораму: во все глаза выглядывает великого человека. Где же он?

Сквозь ликующие крики прорывается звук музыкального автомата из кафетерия пильщиков. Поют сестры Эндрюс.[41] А внутри… Гудини, притопывает в такт и жует чизбургер.

* * *

— Всего один трюк, — молит Гудини, — и мы купим эту лавочку.

— Я так боюсь, Гарри, — говорит его лысая мама. — Если бы только они предупреждали чуть-чуть заранее…

— В этот раз предупредили. Дело совсем плевое. Летим в Неваду.

— Надеюсь только, ты будешь держаться подальше от этих танцовщиц.

* * *

Священник, раввин, судья и доктор снова в сборе, на этот раз с ними вместе ученый. Бетонная комната с низким потолком и щелями вместо окон. Гудини в черном резиновом гидрокостюме показывает карточные фокусы.

Ученый, как две капли воды похожий на Альберта Эйнштейна, коротко говорит с кем-то по телефону, затем кивает доктору. Доктор мужественно улыбается в камеру, надевает на Гудини наручники и помогает тому спуститься в цилиндрический бак с водой. Холодильные катушки охлаждают бак ниже точки замерзания — и вот уже Гудини вморожен в цельную ледяную глыбу.

Священник с раввином скалывают стенки бака, высвобождая огромную ледяную хлопушку, голова Гудини торчит из нее, как запал. На улице ждет грузовик с гидравлическим подъемником. Джонни Г. и ПДР-асы загружают Гудини в кузов. Глыбу накрывают спортивными матами, чтобы не расплавилась на жарком солнце пустыни.

Через две мили показывается испытательная вышка на тонких паучьих ногах, увенчанная своего рода сарайчиком. Это атомный полигон посреди богом забытой пустыни где-то в невадской глуши. Эдди Мачотка едет в кузове вместе с Гудини и ПДР-асами.

В кадре над головой высится изящный треножник, на верху его неприлично бугрится бомба. Одному Богу известно, за какие ниточки пришлось потянуть Рабстейну, чтобы «Пате» пустили сюда.

В основании башни, в самом эпицентре, цилиндрическая дыра, куда и опускают замороженного Гудини. Его голова торчит вровень с землей и улыбается, словно кактус пейот. Компания мчится назад к бункеру, на полной скорости.

Эдди снимает все в реальном времени, чтобы ни единой

монтажной склейки. Мама Гудини сидит, разумеется, в бункере и ощипывает парики, грудой наваленные у нее на коленях. Ученый вручает ей игральные кости.

— Чтобы у него был хоть какой шанс, мы не взорвем заряда, пока вы не выбросите две единицы. «Змеиные глазки», знаете?

Наезд на ее лицо, искаженное гримасой отчаяния. Как можно медленнее она встряхивает кости и выкатывает их на пол.

«Змеиные глазки»!

Прежде чем кто-либо успевает среагировать, ученый жмет на кнопку, в его задумчивых глазах веселый блеск. В смотровые щели вдруг проливается свет и затапливает бункер, все черное становится серым. Затем накатывается ударная волна, и судья падает как подкошенный, — возможно, инфаркт. Грохот никак не стихает. Тесно сгрудившаяся компания крутит головами.

И вот все кончилось, шум стих, если не считать… автомобильного клаксона, упорно гудящего за самой дверью. Ученый отдраивает ее, и все выглядывают наружу. Эдди снимает из-за их плеч.

Это же Гудини! Ну да! В белом кабриолете, с грудастой танцовщицей!

— Деньги на бочку! — выкрикивает он. — И прости-прощай!

МАРК ЛЕЙДЛОУ
400 ПОГАНЦЕВ [42]

Принесите в жертву нас!

Пополь-Вух[43]

Киберпанки славятся своей приверженностью к странному. Марк Лейдлоу даже здесь выбивается из ряда вон. Его сочинения отличаются неожиданными сопоставлениями и ракурсами, а также черным юмором на грани ультрафиолетового. Современные источники влияния устанешь перечислять, лишь бы это было что-то загадочное, интуитивное, экстравагантное.

Предлагающийся вашему вниманию рассказ демонстрирует фирменный лейдлоувский коктейль. В данном случае апокалиптический миф скрещивается с городским фольклором уличных банд. Впрочем, описывать «400 поганцев» бесполезно; лучше погрузиться в рассказ с головой и получить удовольствие.

Марк Лейдлоу живет в Сан-Франциско. Последний выпущенный им роман называется «Dad's Nuke».

Сидим тут и чувствуем, как Клевый Город помирает. Двумя этажами выше нашего подвала, на уровне земли, что-то гигантское топчет многоквартирные пирамиды. Чувствуем, как жизни лопаются подобно электролампочкам. В такие моменты не нужно никаких паранормальных способностей, чтобы увидеть окружающее чужими глазами. Мой мозг взрывают вспышки страха и боли, но ни одна из них долго не длится. Книжка выпадает из рук, я задуваю свечу.

Мы называем себя Братанами, в банде нас — двенадцать. Вчера было двадцать два, но не всем удалось вернуться в подвал вовремя. Наш пахан, Шрам, восседает на ящике и то и дело перезаряжая свою пушку единственной пулей. Плакса Ягуар сидит на коленках в углу на краешке своего старого одеяла и рыдает как ненормальный — на сей раз у него есть повод. Мой Братанище, Нефрит, в поисках программ вращает ручки настройки голотелика, но оттуда, словно вывернутые наизнанку вопли, доносятся шумы статического электричества. Похоже на крики ужаса, взрывающие нам мозг, только крики нельзя выключить, их давят: один за другим.

— Выруби эту хреновину, Неф, пока я ее не закоротил, — командует Шрам.

Он здесь главный, он — наш пахан. У него серые губы и слишком широкая улыбка: душманский скальпель раздвинул ее на обе щеки. Он шепелявит.

Неф пожимает плечами и выключает телик, но то, что мы слышим, не отвлекаясь на него, — едва ли лучше. Грохот далеких шагов, крики с небес, зловещий смех. Шум, кажется, удаляется от нас вглубь Клевого Города.

— Сейчас уйдут, — решает Неф.

— Все-то ты знаешь, — усмехается Клешня О'Тех, копаясь хромированным пальцем во внутренностях будильника, как ребенок копается в носу, — но даже не в курсах, кто это там…

— Я их видел, — возражает Неф. — Мы с Хрипом их видели. Правда же, Хрип?

Я только киваю. У меня нет языка, чтобы говорить. С двенадцати лет я могу лишь хрипеть — тогда мне сделали бесплатную коррекцию за грубое слово в адрес контролеровской распознайки.

Мы с Нефом выходили прошлой ночью, забрались на верх опустевшей пирамиды поглядеть, что творится вокруг. За Ривер-Ран-бульваром[44] горело так ярко, что мне пришлось отвернуться. Неф продолжал вглядываться, он сказал, что видит, как в зареве бегают великаны. Потом я услышал такой звук, как если бы порвалась тысяча гитарных струн. Неф сказал, что великаны выдрали с корнем Большой Мост[45] и забросили его на Луну. Я поднял голову и увидел крутящуюся в воздухе черную арку моста, канаты звенели, резали дым, а она все летела вверх, не падала… по крайней мере, пока мы ждали, то есть не очень долго.

— Не знаю, что это, но оно, возможно, останется тут надолго, — размышляет Шрам, скручивая губы в подобие улыбки. — А может, и вовсе никогда не уйдет.

— Ни… никогда? — Плакса перестает реветь, чтобы выдавить из себя это слово.

— Зачем им уходить? Похоже, они проделали большой путь, прежде чем добраться до Клевого Города. Выходит, у нас тут появилась новая банда, Братаны.

— Как раз то, чего нам не хватало, — выступает Неф. — Только не проси меня с ними махаться. Перо маловато. Уж если Контролеры не смогли их остановить, мы-то что сделаем?

— Неф, братан, слушай меня внимательно, — угрожающе наклоняет голову Шрам. — Если я прошу тебя драться, ты дерешься. Если я прошу тебя спрыгнуть с вершины улья, ты прыгаешь. Ты же знаешь, я прошу об этих вещах лишь затем, чтобы разнообразить твою жизнь.

— Уж как она разнообразна, — ворчит мой братанище.

— Тихо! — вскрикивает Плакса. Он крупнее и старше любого из нас, но мозги его — хуже, чем у десятилетнего. — Послушайте!

Мы вслушиваемся.

— Ни хрена не слыхать, — начинает Скэг.

— Ага! Ни-и-ичегошеньки. Ушли.

Слишком рано он это сказал. Тут что-то громыхает за стеной, под нами дергается бетонный пол, с потолка сыпется. Мы с Нефом заныриваем под стол.

— Ты в порядке, Хрип? — заботливо спрашивает Неф.

Я киваю и оглядываю подвал в поисках Братанов. Дух банды не покинул комнаты — все целы.

И тут двенадцать ртов открывается в удивлении.

Подвал освещен естественным светом. Откуда он тут взялся?

Выглянув из-под стола, я через два разверзшихся этажа ловлю взглядом исчезающую луну. Сотрясение открыло небесам недра многоквартирного улья. По краям расселины зияют переборки потолков-полов; канализационные трубы, словно паутинки, висят в воздухе; из болтающегося матраса сыплется наполнитель.

Черный дым затягивает луну. Тот самый дым, который мы видели над городом вчера, когда звезды плевались искрами, как сигнальные огни вокруг дорожной аварии. Вместе с ним крадется аромат духов Леди Смерти.

Шрам становится поперек трещины, проходящей через центр комнаты.

Он сует пушку в карман. Серебро единственной пули запачкано кровью Шрама. Он хранит ее для Душмана, одарившего его такой улыбкой, пахана по прозвищу Низверх.

— Ладно, банда, — решает Шрам. — Выбираемся отсюда, пронто.

Тех и Неф отдирают от двери доски. Еще с тех времен, когда все пошло наперекосяк в Клевом Городе, подвал оборудован системой безопасности. Тех так напичкал стены глушилками, что, когда контролерские распознайки вышли на поиски хат, они распознали тут лишь пустую комнату с канализацией. А нас — ни фига.

Лестница за дверью повернулась под сумасшедшим углом, но с ней мы справимся. Я оборачиваюсь назад, чтобы в последний раз взглянуть на подвал, который почти уже считал своим домом.

Там мы прятались, когда Контролеры собирали новобранцев на войну. Они считали, что по возрасту мы как раз подходим.

— Выбирайся, выходи, лучше сам ко мне иди! — орали они.

Как только начиналась охота, мы проделывали фокус с исчезновением.

— Идет война последняя, всемирная война, — напевали вокруг; время, обозначенное календарями, заканчивалось.

Все, что нам соблаговолили сообщить о войне, можно было запихнуть в кончик мизинца Теха, который он приспособил под разрывные дротики. Тем не менее рассчитывали на наше в ней участие. Типа для начала нас отправили бы тренироваться на лунную базу Инглиш, потом, опытными бойцами, вперед-вперед-в атаку, обратно на Землю. На югах чайносовки несли войны, что наседка — яйца. Время было жаркое: по ночам небеса раскалялись добела, днем остывали до желтизны.

Федеральный контроль запечатал наш городишко в плотную прозрачную оболочку. Внутрь без пропуска проникал лишь воздух да солнечный свет. Когда начало светиться желтым, Тех уверенно сказал, что чайносовки замутили против невидимого занавеса что-то убойное, достаточно мощное, чтобы прорвать оборону.

Тихонько, как индейцы, мы выползаем на стрит. Наш квартал протянулся между Пятьдесят шестой и Восемьдесят восьмой, между Вестлендом и Чико. Все уличные фонари, все окна в зданиях и оставленных автомобилях разбиты. Мусор и тела никто не убирал.

— Вот дерьмо! — отмечает Тех.

Плакса начинает рыдать.

— Смотри внимательно, Хрип, — напоминает Шрам, не упусти ничего.

Мне хочется отвернуться, но необходимо сохранить увиденное для истории. Я чуть не плачу: мама и родной брат мертвы, но беру себя в руки и записываю. Шрам велел вести историю Братанов.

В Федеральной Башне, где занимаются контролем людей и программируемых компонентов, мистер Корректор отрезал большую часть моего языка и принялся за остальное.

Но завершить работу не смог — не дожил: сводная банда — Квази, Морфы под руководством Братанов — вытащила меня оттуда.

Надо держаться вместе. Я знаю, Контролеры вечно треплют, что мы, мол, вандалы и хулиганы, вроде Анархиканцев, которым плевать на Клевый Город. Если хоть раз поверил им, отрежь свои никчемные уши. Банды никогда не разрушали без необходимости. Как жизнь пошла в Клевом Городе наперекосяк, некуда было деваться — кроме как по соседним кварталам. Входи без стука, тогда… как-то все разрулится.

Дальше по стриту я замечаю серебристый отблеск. Там заглохла распознайка: сканеры опущены, больше бритоголовым сидельцам Башни не разглядывать с ее помощью улицы.

Я показываю в ее сторону: немного уж тех бритоголовых осталось.

— Закона больше нет, — констатирует Неф.

— Ничто не стоит на пути, — добавляет Шрам.

Мы вступаем на стрит. Проходя мимо распознайки, Тех свинчивает лазерные затворы с орудия. Подсоединить к ним батареи — получатся крутые резаки.

В огромном недоразграбленном маркете подбираем себе фонари. Некоторое время еще копаемся в обломках, но быстро становится тошно. Продолжаем путь через холмы, бывшие некогда многоквартирными ульями и пирамидами. Довольно долго.

Устоявшие стены никогда не просохнут от краски: с них капает красно-черным. Из центра города шибает в нос вонью свежей смерти.

Поганая кошка снова пометила наш квартал.

Задумываюсь о выживших. Проникая разумом в руины, мы не ощущаем там никого. В добрые старые времена тут много народу жило. Большинство ульев опустело во время эпидемии, тогда померли старики, а пацаны, которых вирус не тронул, научились держаться вместе, объединяя силу.

Становится темнее, жарче, сильнее воняет. Из окон выглядывают трупы — хорошо я не стал разыскивать маму и брата. Мы собираем консервы, держимся супертихо. Такой мертвецкой ночи на стрит до сих пор не опускалось. Банды постоянно болтались, безудержно куролесили в клевом, неуправляемом тусняке. А теперь остались только мы.

Проходим квартал за кварталом, здесь обитали Зайки, Шелка, Квази, Няньки и Ангелы. Никого. Если какая банда и выжила, она ушла на хату. Если укрытие наземное, они мертвы, как и все окружающие.

Мы пытаемся уловить подсознательный сигнал — тогда внутри живота как будто защекочет — от другой банды. Но, кроме смерти, в ночи никого нет.

— Упокойтесь с миром, бандюки, — говорит Неф.

— Стоп! — командует Шрам.

Останавливаемся на Двести шестьдесят пятой — в квартале Курносиков. Вниз по стриту кто-то сидит на бетонной куче. Трясет головой и поднимает руки.

— Как интересно! — удивляется Шрам.

Чувак пытается слезть, но он так слаб, что путается в ногах и мешком катится на землю. Окруженный, он вглядывается в черную дыру Шрамовой пушки.

— Здорово, Низверх, — хрипит Шрам. На его лице

расплывается улыбка, которую, должно быть, он берег вместе с серебряной пулей. От уха до уха. — Как поживают Душманы?

Низверх больше не тянет на пахана. Его красно-черный костюм с молнией изорван и заляпан, оторванный воротник перебинтовывает запястье. Левое стекло темных совино-круглых очков выбито, ежик волос выдран с корнем.

Низверх застыл, он смотрит в дуло и ждет щелчка бойка, последнего звука в своей жизни. И мы тоже ждем.

Из под разбитого стекла на грязную щеку скатывается крупная слеза.

— Не этой ночью, — посмеивается Шрам, опуская пушку.

Низверх никак не реагирует.

Дальше по стриту взрывается газопровод, освещает нас оранжевой вспышкой.

Тут мы все хохочем. Так смешно получилось. Низверх молча улыбается.

— Потом с тобой разберемся, Пахан. — Шрам резко ставит Низверха на ноги. — Выглядишь, как дерьмо из под колес. Где твоя банда?

Низверх только смотрит в землю и медленно качает головой.

— Пахан, — начинает он, — нас раздавило. По-другому не скажешь. — Тут он вытирает свежие слезы. — Нет больше Душманов.

— Но ты-то есть. — Шрам кладет руку ему на плечо.

— Не бывает Пахана без банды.

— Ну тебя! Что случилось?

— Новая банда в нашем квартале. — Он оглядывает улицу. — Они — великаны; Шрам, знаю, это звучит глупо…

— Нет, — встревает Неф, — я их видел.

— Мы слышали, как они идут, — рассказывает Низверх, — но не видели, иначе я бы никогда не приказал Духам стоять стенкой. Думал, мы сможем их сдержать, но нас попросту смели… раскидали. Некоторых парней — выше Башни. Эти поганцы… Четырехсотая ими кишит. Они светятся, мерцают, а потом — удар, и ты теряешь сознание.

— Похоже на Страходилеров, — бакланит Тех.

— Если бы я думал, что они — простые пацаны, я бы не сдрейфил, — продолжает Низверх. — Но они — не такие. Мы их пытались запсихачить, почти сработало. Они из такого сделаны, оно как бы целое, порвет тебя на куски, но как только по нему психачишь — разлетается на части, как пчелиный рой. Да и немного нас было, чтобы сопротивляться. Не готовы были. Я сам выжил только потому, что Хитрюгаджек меня вырубил и закинул под машину. Когда пришел в себя, все уже закончилось. Пошел по

стриту, думал — может, банда какая слоняется. Никого. Наверное, по хатам попрятались. Стремно проверять. Они ж меня прибьют на счет «раз».

— Одно дело с бандой за спиной, другое — в одиночку, — подпевает ему Шрам. — Сколько ты хат знаешь?

— Шесть, наверное. Слышал еще что-то невнятное про Чайнапошек. Знаю, где найти Застежек, Центровых, Герлов, Солдафонов и Саночников. Через туннели подземки можно быстро добраться к Чиксоидам.

— А у нас что имеется? — Шрам поворачивается ко мне.

Я достаю измятый список, передаю его Нефу, тот читает.

— Чайнапошки, Саночники, Барабанщики, А-В-марии, Дикие телки, Чинарики, Денни. Если кто из них еще жив, еще узнаем.

— Точняк, — подтверждает Шрам.

— Надо бы новеньким кликуху придумать, — толкает меня в бок Неф.

Он знает, я люблю давать названия вещам. Улыбаюсь, забираю бумажку, достаю карандаш и записываю: ЧЕТЫРЕСТА ПОГАНЦЕВ.

— Потому как взяли Четырехсотую, — доходит до Нефа.

Я киваю, но причина не только в этом. Где-то я читал, как поганцы разнесли мир вдребезги, запытали бабулек. Чего-то подобного можно ожидать и от наших.

Дальше по улице сквозь дым видно, как восходит сильно обкопанная луна, окрашивая все вокруг в цвета ржавчины.

— Мы их уделаем, — толкает Тех.

От облика луны становится грустно и страшно одновременно: я еще помню те времена, когда она была круглой и совершенной, как драгоценный камень на бархате витрины, как яркостью затмевала огни улиц даже после того, как в дыму поблекла ее красота. Даже тогда, коричневой, она смотрелась лучше сегодняшнего кроваво-красного огрызка. Похоже, ее использовали в качестве мишени. А может, эти самые Поганцы кидались мостами по базе Инглиш.

— Нашего квартала больше нет, — подводит итог Низверх. — Я достану этих Поганцев. Или они, или — я.

— Мы с тобой, — заверяет Шрам. — Действовать нужно быстро. Разбиваемся на пары, Братаны. Нужно пройтись по хатам. Неф, Хрип — пойдете со мной и Низверхом. Посмотрим, вставят ли Чиксоидам доводы разума.

Шрам указывает другим Братанам места поисков и встречи.

Мы прощаемся, находим ближайший спуск в подземку, бредем по станциям мимо трупов, дожидающихся последнего поезда, гоняем крыс, ставших жирнее и опаснее, чем когда-либо,

но они боятся наших фонарей.

— То клятое перо все еще с собой носишь? — интересуется Шрам.

— Ты про эту малютку? — Низверх встряхивает здоровый рукой, и скальпель ложится ему в ладонь.

— Может понадобиться, — цедит Шрам, он холодно смотрит на нож, сжимает губы.

— Понял, братан. — Низверх прячет перо.

Я думаю, все пока идет правильно. Мы минуем еще несколько станций, потом поднимаемся, выходим на поверхность. Так получается быстрее, чем поверху, мы подошли к окраине Клевого Города.

— Сюда, — Низверх указывает в сторону разрушенных ульев.

Стены в облупившейся краске исписаны загадочными сообщениями, возможно — тайными знаками Чиксоидов.

— Подождите, — просит Неф, — я проголодался.

В квартале отсюда — винный магазин. Приподнять и взломать дверь — не сложнее, чем руку сломать. Мы скользим лучами фонарей по рядам бутылок, внутри и снаружи на улице — все тихо. Под кроссовками крошится разбитое стекло. Пахнет бухлом так, что мне шибает в голову. Под кассой уцелели чипсы и шоколадки, пихаем их в рот и уходим.

— Так где хата Чиксоидов? — спрашивает Неф, приканчивая батончик «Пятая авеню».

И тут подсознание шепчет нам о смерти: другая банда предупреждает: мы окружены.

— Пригнулись! — командует Низверх.

— Нет, — возражает Шрам, — прятки кончились.

Я сам никогда не бился с Чиксоидами и понимаю, почему Шрам держал нас от них подальше. Они под завязку затарены пушками и резаками, нунчаками и моргенштернами. Даже без того смотреть страшно: глаза пылают огнем, на головах — яркие хохолки, лица — в радужных пятнах татуировок. Одеты по большей части в черное, на ногах — ролики. Их чувства скрыты от нас под покрывалом угроз.

— Выходите, если думаете остаться в живых, — звучит низкий голос.

Мы поднимаемся, стараясь держаться поближе друг к другу. Девчонки сжимают кольцо. Неф пытается было посветить фонарем, но одна из Чиксоидов — с голубыми треугольниками на щеках и светло-рыжим хохолком — тут же выбивает его из руки. Падая в сумасшедшем вираже фонарь освещает окружающую тьму. На пальцах Нефа не осталось даже царапины. Я луч не поднимаю.

Тут подкатывает крупная Чиксоида. Напоминает распознайку, вся такая: увешена аккумуляторами, по рукам вверх, в мелкие африканские кудряшки, которые она украсила колокольчиками и стекляшками, бегут провода. На голове укреплена лазерная пушка, а в каждой руке — по резаку.

Обыскивает меня и Нефа, потом поворачивается к двум другим.

— Пахан Низверх и пахан Шрам, — констатирует она, — улетная парочка. Но мне казалось, Душманы, они больше по девочкам специализируются.

— Не смешно, Бала, — отвечает Шрам, — уничтожены целые кварталы.

— Нормальненько. — Улыбаясь, она показывает черные, травленые кислотой зубы. — Тяжеловесы вытоптали соседей, у нас появилась новая площадка для игр.

— Поиграйся денек-другой, — советует Низверх, — раздавившие других вернутся за тобой.

— Так, значит, здания порушены. Конец света утрамбован и введен в эксплуатацию. А вы где были?

— В Клевом Городе теперь играет новая банда, — сообщает Низверх.

— Против нас играет. — Бала прищуривает глаза. — Какая неприятность!

— Четыреста поганцев, — встревает Неф.

— Достаточно, чтобы позабавиться! — смеется она и делает пол-оборота на роликах. — Может быть.

— Они считают Клевый Город своим кварталом, весь город. Беспредельничают. Эти Поганцы о клевом тусняке даже не слыхали.

— Херня! — Она мотает головой, звенят колокольчики. — У вас в голове что-то замкнуло, пацаны.

— Мы собираем все банды, Бала. — Шрам понял, что к нему прислушаются. — Нужно спасать свои шкуры, а значит, нужно поднять как можно больше хат, оповестить как можно больше Паханов. Ты с нами или нет?

— Они раздавили на хрен Душманов за полминуты, — вставляет Низверх.

Тут по стриту из центра города проносится ударная волна — как будто кнутом хлестнуло. Все происходит внезапно, мы ничего такого не ждали: и Чиксоиды, и Братаны, и Душман — мы боимся разрушителей. Страх объединяет, первый шок проходит, мы смотрим друг на друга широко раскрытыми глазами. Чиксоиды больше не думают угрожать: настало время держаться вместе.

— Отведем пацанов домой, — решает Бала.

— Да, мамочка!

Под жужжание роликов до зубов вооруженный эскорт ведет нас через лабиринт расчищенных среди обломков дорожек.

— Поганцами их зовете? — спрашивает Бала других паханов. — У нас для них — другое название.

— Какое?

— Боги, — сообщает Бала.

— Боги!

— Богоподобные существа, порождение разума. Великая Мать смотрела в свое зеркало, видела там костры из городов. Помните, когда прорвался пузырь? На юге вовсю воевали, устраивали фейерверки из странных бомб. Кто знает, что уродилось в том сиянии. Великая Мать сказала, что конец света наступит, когда существа из внешнего мира проникнут внутрь. Они вобрали в себя всю эту энергию, конвертировали ее в массу. Подняли бури, начали разрушение. А где лучше разрушать, если не в Клевом Городе?

— Конец света, — удивляется Низверх, — но почему же тогда мы еще живы?

— Глупышка, и как тебя угораздило стать Паханом? — смеется Бала. — Ничто никогда не кончается. Ничто.

За десять минут мы добираемся до пирамиды Супермаркета, на месте нижних зеркальных окон торчат угрожающие зубцы осколков. Бала издает короткий свист — и двойные двери раздвигаются. Мы заходим. Первое, что бросается в глаза: груды коробок с припасами повсюду, что-то готовится, кровати и кучи одеял. Некоторые из присутствующих здесь — явно не Чиксоиды: маленькие дети, взрослые.

— Мы подбирали выживших, — объясняет Бала и пожимает плечами. — Великая Мать велела.

Великая Мать — наследие древности, так я слышал. Она пережила чумные годы и присоединилась к бандам. Должно быть, наверху бормочет что-то в свое зеркальце. Шрам и Низверх смотрят друг на друга. Не могу сказать, что они задумали.

— О'кей, Братаны, у нас тут есть работка. — Шрам поворачивается ко мне и Нефу. — Не уходите далеко.

— Можно где-нибудь придавить? — спрашивает Неф. Вид этих всех кроватей и одеял навевает усталость.

— Отведи их, Ракушка. — Бала указывает в сторону неработающего эскалатора.

Чиксоида с блондинистым в красных разводах хохолком разгоняется по одному из проходов и с ходу запрыгивает на четвертую ступеньку эскалатора. Отточенным движением она взлетает наверх и ухмыляется оттуда.

— Она ангел, — решает Неф.

Наверху — тоже Чиксоиды. Некоторые девчонки храпят, уткнувшись лицом в стену.

— Никогда еще у нас тут Братанов не было. — Она упирает руки в боки и смеется.

— Мама сюда за покупками ходила. — Неф оглядывает девчонку сверху-вниз.

— Что прикупила? Твоего папу?

Неф засовывает в кулак большой палец и елозит им там, широко улыбаясь. Девчонки смеются, но Ракушка к ним не присоединяется. Глаза ее темнеют, а щеки под голубыми треугольниками — краснеют. Я хватаю Нефа за руку.

— Не стоит, — предупреждает одна из девчонок.

— Я с тебя скальп сниму, — предупреждает Ракушка, помахивая пером, — ты и не заметишь.

Я снова тяну Нефа за руку, он унимается.

— Давайте выбирайте одеяла, — говорит Ракушка. — Можете здесь поспать.

Мы оттаскиваем одеяла в угол, заворачиваемся в них и засыпаем рядышком. Мне снится пепел.

— Вставайте, Братаны, работы много. — Шрам будит нас затемно.

Дело, я вижу, пошло. Чиксоиды знают, где хаты большего количества банд, чем мы когда либо слышали, некоторых даже не городских. Курьеры шныряли целую ночь, все на мази. С окраин до центра, вокруг Четырехсотой, они собирали всех, кто в был состоянии подняться. Фальшивая ночь под дымовой завесой тянется и тянется. Клевый Город начинает движение в темноте.

Проходя руинами и подземными ходами, через канализацию, по стритам и аллеям — мы смыкаемся у Четырехсотой, в бывшем квартале клевого тусняка Душманов. С Первой по Тысячную, от Бей-стрит до Ривер-Ран-бульвара, хрустит под ногами щебень, полнятся туннели подземки: Клевый Город пришел в движение. К Братанам и Чиксоидам присоединяются Крысоловы, Барабанщики, Солдафоны и Центровые из Пилтдауна, Ренфрью из Апперландских холмов. Дьяволята объединяются с Чинариками и Латиносами, Саночниками и Тритонами, Чайнапошками и А-В-мариями. Краски, Дикие телки, Рокопарни, Герлы, Водяные, Застежки и Запонки. Всех и не упомню.

Мы — единая банда Клевого Города, все флаги собрались здесь.

Мы, Братаны, выступаем плечом к плечу с последним Душманом.

Вверх по эскалатору мы выходим из подземки в зону хаоса.

Вокруг — конец света, но мы еще живы. Трудно дышать, но внутри меня бурлит ненависть.

Грохот, словно в кузнечном цеху, — так вот Четыреста поганцев притихли.

На Триста девяносто пятой мы рассредоточиваемся по боковым улицам перед проникновением в квартал Поганцев.

Когда подходим к Триста девяноста восьмой, огонь вырывается из ульев впереди нас. Раздается звук, как будто небоскреб делает первый шаг. Вопль, отражаясь от вершин башен, наконец падает на уровень мостовой.

На следующем перекрестке я вижу: из-под развалин высовывается рука, на запястье — красно-черный браслет.

— Приехали, — докладывает Низверх.

Ступив на Четырехсотую, мы останавливаемся, ошарашенные зрелищем, которое я никогда не забуду.

Знакомых улиц больше нет. Бетон выстреливает пылью и гравием из трещин под ногами. Многоквартирные ульи превратились в мини-вулканы, изрыгающие дым, плюющиеся огнем. По земле вокруг них расползаются черные шрамы. Здания прижимаются к вулканам, словно в надежде добыть хоть какое-то тепло под небом, лишенным светила.

Может быть, Поганцы строят свой, новый город? Если так, то жизнь в нем будет хуже смерти.

Но через огни мы вглядываемся в Клевый Город, ощущаем окружающую со всех сторон банду; общий пульс жизни, общее дыхание объединяют нас.

Низверх уже видел кое-что из этого, но не все. Сегодня ночью он не плачет.

Он выходит перед нами к пламени, отбрасывает голову и орет:

— Э-ге-ге-гей!

Извержение улья заглушает его, но он орет лишь громче:

— Эй вы, Четыреста поганцев!

Разбитые фонари восстают к жизни после смерти. Один в яркой вспышке взрывается над моею головой.

— Это наш квартал, Поганцы!

Чиксоиды и Тритоны выбивают заводной ритм из жести перевернутых автомобилей, от него кровь моя ускоряет бег.

— Вы вторглись в наши Ульи, Поганцы! Вы отымели наш город!

…и наш мир. Я вспоминаю о луне, глаза режут слезы.

— Ну и что?

Фонари тухнут. Земля содрогается. Вулканы взрываются, выплевывая на здания горячую кровь, я слышу шипение ее капель.

Гром грохочет меж башен.

— Готов поспорить, вы никогда не вырастете!

И тут они выходят.

На улице вроде как стало больше зданий. Я думал зданий, а это — громады Поганцев. Четыреста, по меньшему счету.

— Спокойно! — приказывает Шрам.

Четыреста поганцев грохочут по стриту.

Мы прячемся в тени, в укромные места, куда больше никто не пролезет.

Первые Поганцы крутят цепями, звенья которых — с хоккейную площадку — крушат вершины ближайших ульев. Оттуда, сверху, Поганцам до нас не добраться, но могут завалить щебнем.

На вид им, несмотря на размеры, по семь-восемь лет: крупные, потные лица смотрятся по-детски припухлыми. В глазах — недобрый огонек, такой бывает у детей их возраста, когда они обрывают ножки у пойманной мухи: весело до колик, но одновременно — страшно и странно наблюдать то, что делают собственные руки. Под кожей у них словно горит ярко-желтый огонь.

Кажется, они напуганы еще больше нашего: страх покинул единую банду. Мы пытаемся проникнуть в атакующих, наша Сила окружает их со всех сторон. Наш голос сливается в песнь, в ней нет слов, скорее, это крик. Может быть, он означает: «Убейте нас, Поганцы, если сможете, убейте, когда станете с нас ростом!»

Я чувствую, словно прикоснулся к холодному, пылающему, болезненно-желтому жару. Мне дурно, но боль обостряет чувство реальности. Я нахожу Силу в самом процессе, мы все ее находим, вцепившись в огонь, вбирая в себя, швыряя под ноги, на землю.

Поганцы ухмыляются, щурят глаза. Их словно выжимает и выворачивает. Ближайший ко мне скукоживается с каждым шагом.

Мы продолжаем вбирать в себя и выплевать жар. Огонь проходит сквозь нас. Наше пение упорядочивается.

Поганцы становятся все меньше, их силуэты размываются. Дети никогда не умели останавливаться. Даже выгорая, они продолжают наступать.

Мы отходим, а первый Поганец продолжает сжиматься: только что он был выше ульев, а сейчас — едва заполняет собою улицу. Дюжина уменьшившихся приятелей следует за ним, хлещут цепями, сотрясают криками небеса — громыхающие силуэты на фоне горящего города.

Они прорываются мимо Низверха, так и стоящего посреди улицы, направляются к нам. Сейчас они примерно вдвое больше

нашего: подходящий размерчик.

С такими я справлюсь.

— Вперед! — кричит Шрам.

Один из Поганцев замахивается на меня ужасной черной загогулиной, которую я не замечаю до того момента, пока она не просвистывает рядом с ухом. Тут я падаю и встаю там, где он меня не ждет.

Он валится тяжелым, безвольным, лишенным жизни мешком. Нездоровый, желтый свет разливается вместе с кровью, впитывается в асфальт.

Я поворачиваюсь и вижу, что Нефа сбил с ног Поганец с топором. И ничего не могу сделать, только смотрю, как вздымается черное лезвие.

Раздается резкий свист роликов.

Тело с лету врезается в Поганца, сносит его заточенными лезвиями, шарнирами колес. Блондинистый в красных разводах хохолок, широкая улыбка. Чиксоида подпрыгивает и вдавливает его руку с топором в бетон. Оцепенелые пальцы взрываются зеленоватым месивом из костей и крови.

Она смеется над Нефом и отчаливает.

Низверх оглядывает улицу: один из Поганцев кажется выше и сильнее остальных, на него слабо действует наша Сила. По ладони он постукивает массивной дубинкой.

— *Выходи, Пахан!* — кричит Низверх. — *Помнишь меня, да?*

Крупный Поганец подходит, кроша по дороге улицы. Мы пытаемся вобрать его в себя, но он уменьшается медленнее других.

Бах! — дубина врезается в землю так, что я и несколько Чиксоидов падаем на задницу. Дубина разрывает напополам улей, на нас сыпется дождь из бетона и звенящих осколков стекла.

Низверх не шелохнулся, красно-черные молнии недвижимы, руки пусты.

Крупный Пахан замахивается снова, теперь его голова достает лишь до аптечной вывески на пятом этаже. Низверх уворачивается от дубины, которая разносит вдребезги витрину.

В руке Душмана сверкает скальпель. Он бросается на лодыжку Поганца, держится за нее мертвой хваткой, наносит два точных удара. Поганец воет кошкой. Такого эффектного разрезания сухожилий я еще не видел.

Орущий Поганец шатается и брыкается с такой силой, что отбрасывает Низверха через улицу на металлическую решетку витрины. Разметавшийся в неестественной позе Низверх больше не двигается.

Шрам что-то кричит, но голос его заглушает звук выстрела. Кроваво-серебряная пуля оставляет за собою блистающую траекторию в дымном воздухе.

Поганец валится, царапает бетон, пока из огромных пальцев не начинает сочиться кровь. Рот раскрывается гигантским люком, разбитые окна глаз бегают из стороны в сторону. У него узкие, как у ядовитой змеи, зрачки, лицо — длинное, темное, нос крючком.

Бог или Поганец — не знаю, но он мертв. Как и некоторые из наших.

Пятеро Барабанщиков взбираются на труп, требуя продолжения, но без своего пахана Поганцы уже не те. Вулканы тихонько икают — тоже сдают.

Выжившие поднимаются, оглядывая квартал. Некоторые плачут, а я таких звуков издать уже не в силах. Плакса подхватывает. Он садится на бетон и ревет, закрыв руками лицо. Слезы цвета радуги падают на асфальт.

А мы продолжаем вбирать в себя жар сияния, извергая его в землю.

Поганцы еще громче кричат от боли. Они терзают друг друга, мечутся кругами, некоторые прыгают в лаву, изрыгаемую пирамидами.

Сияние воет, контроль над ним вырывается из наших рук, оно собирается воедино в толпе Поганцев, готовое взорваться, и раскаленной змеей взмывает вверх, в облака.

Поганцы падают и больше не двигаются.

В дымном небосводе образуется дыра, из нее проглядывает темно-синее небо, оно постепенно бледнеет дым улетучивается. В рассвете растворяется последний крик Поганцев.

Солнце словно побили, но вот оно. Да, парни, вот оно!

— Давайте, поднимайтесь, — торопит Шрам. — У нас полно уборки.

Я вижу на его лице следы слез, мне кажется, он любил Низверха, как Братана. Как хотел бы я что-то ему сказать.

Мы помогаем друг другу. Хлопаем по плечам, наблюдаем, как восходит золотисто-оранжевое, пылающее белым солнце. И не нужно вам рассказывать, как оно прекрасно, бандюки.

ДЖЕЙМС ПАТРИК КЕЛЛИ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ [46]

Первая публикация Джеймса Патрика Келли состоялась в 1975 году. Его карьера резко пошла в гору в начале 1980-х, когда он написал около двух дюжин рассказов и два романа. Второй из них, «Пляж свободы», созданный совместно с Джоном Кесселом, привлек внимание критиков непосредственной фантазией и богатой литературной эрудицией авторов.

Как и в случае Кессела, критики относили творчество Келли к достаточно условной группе НФ-писателей — «гуманистов», новому литературному крылу, которое противопоставляли (в теории) более «твердым» техническим интересам авторов киберпанка.

В 1985 году Келли с радостью осложнил критикам жизнь, опубликовав следующий рассказ, высокотехнологичную фантастическую историю безудержной визионерской смелости.

За ней последовали еще две повести, столь же изобретательные и оригинальные, составившие, по словам автора, «киберпанковскую трилогию». Своим примером Келли продемонстрировал азбучную истину научной фантастики: пока критики разделяют и анализируют, писатели объединяют и синтезируют.

Они открывали его один раз в год. Некоторые проводили всю жизнь готовясь к этому дню. Другие оказывались там случайно — просто счастливые туристы, роем вываливающиеся из ховеров. Как водится, путешественники все снимали, но очень редко осознавали, свидетелями чему стали. Годы спустя некоторые из записей всплывали на подходящих к концу вечеринках в попытке вдохнуть в них еще сколько-нибудь жизни. О большинстве просто забывали.

Это происходило во время летнего солнцестояния. В тот самый момент, когда солнце пересекало одну из двух точек эклиптики, находящуюся на наибольшем расстоянии от экватора. В самый длинный день в году, в его поворотное мгновение.

Они приехали вечером, когда толпа уже начала расходиться. Высокий мужчина около сорока. Девочка-подросток. У них были одинаковые серые глаза. Ее соломенные волосы начали темнеть, так же как и его, когда ему исполнилось семнадцать. В том, как эти двое шепотом обменивались шутками, как смеялись над

людьми вокруг, виделось неизбежное сходство. Камер у обоих не было.

Они приехали побродить среди эоловых столбов того, что Тони Кейдж считал самым невероятным памятником древности в мире. Да, пирамиды были старше и больше, но уже давным-давно выдали все свои тайны. Парфенон когда-то похвалялся красотой, но кислота времени вытравила ее до неузнаваемости. А Стоунхендж… Стоунхендж был уникальным. Первичным. Зеркалом, в котором каждая эпоха могла узреть своеобразие собственного воображения, в котором каждый человек мог увидеть свой размер.

Они встали в очередь. Жужжание толпы пронизывалось случайными вскриками синтезированной музыки; бесплатный фестиваль, проходивший на близлежащем поле, уже достиг пика безумия. Возможно, вскоре он предложит свои радости этой странной паре, но сейчас та уже добралась до входа в оболочку. Девочка засмеялась, когда они с хлопком просочились сквозь мембрану пузыря.

— Словно меня великан поцеловал, — сказала она.

Они очутились в пространстве между внешней и внутренней оболочками купола. В любой другой день еще ближе к каменному кругу их бы не подпустили. Купол сделали из укрепленного оптического пластика с низким коэффициентом отражения. Лестницы спиралями поднимались вверх; туристы, взбирающиеся по ним, могли увидеть весь Стоунхендж с высоты птичьего полета.

Они вошли во внутреннюю оболочку. Около Пяточного камня стоял репортер с микрокамерой, который принялся махать им рукой:

— Прошу прощения, сэр, извините!

Кейдж вытянул девушку из потока толпы и стал ждать. Ему не хотелось, чтобы этот идиот окликнул его по имени перед кучей народа.

— Вы — наркохудожник. — Журналист отвел их в сторону. Робкая улыбка расцвела на его обсидиановом лице. — Кейс, Кейн… Он постучал по черепному шунту, расположенному за ухом, словно хотел выбить информацию из мозга.

— Кейдж.

— А кто она? — Улыбка стала явно натянутой. — Ваша прелестная дочка?

Тони подумал, не стоит ли ему просто ударить этого человека. Или уйти. Девочка засмеялась.

— Меня зовут Уинн. — Она пожала репортеру руку.

— А меня Зомбой. Стрингер из Уилтшира, в основном

работаю на «Соник». Вы раньше видели старые камни? Могу провести экскурсию. — Кейдж ждал, когда же загорится красный огонек микрокамеры, но журналист все медлил. — Слушайте, а у вас случайно свободных образцов нет? Для самого большого фаната?

Уинн закусила губу, давясь хохотом, и полезла в карман.

— Сомневаюсь, что вы сможете рассказать Тони что-то новое о Стоунхендже. Иногда мне кажется, он живет ради этого места. — Она вытащила пластиковую бутылочку, вытряхнула на ладонь несколько зеленых пилюль и предложила их репортеру.

Тот взял одну и внимательно осмотрел.

— На оболочке никаких названий. — Зомбой подозрительно уставился на Кейджа. — Вы уверены, что они безопасны?

— Естественно, нет, — ответила Уинн и забросила две таблетки в рот. — Экспериментальная вещь. Превращает мозг в кровавый пудинг. — Она предложила одну Кейджу, он взял, втайне желая, чтобы девушка прекратила играть в такие опасные игры, но та все не унималась. Мы их целый день едим. По нам скажешь?

Журналист с радостью положил капсулу на язык, и тут наконец загорелся красный огонек.

— Так вы большой поклонник Стоунхенджа, мистер Кейдж?

— О да, — разболталась Уинн. — Он частенько сюда приезжает. Дает лекции всем желающим. Говорит, в этом месте до сих пор сохранилась магия.

— Магия? — Линза камеры повернулась к Тони, впрочем, он уже давно привык жить под ее постоянным присмотром.

— Боюсь, мы сейчас говорим о разных видах магии. — Кейдж очень не любил, когда его снимали под кайфом. — Я имею в виду не колдунов, человеческие жертвоприношения или молнии из глаз, а более тонкую магию, единственно возможную в полностью объясненном мире. — Слова лились свободно, возможно, потому что он уже не раз произносил их прежде. — Это волшебство тайны, которая захватывает воображение и становится магией. Магия, существующая исключительно в разуме.

— И кто лучше сможет рассказать о магии разума, чем прославленный наркохудожник мистер Тони Кейдж. — Репортер уже говорил не с ними, а с невидимой аудиторией.

Кейдж улыбнулся в камеру.

В 1130 году епископ поручил Генриху Хантингдонскому, архидьякону Линкольна, написать историю Англии. Она стала первым зафиксированным рассказом о месте «Станенгес, где камни невероятных размеров воздвигнуты в форме дверей; и

кажется, что одна дверь громоздится над другой; и никто не может сказать, как подняли стоймя настолько большие глыбы и для чего это сделали». Название его произошло от двух староанглийских слов: «стан» — камень и «хенген» — виселица. Средневековые виселицы состояли из двух столбов и перекладины. Свидетельств о казнях, проводимых в Стоунхендже, не существовало, хотя Гальфрид Монмутский, писавший через шесть лет после Генриха, рассказывал о резне, в которой подлые саксы убили четыреста шестьдесят британских вождей. Он заявлял, что в память о мертвых Утер Пендрагон и Мерлин силой магии и оружия украли у ирландцев священные мегалиты, известные как Хоровод Великанов, и установили их на уилтширской равнине. Хотя «мерлинская теория» происхождения Стоунхенджа полностью соответствовала духу англо-ирландских взаимоотношений, она была лишь часть артурианского гобелена Гальфрида, воинственной патриотической сказки.

— Проснись.

Кейджу снились овцы. Огромное пастбище без деревьев, зеленые волны, катящиеся до самого горизонта. Сбившись с пути, он бродил среди стада, но животные отбегали прочь.

— Тони.

Криогеники утверждают, что «ледышки» снов не видят. Строго говоря, они не лгут — капсула уже запустила процесс разморозки, и синапсы ожили. Вот тогда и пришли грезы.

— Проснись, Тони.

Его веки затрепетали.

— Уйди.

Он чувствовал себя подушечкой для иголок. Открыл глаза и уставился на девушку. На какую-то секунду он даже подумал, что по-прежнему спит. Уинн сбрила все волосы, кроме шипастого многоцветного веера, идущего от уха до уха. Да к тому же придала коже новый оттенок. Голубой.

— Я уезжаю, Тони. Только хочу убедиться, что ты нормально оттаял. Я уже все упаковала в дорогу.

Он промямлил нечто саркастическое. Даже сам не понял, что сказал, но тон голоса выбрал правильный. Кейдж знал: она не настолько сильная, как считает. Иначе бы не стала выкладывать новости, пока он не пришел в себя. Тони сел в криокапсуле и сказал:

— Тогда уходи. Только помоги мне отсюда выбраться.

Он съежился на кушетке в гостиной, стараясь прогнать ощущение холода и глядя на туман, висящий на заливе Голуэй. Горизонт исчез: небо и вода были одинакового цвета старой

соломы. В точно такой же день Тони забрался в капсулу. Он не любил Ирландию, но, когда республика распространила налоговые льготы и на наркохудожников, бухгалтеры срочно обеспечили ему гражданство.

Уинн разожгла огонь, комнату наполнил горький запах пылающего торфа. Принесла ему чашку кофе. На блюдце лежали две пилюли: красная и зеленая.

— Что это? — спросил он, взяв одну.

— Новье. Серентол. Поможет тебе расслабиться.

— Уинн, я в заморозке лежал шесть месяцев. Расслабился дальше некуда.

Она пожала плечами, забрала таблетки и проглотила:

— Тогда нет смысла тратить их зря.

— Куда ты поедешь?

Девушка, казалось, ждала ссоры и удивилась, что он так спокойно спросил.

— Для начала в Англию. Потом — не знаю.

— Хорошо, — кивнул Тони. — Бессмысленно оставаться здесь дольше, чем тебе нужно. Но ты же вернешься, когда снова придет время заморозки?

Она покачала головой. Гребень затрепетал. Кейдж решил, что сможет к нему привыкнуть.

— Сколько тебе заплатить за перемену мнения?

Уинн улыбнулась:

— У тебя столько нет.

Он улыбнулся в ответ и посадил ее к себе на колени:

— Тогда поцелуй меня.

Уинн исполнилось двадцать два, она была очень красивой. Тони понимал, что думать так нескромно, ведь, смотря на нее, он видел себя. Из-за регулярных воскрешений он замечал, как девушка догоняет его по возрасту, и это было самое приятное в зимах, проведенных в гибернационной капсуле, необходимых для обеспечения положенного количества времени, прожитого в Ирландии, и получения гражданства и налоговых льгот. Через тридцать с чем-то лет им обоим будет по пятьдесят.

— Я люблю тебя.

— Естественно, — невнятно ответила Уинн. — Папочка любит свою маленькую девочку.

Кейджу стало почти больно. Никогда раньше она так с ним не говорила. Пока он лежал в капсуле, что-то произошло. Но потом Уинн захихикала и положила руку ему на бедро.

— Можешь поехать с нами, если хочешь.

— С вами? — Тони провел пальцами по ее гладкому черепу и задумался, сколько серентола она уже приняла.

Иаков I был очарован Стоунхенджем настолько, что поручил прославленному архитектору Иниго Джонсу составить план камней и выяснить их назначение. Результаты работы Джонса после его смерти опубликовал зять в 1655 году. Архитектор отверг возможность того, что подобное сооружение могло построить коренное население острова, ибо «древние бритты были невежественным народом, умеющим только воевать, ничего не смыслившим в искусствах и никогда не утруждавшим себя мыслями о Возвышенном». Вместо этого Джонс, последователь классической архитектуры, изучавший ремесло в Италии эпохи Возрождения, счел Стоунхендж римским храмом, построенном в тосканском и коринфском стилях, возможно во времена правления Флавиев.

В 1663 году доктор Уолтер Чарлтон, лекарь Карла II, оспорил теорию Джонса, утверждая, что Стоунхендж соорудили датчане как «королевскую палату или место для выбора и инаугурации своих правителей». Поэт Драйден аплодировал выводам Чарлтона в стихах:

> Открыл ты, что Стоун-Хенг совсем не Храм,
> А Трон, воздвигнутый великим Королям.[47]

На самом деле многие указывали на форму Стоунхенджа, чем-то сходную с короной, видя в том доказательство этой теории. Конечно, подобные измышления, появившиеся столь быстро после того, как Карл вернулся на трон из долгой ссылки, были политически удобны. Наиболее проницательные придворные не жалели усилий, стараясь дискредитировать республику Кромвеля и находя все новые доказательства древности божественного права королей.

Уинн была самой странной причудой Кейджа. За деньгами он никогда особо не гнался; мультинациональные корпорации развлечений чуть ли не насильно продолжали обеспечивать его ими. Как только он приобрел картины Рафаэля, Констебля и Кли в личную коллекцию, отдохнул во впадине Минданао, в Третьей жилой зоне и в Диснейленде на Луне, то выяснил, что на свете существует очень мало вещей, которые ему действительно хочется купить.

Люди завидовали Тони, состоятельному знаменитому наркохудожнику. Но когда он впервые сделал хит для «Вестерн

Эмьюзмента», то чуть не задохнулся от неожиданного богатства, так как деньги не могли просто сидеть на месте и помалкивать. Они кричали, привлекая к себе внимание. Их собирала и расходовала, ими управляла бесконечная процессия людей с натянутыми улыбками и твердыми рукопожатиями, которые упорно давали Тони советы, пусть тот и платил им только за то, чтобы его оставили в покое. Для них он сразу стал «Тони Кейдж, Инкорпорейтед».

Создавая «Фокус», Тони решил, что кто-то должен помочь ему тратить деньги. Жениться он не хотел. Женщины, с которыми Кейдж спал, ничего для него не значили. Он прекрасно понимал, что их привлекает непреодолимый феромон, запах успеха, и хотел разделить жизнь с человеком, связанным с ним такими узами, которые ни одному адвокату в мире не под силу будет разрушить. С человеком, который станет принадлежать только ему. Навсегда. Или, по крайней мере, так ему это представлялось. Возможно, никакой романтики во всей затее не содержалось. Возможно, социобиологи были правы и тут просто сработал инстинкт, вбитый в подкорку всех позвоночных еще в девонском периоде: воспроизводиться всегда и везде.

Уинн выносили в искусственной матке. Так было чище и с медицинской точки зрения, и с юридической. Понадобился лишь образец клеток кишечного эпителия да генная инженерия, поменявшая Y-хромосому на X- и внесшая еще парочку улучшений. Всего-то, а также крохотный вопрос в 1,2 миллиона новых долларов — и Уинн стала его.

Тони сказал себе, что не станет навешивать на нее ярлыки. Он отказался считать ее своей дочерью, но и полностью клоном она тоже не была. Уинн больше походила на его близнеца, только выносили их разные утробы, родилась она на двадцать шесть лет позже, а все воздействия агрессивной окружающей среды, навредившие ему, совсем не коснулись ее. И потому она была чем-то кардинально новым, бесконечно ценным, а не просто сестрой-двойником. Правил поведения для нее не существовало, пределов возможностей тоже. Тони любил хвастаться, что получил все, как заказывал. «Она симпатичнее меня, умнее и лучше играет в теннис, — шутил он. — Стоит каждого потраченного цента».

Когда Уинн была маленькой, Кейдж не слишком часто проводил с ней время. В те дни он еще ставил опыты на себе и частенько возвращался домой нетвердой походкой под серьезным кайфом. Нашел ей английскую няню — самую лучшую, но никогда не приплачивал миссис Детлинг за любовь к малышке. Уинн завоевала ее сама. Суровая старуха кучами тратила деньги

Кейджа на девочку; они считали ее чистым диском, на который надо записать только самую важную информацию. Ради Уинн они путешествовали тогда, когда Тони удавалось вырваться из лаборатории. Детлинг учила воспитанницу в классическом духе Старого мира: девочка говорила по-английски, по-русски и по-испански, немного знала японский и читала Вергилия в подлиннике. В третьем классе она показала рекорд для своего возраста, набрав девяносто девять процентов по Женевскому культуронезависимому тесту на интеллект.

Только когда ей исполнилось семь, Кейдж начал беседовать с ней по-настоящему и получать от этого удовольствие, очарованный невероятным сочетанием зрелости и ребячества.

Однажды он пришел домой из лаборатории и увидел, что Уинн играет по Сети.

— А я думал, ты хотела навестить подругу. Как ее зовут?

— Хайди? Не, я решила остаться, когда няня сказала, что ты сегодня рано вернешься.

— Да я только переодеться зашел. — Тогда он работал над «хохотунами» и до сих пор чувствовал кайф от утренней дозы. Тони не хотелось по-идиотски захихикать перед ребенком, потому пришлось открыть бар и вколоть шприц с нейролептиком, чтобы держать себя в руках. — У меня свидание. Надо выйти в шесть.

Уинн вышла из игры.

— С этой новенькой? Джослин?

— Да, Джослин. — Он взял пульт управления телесвязью. — Не возражаешь, если я почту проверю?

— Я скучаю по тебе, когда ты на работе, Тони.

Он это уже слышал.

— Я тоже. — Кейдж вывел меню на экран и принялся сортировать письма.

Уинн свернулась калачиком рядом, какое-то время молча наблюдала за ним, но в конце концов задала вопрос:

— Тони, а взрослые когда-нибудь плачут?

— Ммм… — «Вестерн» угрожал задержать премию с «полета» из-за проволочек с «хохотунами». — Бывает иногда.

— Правда? — Это ее явно потрясло. — Когда упадут и оцарапают коленку?

— Обычно они плачут, когда случается что-нибудь грустное.

— Например?

— Ну, грустное… — Последовала долгая пауза. — Ты знаешь… — Он хотел, чтобы девочка сменила тему.

— Я видела, как плачет Джослин.

Тони тут же заинтересовался.

— Вчерашней ночью. Она пришла и села на диван. Тебя

ждала. А я играла в домик за креслом, она не знала, что я здесь. Джослин такая страшная, когда плачет. Эта штука у нее под глазами делает слезы черными. А потом она встала и пошла в ванную. Увидела меня и посмотрела так, будто это я виновата в том, что она плакала. Но не остановилась и ничего не сказала. А когда вышла, то снова была радостной. Ну, не рыдала, по крайней мере. Это ты сделал ее грустной?

— Не знаю, Уинни. — Тони чувствовал себя так, словно должен был рассердиться, только не знал на кого. — Может, и я.

— Я считаю, это какой-то не слишком взрослый поступок. Мне вообще Джослин не очень-то нравится. — Уинн посмотрела на него, проверяя, не слишком ли далеко зашла. — И с чего бы ей грустить? Она тебя видит чаще, чем я. А я вот не плачу.

Кейдж обнял ее и решил сегодня с Джослин не встречаться.

— Ты хорошая девочка, Уинн. Я тебя люблю.

Множество людей стараются разделить работу и повседневность. До появления Уинн Тони всегда чувствовал себя одиноким, с кем бы ни проводил время. Он ненавидел пустоту, угнездившуюся в его личной жизни; женщины на разок, вроде Джослин, только подпитывали это чувство. Кейдж ходил на работу, чтобы спрятаться от вакуума, и потому добился такого успеха. Но Уинн росла, и все изменилось. Постепенно ему пришлось создать для нее пространство в собственной душе, пока она не заполнила Тони целиком.

Уильям Стьюкли принадлежал к благородной традиции английских чудаков. С 1719 по 1724 годы этот впечатлительный молодой антиквар проводил лета, исследуя Стоунхендж. Его скрупулезную работу никто не мог превзойти до самых викторианских времен. Стьюкли точно подсчитал расстояния между камнями, исследовал окружающую область и выяснил, что круг является частью огромного неолитического комплекса. Он первым указал на ориентацию оси Стоунхенджа на летнее солнцестояние, вот только не публиковал свои записи еще десять лет. В это время Стьюкли принял сан, женился, переехал из Лондона в сельский Линкольншир, а также понял, что он — друид.

Из своего достаточно странного прочтения Библии, Плиния и Тацита Стьюкли сделал вывод, что друиды — это прямые потомки библейского Авраама, которого подкинули до Англии финикийские купцы. Хотя в его книге и содержался прекрасный отчет о полевой работе, проведенной вокруг Стоунхенджа, полемический задор автора вылился на обложку труда, где исследователь был представлен в образе Чиндонакса, принца

друидов, а сама работа носила подзаголовок «Хронологическая история происхождения и развития истинной религии и идолопоклонства». Стьюкли в красках изобразил древних мудрецов, практикующих полностью естественную религию, современным эквивалентом которой (к доказательству чего автор приложил немало усилий) являлась его собственная возлюбленная англиканская церковь! Друиды построили Стоунхендж как храм своему богу-змею. Хотя Стьюкли верил, что часть ритуалов, проводимых здесь, включала человеческие жертвоприношения, он с легкостью прощал духовным предкам их излишества. Возможно, они просто неправильно последовали примеру Авраама.

Спустя сто лет друидическая фантазия Стьюкли просочилась не только в «Британскую энциклопедию», но и в народное воображение. В 1857 году между Лондоном и Солсбери провели железнодорожную ветку, и викторианцы повалили сюда толпами. Для кого-то Стоунхендж являлся прекрасным доказательством прошлого и настоящего величия Британии; для других он стал мрачным символом языческих вольностей со вспоротыми девственницами. Примерно в это же время день летнего солнцестояния превратился в праздник. Пабы в располагавшемся поблизости городке Эймсбери оставались открытыми ночь напролет. Если погода выдавалась хорошей, то к Стоунхенджу собирались, нетвердо стоя на ногах, тысячи людей. Толпа эта была не слишком почтительной. Они били бутылки о голубоватый песчаник, забирались на эоловые столбы и танцевали в лучах заката солнцестояния. Сонный покой уилтширской равнины нарушался грубым смехом и треском двигателей.

Кейджу Тод Шлерманн никогда не нравился. Пока Тони спал в капсуле, тот стал любовником Уинн, но художник убеждал себя, что сей факт не имеет никакого отношения к его антипатии. Еще парень убедил Уинн уехать с ним в Англию, и это тоже не имело значения. Его отец служил врачом в ВВС, и Тод изрядно поездил по миру за двадцать четыре года своей жизни: родился на Филиппинах, детство и юность провел на базах в Германии, Флориде и Колорадо. Его исключили за неуспеваемость из Военно-воздушной академии, и за прошедшее время он посещал лекции еще в нескольких колледжах, но нигде не достиг ровным счетом ничего значительного, приобретя только стойкое отвращение к ранним подъемам.

Тод был тощим, но красивым парнем в самом прямом смысле этого слова, который неплохо смотрелся в облегающих, ярких

шмотках, вошедших в моду. Кожа его лица скрывала изящную костную структуру Мадонны эпохи Возрождения. Чтобы поступить в Академию, ему надо было исправить небольшие проблемы со слухом и поставить кохлеарные имплантаты. Он же сказал хирургам отрезать себе уши. Тод тщательно брил все тело, оставляя только щетку черных волос на голове, и, как Уинн, сделал себе светло-голубоватый оттенок кожи, отчего при определенном освещении напоминал труп.

Они встретились в наркоклубе. Она принимала «полет» у светового стола, когда он подсел к ней. Кейдж так и не понял, что же Шлерманн там делал. Он редко употреблял психотропные вещества и, похоже, с неодобрением относился к тем, кто «торчал» регулярно, хотя и старался этого не показывать. Прекрасный кандидат для Лиги воздержания от наркотиков. Было в нем что-то пуританское, отдалявшее Тода от своего невоздержанного поколения. За годы скитаний по колледжам он много читал на самые разные темы, но знания его были бессистемными и неглубокими. Как и многие самоучки, Шлерманн с подозрением относился к специалистам и, обладая врожденным умом, из-за высокомерия нередко выставлял себя полным идиотом.

— И как вы собираетесь зарабатывать на жизнь? — спросил его Кейдж за ужином. До их отлета из Ирландии оставалась всего ночь.

Тод поболтал «Премьер-крю-шабли» в уотерфордовском хрустальном бокале и улыбнулся:

— Деньги становятся проблемой только тогда, когда много о них думаешь, чувак.

— Тони, может, хватит беспокоиться о нас? Пожалуйста, передай телятину, — сказала Уинн. — Все будет в порядке. — Последовала пауза, пока Тод накладывал еду и отдавал блюдо девушке. — В конце концов, у нас есть мои деньги.

Парень измазал подбородок в соусе.

— Мне не нужны твои деньги, Уинн.

Кейдж знал, что это в его интересах. На пособия Уинн легко мог прожить лондонский адвокат с офисом в Мейфэйре, и Тони очень не хотел, чтобы она тратила эти средства на Шлерманна.

— Почему ты думаешь, что сможешь научиться программировать на видеосинтезаторе? Люди для этого в школу ходят, знаешь ли.

— В школу, да. — Тод и Уинн обменялись взглядами. — Понимаешь, проблема в том, что когда учителя покончат с тобой, то начисто размажут всю твою креативность. Поговори с милыми хорошенькими отличниками, которые сейчас вкалывают в

крупных компаниях, и увидишь, что они позабыли, зачем вообще стали художниками. Они знают только, как перерабатывать из раза в раз тухлое устаревшее дерьмо, которое выучили в школе. Да любой видит! Стоит посмотреть пару роликов по телесети. Это всё новости вчерашнего дня, друг.

— Тод много времени тратит на учебу. И у него уже есть опыт, — сказала Уинн. — К тому же научиться программировать сейчас не так сложно, как раньше. Они делают все, чтобы интерфейс стал более доступным.

— Они? Ты имеешь в виду протухших от старости корпоративных зубрил?

— Тони. — Уинн встала из-за стола.

— Нет, — встрял Шлерманн, — он прав. — Она тут же села. Кейджа страшно раздражало, насколько легко Уинн подчиняется Тоду. — Послушай, друг. Я не говорю, что все, чему учат в школе, плохо. Достаточно взглянуть на тебя. В смысле — ты бы никогда не изобрел «полет» или что-нибудь еще, если бы не отзубрил свое. Я отдаю тебе должное, что ты вышел из всего этого цельным. Твоя работа — просто блеск. Я знаю художников, которые даже подумать не могут о проекте, не заправившись парой миллилитров «фокуса». Но в этом весь прикол, друг. Важно искусство, а не технология.

— Мы сейчас говорим о компьютерных видеосинтезаторах, Тод. — Кейдж положил вилку на тарелку. От разговора у него исчез аппетит. — А так сложилось, что мне кое-что известно о них. На меня программисты работают, помнишь? И это сложные машины. И дорогие в использовании. Как ты планируешь купить себе необходимое время доступа?

Теперь за столом ел только Тод.

— Есть способы, — ответил он, не прекращая жевать. — Маленькие магазины открыты для хакеров ночью. Можно прийти в три часа и работать до пяти. Дешево.

— Даже если у тебя получится сделать что-нибудь достойное, нужно еще это распространить. Мультинациональные корпорации вроде «Вестерн Эмьюзмента» даже не притронутся к работе фрилансера.

Тод пожал плечами.

— Что с того? Начну с самого дна. Потому мы и едем в Англию. В британской телесети осталась куча свободных слотов. А как только люди увидят мой материал, все остальное будет просто, я уверен.

Уинн вылила испаряющийся стимулятор «Блаженство» в бокал для бренди, глубоко вдохнула дозу и передала его по кругу. Тод нюхнул быстро и явно неохотно; предложил Кейджу. Вошла

официантка с десертом, и тут Тони понял, что сказать ему нечего. Было совершенно ясно, что у Шлерманна нет силы воли для борьбы с неминуемыми препятствиями. Уже через шесть месяцев все изменится. Тод станет винить Уинн или Кейджа — кого-то другого! — за свой провал и продолжит влачить бессмысленную жизнь уже без них, пребывая в безопасном заблуждении, что он — гений, попавший в мир идиотов. Это казалось очевидным.

По Уинн, его прекрасная Уинн, сейчас улыбалась Шлерманну так, словно стала свидетельницей второго пришествия Леонардо. И этот сукин сын намеревался забрать ее с собой.

Сэр Эдмунд Антробус, баронет, владевший Стоунхенджем, умер без наследника в 1915 году. Из-за доступа к памятнику он годами препирался с Церковью Всеобщего Скрепления, которая объединяла современных друидов, чья вера основывалась, с одной стороны, на принятии желаемого за действительное, а с другой — на плохом образовании. Главный друид объявил, что сэра Эдмунда поразило друидическое проклятие, от чего тот и погиб. Через несколько месяцев поместье выставили на продажу. Мистер Сесил Чабб приобрел Стоунхендж на аукционе за 6600 фунтов. Позже он говорил, что совершил покупку под влиянием порыва, а еще три года спустя предложил столь неожиданно обретенную собственность государству, и Ллойд Джордж произвел его в рыцари за щедрость.

Для осторожных правительственных бюрократов Стоунхендж представлял только потенциальную катастрофу. Несколько накренившихся камней были готовы рухнуть, шатающиеся архитравы нуждались в починке. Правительство обратилось за помощью в Общество Антикваров. То ухватилось за возможность превратить реставрацию в грандиозные — а на поверку оказавшиеся гибельными — раскопки на территории всего памятника. Правда, поступление денег от государства прекратилось, как только камни были выправлены, но Общество годами пыталось финансировать исследования самостоятельно. Довольно часто полковнику Уильяму Хоули приходилось работать одному и жить в продуваемой насквозь хижине прямо на месте. В 1926 году проект, к счастью, приостановили, а Общество практически ничего не добилось, только испортило археологический материал да выставило себя на посмешище. Как говорил растерянный Хоули в интервью «Таймсу»: «Кажется, чем больше мы копаем, тем сильнее углубляется тайна».

Как и множество людей до него, Кейдж не выбирал карьеру; он стал наркохудожником случайно. Когда он поступил в

Корнелл, то собирался заниматься генной инженерией. В то время Боггс как раз создавал вирусы, способные изменять хромосомы в уже существующих клетках. Квабена опубликовал новаторскую работу о реконструкции водорослей для человеческого потребления. Казалось, чуть ли не каждый месяц еще один генетик выступал с докладом и рассказывал о чуде, которое изменит мир. Кейдж тоже желал творить чудеса. Тогда идеализм не выглядел глупо.

К сожалению, в то время каждый умный ребенок в стране хотел заниматься генной инженерией. Конкуренция в Корнелле была жесточайшей. Кейдж стал делать наркотики на втором курсе, чтобы справиться с программой. Начал с малых доз метразина; говорили, тот вызывает только психологическое привыкание. Кейдж же воображал себя круче любой дури и не уделял внимания рекреационным веществам. Не было времени. Иногда пробовал тетрагидроканнабинол — и в виде марихуаны, и в составе новых шведских аэрозолей. Как-то на весенних каникулах девушка, с которой Тони встречался, дала ему мескалин. Сказала, что после этого к нему придет озарение. Так и случилось — Кейдж бросил ее, осознав, что напрасно тратит свое время.

Спустя три семестра все пошло наперекосяк. К тому времени он сидел на метамфетаминах, иногда употребляя за раз больше восьмидесяти миллиграммов. Кайф от них напоминал оргазм, охватывающий все тело: естественно, учиться после такого было трудновато. Научный руководитель посоветовал ему бросить программу, когда Кейдж получил «удовлетворительно» по генетической химии. Тони сжигал мозговые клетки и терял вес, уже давно не понимая, как ему дальше жить. Знал только, что надо пройти очистку и начать все заново.

Он записался на курс психофармакологии из какой-то параноидальной прихоти. Учиться чему-то надо было, так почему бы не узнать побольше о веществах, которые активно разрушали его собственное тело? Так Кейдж встретил Бобби Белотти, хорошего наставника, а вскоре и верного друга. Тот помог ему слезть с наркоты, получить самую простую степень по биологии и надоумил подать документы в аспирантуру. Большую часть идеализма Тони выжгло начисто в те семестры амфетаминового психоза. Может, потому он легко убедил себя в том, что создание новых наркотиков — занятие благородное, сродни поиску лекарства от гемофилии.

Кейдж защитил диссертацию на тему влияния индольных галлюциногенов на серотонинергические и дофаминергические рецепторы. Ранее считали, что индольные галлюциногены вроде

ЛСД или диметилтриптамина подавляют выработку серотонина. Неудивительно, ведь их химические структуры были чрезвычайно похожи. Работа Тони показала, что галлюциногены этого вида влияют также на производство дофамина, а большинство зафиксированных эффектов являются результатами взаимодействия этих нейрорегуляторов. Он знал, что диссертация не была новаторской или блестящей: основы исследования заложили задолго до него. Но к тому времени Кейдж невероятно устал от затянувшегося студенческого статуса, и в тексте это прекрасно отразилось.

Тони получил степень в разгар краткого и бесславного правления Первой американской партии, кучки либертарианских фанатиков, явно желавших разрушить правительство Соединенных Штатов. Закрытие Управления по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств дало искру, в результате которой разразилась целая революция в области применения рекреационных наркотиков. Кейдж все еще размышлял, нужна ли ему докторская, когда позвонил Белотти и сообщил, что уходит из Корнелла. «Вестерн Эмьюзмент» набирала людей для исследовательской программы отдела по разработке новых психотропных наркотиков. Беллотти собирался к ним и спросил Кейджа, не хочет ли тот присоединиться. Естественно, Тони не отказался.

Команде Беллотти поручили разработать препарат для бизнесменов. Быстрый и грязный: растворимый в жирах, чтобы вещество добиралось до мозга и действовало буквально через несколько минут после приема. Также оно должно было быстро метаболизироваться, а психотропный эффект — исчезать через час или два. Без иголок, максимальная переносимость. Никаких пришествий Господа или невероятных длительных оргазмов, всего лишь небольшое психическое искажение, милые картинки, и пусть клиенты улыбаются.

Так как Кейдж уже работал с индольными галлюциногенами, то Беллотти дал ему почти полную свободу. Несколько месяцев прошли впустую, и Тони решил переключиться на искусственную разновидность триптамина. Она вроде бы вполне подходила по требованиям, а тесты на животных не выявили какого-либо значительного психотропного эффекта. Кейдж волновался, не было ли его воздействие слишком тонким. Вещество могло оказаться сколь угодно безопасным, но если после приема клиент оставался трезв, как баптистский бухгалтер, то никакого толка от него не было. Тем не менее Тони сумел убедить Белотти дать разрешение на микроионофорезные тесты с крысами.

Бобби был невероятно неряшливым человеком. Его кудрявые

волосы не выносили расчесок. Он вечно заправлял рубашку, но из-за живота та всегда вылезала. На докладных записках и отчетах, слоями лежавших на его столе, красовались круги от кофейных кружек; пыль собиралась в укромных уголках компьютера. Несмотря на все свои способности, он был из тех работников, которых руководство предпочитает прятать подальше от внешнего мира.

— Посмотри! — Кейдж ворвался в кабинет друга и обрушил десятисантиметровую пачку распечаток на стол. — Результаты по ДМТ-производной. Вещество подавляет чуть ли не всю серотонергическую систему.

Белотти снял очки и потер глаза тыльной стороной ладони.

— Прекрасно! А у тебя есть эффект, который можно продемонстрировать?

— Нет, но цифры говорят, что он должен быть. Оно, скорее всего, играет роль какого-то катализатора.

Бобби вздохнул и принялся ворошить бумаги на столе.

— Головному офису сильно не терпится что-нибудь продать, Тони. И сейчас я не вижу в твоем препарате потенциала. А ты?

— Пару недель, Бобби. Я почти добрался до ответа, я чувствую это.

Белотти нашел приказ и передал его Кейджу.

— Передохни, Тони. Давай сделаем что-нибудь забористое на продажу, а потом ты сможешь попытаться снова.

Приказ переводил Кейджа под прямое руководство Белотти.

Они поругались. Тони никогда не умел спорить, к тому же взрывался по малейшему поводу. Бобби же был слишком спокойным и чертовски понимающим. К тому же Кейдж приходил в ярость еще больше, понимая, скольким обязан другу, но никогда себе в этом не признавался. Он снова почувствовал себя недалеким студентом, которого опять наставляет на путь истинный добрый профессор.

Кипя от злости, Кейдж принес ненавистный приказ к себе на рабочее место, вырубил компьютер и уставился в пустой экран. Настроение у него было боевое, хотелось выкинуть какой-нибудь совершенно безумный трюк. Идея родилась из злости, пришла словно из какого-то фильма про сумасшедшего ученого. Он набрал десять миллиграммов препарата и отправился домой опробовать его на себе.

Через полчаса после приема Тони лежал на диване и ждал хотя бы малейшего эффекта. Чувствовал он себя тревожно, как будто недавно закинулся легкими «спидами». Пульс участился, выступил обильный пот. Из тестов Кейдж знал, что наркотик уже проник в мозг, но ничего не чувствовал — даже гнев исчез. В

конце концов Тони выбрался из кровати, зажег свет и отправился на кухню перекусить. Там он устроился перед телесетью с бутербродом в руке и включил монитор. Новости. Сменить канал. Клик. Клик.

Нет сигнала. Только визуальная статика. Как оказалось, именно она запускала психотропный эффект препарата. Сэндвич Тони так и не съел.

Вместо этого, весь следующий час он провел пристально смотря в экран, где случайно загорались красные, синие и зеленые вспышки. Только для Кейджа они не были случайными. Он видел узоры, структуры невероятной красоты: колеса пламени, янтарные волны пшеницы, ангелов, танцующих на конце иглы, лица демонов. Чувствовал себя так, будто сам превратился в узор. Освободился от тела и взмыл в экран, играя среди прекрасных огней.

А потом все кончилось, отходняк был плавным и чистым. Прошло полтора часа с момента приема вещества, пик длился около сорока пяти минут. Идеальное сочетание. Со сложным световым шоу в качестве катализатора препарат Кейджа имел потенциал стать самым популярным наркотиком после алкоголя. И принадлежал он только Тони. И больше никому.

В конце концов Белотти сам вышел из игры, приказав остановить опыты. Кейдж взял на себя риск, поставил под удар тело и разум. Дружба дружбой, но Тони понимал: если разыграть неожиданно свалившуюся карту правильно, то можно очень круто изменить свою жизнь. А потому он сделал все так, чтобы руководство услышало об эффекте нового препарата непосредственно от него, и, более того, сообщил, что Белотти хотел затормозить важные исследования. Может, сотрудники и стали презирать Кейджа за то, что тот поднялся по карьерной лестнице, наступив на голову друга, но Тони было на это плевать. Наверху втайне обрадовались: новый изобретатель выглядел гораздо презентабельнее Белотти. Вскоре его поставили во главе группы, а потом и всей лаборатории.

Кейдж ожидал, что Бобби уволится, вернется обратно в Корнелл, но тот решил поступить иначе. Возможно, так он надеялся отомстить — каждый день приходя на работу и выпивая кофе с человеком, который его предал. Только Тони отказался мучиться угрызениям совести, стал избегать бывшего учителя, а потом похоронил на малом проекте без особых шансов на успех.

Препарату дали название «Полет», и корпорация развернула бешеную рекламную кампанию, намереваясь выбить из рынка все. Агенты из пиар-отдела превратили Кейджа в знаменитость еще до того, как он понял, что происходит. Журналисты не оставляли его

в покое. На новостных порталах появилась облагороженная биография: блестящий молодой исследователь, дерзкий прорыв, первый шаг к невероятному путешествию вглубь психики, — поначалу Кейджа все это даже удивляло.

Когда он добирался до лаборатории, то все время проводил изобретая механизмы для запуска психотропного эффекта «полета». Одним из самых популярных стал световой столик, считывающий параметры энцефалограммы клиента и преобразовывающий их в компьютерные оптические эффекты высокого разрешения. На таких устройствах «Вестерн Эмьюзмент» заработала примерно столько же, сколько на самом «полете». Лаборатория Кейджа превратилась в машину, добывающую миллионы. Чтобы корпоративные охотники за головами не переманили его на чужую сторону, руководство дало Тони долю с прибыли. Вскоре он стал одним из самых богатых молодых людей в мире.

Процедура приема рекреационных наркотиков складывалась из трех компонентов: самого препарата, умственного состояния потребителя и окружающей среды, в которой проводился прием. Ее Кейдж любил называть «обрамлением». С годами он все меньше времени проводил непосредственно за разработкой химикатов. Аспиранты, приходившие прямо из университета, были более квалифицированными исследователями, чем он, а Тони все больше интересовался концептуальным дизайном. Особенно он любил выдумывать новые «обрамления»: шлем сенсорной депривации, альфа-стробоскоп… Пиарщики выжали максимум из его новых увлечений. Он больше не был психофармакологом, но стал с всеобщего благословения первым на планете наркохудожником.

Тем не менее настоящая причина, по которой Кейджу пришлось завязать с разработкой новых препаратов, не имела ничего общего с творческим призванием. Он был типичным наркоманом и просто любил кайфовать. За годы излишеств некоторые по-настоящему жуткие психотропы запустили когти в синапсы Тони, и, хотя он сумел очиститься, руководство все равно нервничало. Они превратили Кейджа в корпоративный символ и не могли допустить провала.

Он не особо удивился, когда увидел, что его склонность к наркотикам передалась Уинн. Та принимала вещества уже в девять лет. В одиннадцать он позволил ей попробовать несколько психотропов из основной группы. Впрочем, едва ли могло быть иначе, коли Уинн стала частью его жизни. По работе ему полагался личный бар, ассортименту которого позавидовал бы любой наркоклуб. А в лаборатории разрабатывали жевательную

резинку с каннабинолом для самых маленьких. Несмотря на проповеди Лиги воздержания, не Кейдж создал наркокультуру, а она — его. Дети по всему миру кайфовали, достигая новых высот прихода. И все равно страсть Уинн к наркотикам очень его беспокоила.

Кейдж старался следить за тем, чтобы она не пристрастилась к одному препарату и постоянно менял их. К примеру, как только начиналось привыкание к галлюциногенам, он давал всей семье отпуск и переводил Уинн на опиаты. Она не была под кайфом постоянно. Могла уйти в загул на несколько часов или дней, а потом сидеть в завязке неделями. Но Кейдж все равно беспокоился. Иногда она срывалась и принимала невероятно большие дозы.

Однажды летом, за год до встречи с Тодом, они вылетели из Штатов в аэропорт Да Винчи и зарегистрировалась в «Хилтоне». Хотя рейс был суборбитальный, биологические часы с трудом привыкали к смене поясов. Тони на следующий день назначил деловую встречу в Риме, а потому ему срочно надо было войти в ритм. Уинн позвонила в службу горничных и заказала два клубничных шейка с пласидексом. Кейдж лежал на кровати, от действия препарата ему казалось, что он растворяется в матрасе. Девушка сидела в кресле с подогревом и равнодушно перещелкивала каналы телесети. Наконец она все выключила и внезапно спросила Тони, не считает ли он, что принимает слишком много наркотиков.

Кейдж почти задремал, но неожиданно насторожился — настолько, насколько вообще возможно насторожиться под пласидексом.

— Конечно, я часто об этом думаю. Прямо сейчас, мне кажется, все в порядке. Хотя раньше у меня были очень серьезные проблемы.

Она кивнула.

— А как ты это понял?

— Когда ты перестаешь беспокоиться, совсем, — значит, у тебя проблемы.

Уинн обняла себя руками, словно замерзла.

— Мудро, ничего не скажешь. Значит, ты в безопасности, только когда беспокоишься?

— Или когда чист.

— Ой, ну не надо! Как долго ты ничего не принимал? За последнее время.

— Шесть месяцев. Пока спал в капсуле.

Они оба засмеялись.

— Коли тебе вдруг стало интересно, — сказал Тони, — то

позволь спросить. А ты не слишком много принимаешь?

Она задумалась, словно вопрос ее удивил, но потом ответила:

— Не. Я молодая. Я справлюсь.

Кейдж рассказал ей о том, как подсел на амфетамины в Корнелле, но история ее, похоже, не впечатлила.

— Но ты же поборол зависимость. А значит, все не могло быть настолько плохо.

— Может, ты и права, — согласился он. — Впрочем, я считаю, тогда мне просто сильно повезло. Еще пара месяцев — и я бы просто не смог слезть и очиститься.

— А мне нравиться балдеть. Но мне и другие вещи нравятся.

— Например?

— Как будто ты не знаешь. Секс, например. — Она потянулась. — Космос, невесомость. Посидеть с книгой, поиграть, посмотреть видео. Тратить твои деньги. — Уинн зевнула, произнося слова все медленнее. — Спать.

— Тогда иди в кровать, — сказал Тони. — А то из-за тебя мы заснуть не можем.

Она дотронулась до пряжки на плече, и халат, шурша, размотался, упав кучей ткани на пол. Уинн легла рядом с Тони. Кожа ее была прохладной на ощупь.

— А кто изобрел пласидекс? — спросила она, сворачиваясь калачиком. Кейдж чувствовал спиной гладкость ее живота. — Парень явно знал, что делает.

— Парень совершенно не знал, что делает. — Тони хотел особо подчеркнуть важность сказанного, но вместо этого рассмеялся из-за действия препарата. Хотя ситуация и была забавной на свой жуткий лад. — Он однажды принял большую дозу и заснул в термальном кресле. Перегрузил таймер и спекся насмерть.

— Он умер счастливым. — Уинн похлопала его по бедру и повернулась на другой бок. — Приятных снов.

В 1965 году астроном Джеральд Хокинс опубликовал книгу с нескромным заголовком «Расшифрованный Стоунхендж». Исследователи до него всегда искали подтверждение своих теорий за пределами памятника. Одни опирались на Библию и церковную традицию, другие — на римские развалины и великих историков Античности. Как и все его предшественники, Хокинс прибег к помощи авторитетов своего времени для доказательства выдвинутой им гипотезы. С помощью математического анализа на гарвардо-смитсоновском компьютере IBM 7090 сопоставив положения солнца, луны и камней Стоунхенджа, астроном пришел к заключению, которое поразило весь мир. Стоунхендж

был древней обсерваторией. Более того, Хокинс утверждал, что его также могли использовать как «неолитический компьютер» для предсказания лунных затмений.

Эта теория завладела воображением масс отчасти из-за недоуменных и многочисленных статей в старых печатных газетах. От такого чуда журналисты просто растерялись: ученые каменного века построили компьютер из валунов песчаника, который смог «дешифровать» только современный электронный мозг. Стоунхенджу-обсерватории посвятили специальную передачу на одном из каналов дотелесетевой эпохи. Особенно часто подчеркивали то, что Хокинс использовал для исследования компьютеры, хотя все расчеты, проведенные им, можно было легко сделать вручную. И в конечном итоге астроном доказал нечто совершенно отличное от того, что хотел доказать. Компьютерный анализ продемонстрировал, что лунки Обри, кольцо из пятидесяти шести ям, расположенных через равные промежутки, могли использоваться для предсказания затмений. Но он не сумел подтвердить, что у строителей Стоунхенджа действительно был такой замысел. Другие исследователи стали выдвигать новые интерпретации, и в результате появилось огромное количество различных астрономических теорий со сходной аргументацией. Вскоре проблему признали все: Стоунхенджу придавалось слишком много астрономической значимости. Он стал зеркалом, в котором любой теоретик видел отражение своих идей.

Кейдж не сразу поехал за Тодом и Уинн в Англию. Вместо этого он улетел в Штаты проверить, как шли дела в «Вестерн Эмьюзменте» во время его криогенных каникул. Тони уже давно не числился в штате компании и, как независимый подрядчик, был сам себе корпорацией. И все же в лаборатории, которую он сделал знаменитой, для него не существовало закрытых дверей или секретов. Сейчас все обсуждали одну новость: за шесть месяцев, которые Тони провел в капсуле, Бобби Белотти добился результатов в проекте «Участие».

Кейдж запустил его много лет назад, когда работал в компании на полной ставке. Он размышлял о том, каким образом социальное окружение может увеличить эффект от использования рекреационных наркотиков. Большинство потребителей не любили закидываться в одиночку и принимали наркотики в компании таких же, как они, — в наркоклубах, на частных вечеринках, перед сексом, едой или же на танцполах свободного падения в космической невесомости. Социализация усиливала удовольствие; так почему не попытаться изобрести средство, с

помощью которого пользователи смогли бы делиться между собой сходным опытом? Причем не только помещая их в идентичное обрамление, но и синхронизируя эффект на синаптическом уровне прямой стимуляцией сенсорной зоны коры головного мозга. Создавая нечто вроде искусственной телепатии.

Корпоративное начальство было настроено скептически. Одно упоминание о телепатии придавало всему проекту душок псевдонаучности. К тому же затея показалась дорогостоящей. В то время Кейдж полагал, что эффекта можно добиться электрохимическим способом, взаимодействием электрической стимуляции мозга с психотропными наркотиками. Для этого какую-то часть оборудования необходимо было внедрить непосредственно клиенту, но маркетинговые исследования показали, что большинство покупателей боится черепных шунтов. Они называли это «зомби-фактором».

Тем не менее Кейдж не отступился. Он убедил руководство в том, что результатом проекта «Участие» мог стать сильный афродизиак. Цена не имела значения, если бы на выходе получилось средство для идеального эротического опыта. Как сказал Тони, продавцы любовных эликсиров еще никогда не разорялись, а потому ему позволили провести исследование, возможно ли в принципе осуществить нечто подобное.

Пришлось подделать результаты; проект мог стать высокодоходным, но для этого нужно было провести немало фундаментальных изысканий. Те уже велись — если не в «Вестерн Эмьюзменте», то где-нибудь еще. В конце концов Кейдж продал руководству крохотную, но потенциально успешную возможность. Прекрасную могилу для Белотти. Дополнительную ставку с большим риском.

И теперь, годы спустя, Бобби добился многообещающих результатов. Он позаимствовал наркотик, производный от диаминопропионовой кислоты, который вывели невропатологи, изучающие расстройства речи. Он вызывал эйфорическую аномию, разрушающую процесс ассоциации визуальных сигналов со словами. Принявшие это вещество испытывали большие затруднения, когда пытались назвать то, что видели. Существительные, обозначающие абстрактные понятия, и имена собственные под воздействием этого препарата превращались и вовсе в неразрешимую проблему. Тяжесть аномии зависела не только от дозировки, но и от окружения подопытного. Например, пациенту показывали одну розу на длинном стебле — и он не мог произнести слово «цветок» или «роза», хотя поддерживал вполне внятный разговор о садоводстве; но стоило привести его в оранжерею — и испытуемый мог вообще потерять дар речи. Тем

не менее если он брал розу в руки, чувствовал ее запах или слышал слово «роза», то мог связать понятия и объекты воедино. В этот момент узнавания нейроны начинали качать энкефалин как сумасшедшие и мозг тонул в экстазе.

— Проблема в том, — объяснял Белотти Кейджу, — что нет способа точно предсказать, какие слова потеряются после приема. Слишком велики индивидуальные различия. К примеру, я не смогу сказать «роза», а ты сможешь. В этом случае у меня случится приход, а у тебя нет. Взаимного эффекта можно добиться, если забыть одно и то же понятие и получить одинаковую подсказку.

— Судя по описанию, эта штука секс не заменит, — засмеялся Кейдж.

Белотти поморщился. Он совсем не изменился. Остатки редеющих волос по-прежнему нуждались в расческе. Под морщинистой кожей проступала сетка вен. Бобби казался очень старым. Пустым. Кейдж неожиданно понял, что ему трудно даже вспомнить то время, когда они были друзьями.

— Да, разделенный секс — это интересно. — Похоже, Белотти повторял уже не раз произнесенные оправдания. — Но большого эффекта не получишь, если просто скажешь кому-то, что он испытывает оргазм. Это тактильное ощущение, в нем крайне мало отдано на откуп визуальному сигналу. Хотя степень удовольствия, несомненно, повысится, так как энкефалин подавляет болевые импульсы. Но ты учти — мы сейчас говорим о маленьких дозах. Примешь слишком много, и можно легко улететь. Наступают галлюцинации. Они непредсказуемы — опасны.

— А можно блокировать эффект?

— Пока лучшими антагонистами оказались нейролептики, но они очень медленно действуют. — Белотти пожал плечами. — Тесты еще не закончены. Я точно не знаю, что там сейчас творится. Меня сняли с проекта. Я десять лет провел действуя по твоим инструкциям, а теперь гоняю компьютерные модели. Абсолютно бесполезная работа.

Кейдж совсем забыл про Бобби и теперь неожиданно пожалел старика.

— А как бы ты использовал препарат?

— Это не мое дело, я уже говорил. Маркетологи найдут, кому можно продать наркотик, уверен. Думаю, они слегка разочарованы, что в результате получился не афродизиак, который ты им обещал.

— Ты проделал замечательную работу, Бобби. И не надо извиняться. Но я поверить не могу, что ты столько работал над

этим проектом, столько усилий потратил и ни разу не подумал о коммерческих возможностях препарата.

— Ну, если мы сумеем контролировать то, какие именно слова забудут потребители, то сможем использовать гидов для обеспечения необходимых подсказок. — Белотти почесал в затылке. — Какой-нибудь гипнотик подмешаем, чтобы их слова еще больше воздействовали на психику клиентов. Препарат можно использовать, например, в художественных школах. Или музеи станут его продавать в комплекте с аудиоэкскурсиями.

Прекрасно. Дурь для музеев. Кейдж сразу представил рекламу. Прекрасная девушка с обнаженной грудью говорит своему приятелю: «Эй, а давай прошвырнемся в Национальную галерею и словим там кайф?» Неудивительно, что у Белотти забрали проект.

— А зачем такие сложности? Судя по твоим словам, можно просто посадить двух человек за кухонный стол, и пусть они обмениваются словами.

— Но слова… Это не так просто. Мы же тут не о поверхностных фантазиях говорим. Речь идет о прочно усвоенных психикой символах, которые становятся катализаторами комплексных ментальных состояний. Мы говорим об эмоциях, памяти…

— Конечно, Бобби. Послушай, я поговорю с главным офисом. Посмотрим. Может, найду тебе новый проект, наберешь свою собственную команду…

— Не беспокойся. — Бобби смерил Кейджа неожиданно холодным взглядом. — Мне предложили пораньше выйти на пенсию, и я думаю, что соглашусь. Мне уже шестьдесят один год, Тони. А тебе?

— Извини, Бобби. Я считаю, ты сотворил чудо, доведя «Участие» до таких интересных результатов. — Кейдж улыбнулся Белотти так, словно только что подписал удачный контракт. — А где мне достать образцы твоего препарата?

Старик кивнул, будто ждал этой просьбы.

— Все не можешь удержаться и не попробовать продукт? Сейчас его держат под надежным замком. Пока не поймут, что же получили.

— Я — особый случай, Бобби. Уж тебе-то следует знать. Ко мне некоторые правила не применяются.

Белотти засомневался. Он выглядел так, словно пытался решить какое-то неимоверно сложное уравнение.

— Ну давай, Бобби. Для давнего друга.

С ядовитой улыбкой старик приложил палец к сканеру отпечатков, открывая рабочий стол, вытащил из верхнего ящика

зеленую бутылочку и кинул ее Кейджу.

— По одной за раз, ясно? И я тебе ничего не давал.

Тони откупорил крышку. Шесть пилюль: желтый порошок в прозрачной упаковке. На секунду его охватили подозрения: уж слишком легко Белотти нарушил правила компании. Но Тони давно составил мнение об этом человеке и просто не мог волноваться из-за того, кого столь мало уважал. Он даже попытался представить, каково быть таким, как бедняга Белотти: заурядным, старым, с неудавшейся карьерой, разочарованным и усталым. Чем вообще живут эти люди? Кейдж вздрогнул и отогнал фантазию прочь, пряча пузырек в карман.

— А который нынче час, кстати? Я сказал Шоу, что встречусь с ним за ланчем.

Прикоснувшись к виску, Белотти затемнил стёкла очков.

— Знаешь, а я ведь тебя ненавидел. А потом понял: ты даже не понимаешь, что делаешь. Это все равно что винить кошку за убийство мыши. Ты же никого не видишь, Тони. Уверен, ты даже себя не видишь. — Он отключил терминал. — Я иду домой. Я пришел-то сюда только потому, что ты хотел со мной встретиться.

Решив не искушать судьбу, Кейдж провел анализ одного из образцов Белотти: тот оказался чистым. Опасаясь дальнейших ссор, Тони уехал. Его ждали юристы в Вашингтоне и бухгалтеры в Нью-Йорке. Он произнес речь на ежегодном собрании Американской психофармакологической ассоциации в Хилтон-Хеде, Южная Каролина, и дал около полудюжины телесетевых интервью. Встретил симпатичную японку, и они договорились провести вместе уикенд на орбите в Третьей обитаемой зоне. Потом полетели в Осаку, а там Кейдж выяснил, что она — корпоративный шпион, работающий на «Юнико». Прошло почти два месяца. По его расчетам, Тод уже должен был облажаться, Уинн — признать, что связалась с прирожденным неудачником, а их нелепые отношения — рухнуть под собственным весом. Кейдж сел на суборбитальный рейс до Хитроу. Он был уверен в своей правоте.

Его ждал крайне неприятный сюрприз: Тоду Шлерманну повезло.

Видео «Сожженный Лондон» длилось всего пять минут. Оно начиналось с кадра пусковой шахты. Отсчет. Запуск. Город под атакой с воздуха. Никаких ракет только огромные обнаженные Уинн падали на Лондон, оставляя за собой радужный след. Они взрывались не пламенем, а зеленью, окутывая целые кварталы деревьями и кустарниками. Скоро весь город зарастал, исчезая под лесным покровом. Камера давала крупный план росчисти, где играла группа «Флог», обеспечивая видеоряду психоделический

саундтрек. Темп нарастал, музыканты с каждой секундой играли быстрее, пока их инструменты не загорались и пламя не принималось пожирать все вокруг. Финальный кадр: панорама равнины, покрытой пеплом и обугленными пеньками. На вкус Тони, ролик был откровенно тупым.

Никто не мог предсказать, что именно в этот момент британские подростки всем своим неискушенным сердцем возлюбят «Флог». Когда группа снимала видео, то была никому не известна, а уже через месяц полным составом переселилась из Лидса в Лондон, сменив подвал на целый этаж в отеле «Кларидж». Тод не заработал денег на ролике, но приобрел имя. Парень, когда-то сравнивавший себя с Намом Джуном Пайком,[48] теперь делал видео для музыкальных фанатов пубертатного возраста.

Парочка жила в капсульном отеле в Баттерси. Уинн могла позволить себе место получше, но Тод настоял, что платить за все станет он. В бывший склад набили около двух сотен спальных капсул по три метра в длину. Одиночки — полтора метра в диаметре, двушки — по два. В каждой были сейф под гелевым матрасом, терминал телесети и фонтанчик для питья вместо раковины. В душевые всегда стояли огромные очереди. В туалетах воняло.

Но Тода все устраивало: большую часть времени он проводил в видеолабораториях или на переговорах с менеджерами групп. У него даже был стол в «Видстаре» и регулярная сессия на видеосинтезаторе с четырех до пяти утра по вторникам, четвергам и субботам. Правда, там Уинн ему только мешала. Они чуть ли не каждую ночь ходили вместе по клубам, посещали концерты, показывали ролики Тода, но сама Уинн практически ничего не делала. Кейдж не мог понять, почему она выглядела такой счастливой.

— Потому что я влюблена. В первый раз в своей жизни.

— Я рад за тебя. Поверь мне. — Они сидели в пабе за кружками светлого пива, ожидая, когда Тод закончит работу и придет пообедать с ними. Было темно, а во мраке всегда легче лгать. — Но сколько это продлится? Когда ты наконец сама чем-нибудь займешься? Лично?

— Чтобы стать знаменитой? Как ты? — Уинн тихо засмеялась, водя пальцем по краю бокала. — А почему ты сейчас об этом думаешь, а, Тони? Ты же сам говорил, что мне нужно будет отдохнуть после окончания учебы.

— Я о многом думал с тех пор, как ты уехала с Тодом. Ты же можешь поступить в любой университет. В какой захочешь.

— Ты и сам знаешь, как Тод относится к университетам. Хотя

я подумываю поступить на какие-нибудь бизнес-курсы. Хочу стать его менеджером. Тогда у Тода будет больше времени на творчество. Тод очень хорош. Он постоянно учится — вот что самое потрясающее. А ты уже видел «Сожженный Лондон»?

Кейдж кивнул.

— Девушку узнал?

— Конечно.

Уинн улыбнулась. Она действительно гордилась тем, что снялась в клипе Тода. Тони понял, что план его бездействия пошел совершенно не так, как он рассчитывал. Придется разрушить их роман, или он никогда не получит Уинн назад.

— У меня хорошие новости, — сказал Тод, скользнув на сидение рядом с ней. Они поцеловались. — Я пробил свою идею, и мне дали задание снять тридцатиминутный фильм о свободном фестивале.

Уинн обняла его.

— Это здорово. Я знала, что у тебя все получится.

— Свободный фестиваль? — спросил Кейдж. — Ты о чем?

— Да ты же знаешь, друг. — Тод допил пиво Уинн. — Ты же постоянно о нем рассказываешь. Благодаря тебе у меня и появился этот замысел. Я собираюсь снять фильм о празднике солнцестояния. В Стоунхендже.

История не зафиксировала тот момент, когда люди впервые употребили наркотики около Стоунхенджа. Но можно сказать с большой уверенностью, что на первом свободном фестивале, проведенном в 1974 году, публика испробовала все психотропы, популярные в то время. Морская пиратская станция «Радио Каролина», не скрываясь, призывала слушателей приехать к Стоунхенджу на праздник «любви и озарений». В тот год на день солнцестояния целая орда нечесаных музыкальных фанов лет восемнадцати — двадцати пяти разбили лагерь в поле рядом с автомобильной парковкой. Тогда их музыку называли роком, причем без всяких двусмысленностей и каламбуров. Пустое пространство вокруг камней заполнили палатки и типи, машины и вагончики. Кричали электрогитары, а летний ветер разносил вокруг запах марихуаны. Сохранились записи тех первых фестивалей. Здесь собирались самые разные люди, но все они сидели на галлюциногенах: парочка из Де-Мойна со стеклянными глазами и в одинаковых полиэстеровых рубашках, улыбающийся инженер из Токио, снимающий все подряд, молодая мать из Лутона, кормящая новорожденного младенца прямо на Алтарном Камне, констебль из Эймсбери, стоящий за пределами внешнего круга, скрестив руки за спиной, друидесса из Лейчестера в белых

церемониальных одеждах, длинноволосый подросток из Доркинга, сумевший взобраться на большой трилит и выкрикивающий оттуда что-то об Иисусе, НЛО, солнце и «Битлз». Для наркоманов этот праздник был одним из лучших «обрамлений» в мире. Пионеры психотропов изобрели красочный термин для описания столь радикального опыта, его чувственных встрясок и завораживающей странности всей обстановки. Они называли свободный фестиваль Стоунхенджа «мозготрахом».

Уинн и Тод перевезли спальную капсулу из Баттерси в Стоунхендж на пятидневный фестиваль. Тысячи ей подобных лежали рядом со старой парковкой в стороне от шоссе A360 и купола, защищающего старые камни. Они походили на огромные белые пилюли «полета», рассыпанные в траве. Между ними виднелись натянутые пузыри, палатки из гортекса самых разных форм, ховеры и машины, даже люди, просто сидящие на складных стульях под яркими зонтиками. Кейдж остановился в Эймсбери и наблюдал за празднеством по телесети в номере гостиницы.

Накануне солнцестояния он смог уговорить Тода и Уинн приехать в город, заманив бесплатным обедом, и за десертом предложил немного поэкспериментировать.

— Ну… — Тод явно сомневался. — Завтра последний день, большое событие. Не знаю, стоит ли мне сейчас употреблять экспериментальные препараты.

Кейдж ожидал, что он заупрямится, и полностью рассчитывал на Уинн.

— Тод, — сказала та, — не отказывайся, иначе останешься единственным трезвым человеком на всем фестивале. И как ты ощутишь дух события? — Глаза ее, казалось, ярко сияли. — Ты сколько часов уже отснял? Сорок, пятьдесят? А им нужно всего полчаса. Ну а если что-нибудь пропустишь, то дополнишь картинку на синтезаторе.

— Да знаю я, — раздраженно ответил он. — Я так устал, что даже думаю с трудом. — Тод сделал глоток кларета. — Возможно, я и попробую, понятно? Но только «возможно». Поэтому давайте с начала. Что это за препарат?

Кейдж начал с того, что ему очень понравился «Сожженный Лондон», и потому он захотел узнать Тода получше, понять его творчество. Сказал, что когда смотрел репортаж о фестивале по телесети, к нему неожиданно пришла потрясающая идея. Они все втроем примут «участие» и отправятся на праздник солнцестояния, а Стоунхендж, толпа и они сами, взаимодействуя друг с другом, создадут уникальный наркотический опыт. Кейдж разглагольствовал об эстетике случайности как об ответе на

проблему выбора. Заявил, что они находятся на пороге исторического открытия: новый препарат может стать возможностью для всех зрителей принять участие в самом акте творческого созидания.

Кейдж не упомянул, что смешал дозу Тода с антихолинергиком, который размажет его психологическую защиту. Когда Шлерманн окажется практически незащищенным для внушения — а заодно не сможет лгать, Тони намеревался его допросить и заставить выложить всю правду. И тогда Уинн, его прекрасная Уинн, увидит, как эта бездарность использует ее, узрит то уродство, которое, как хорошо знал Кейдж, скрывается под маской красивого лица. И когда Тод расскажет, насколько ему наплевать на нее, их интрижка закончится.

— Давай, Тод, — протянула Уинн. — Мы уже так долго ничего не принимали вместе. Мне так надоело кайфовать в одиночку. А когда Тони так рекомендует препарат, то это должна быть просто убийственная штука.

— А ты уверена, что я смогу нормально работать? — Сопротивление Тода стало слабеть. — Как-то не хочется весь день снимать траву под ногами.

— Я возьму с собой нейтрализатор. Если почувствуешь неладное, то сможешь привести себя в порядок, когда захочешь. Не волнуйся, Тод. Подумай, «участие» поможет тебе сосредоточиться именно на визуализации. Ты же сам говорил, что язык мешает непосредственному выражению искусства. А этот препарат убирает суперструктуры заранее выработанных понятий. Ты не будешь знать, что перед тобой. Ты просто увидишь. Глазами ребенка, Тод. Только подумай.

На секунду Кейдж засомневался, не перегнул ли сейчас палку. На него обратила внимание Уинн; она заинтересовалась его словами больше, чем реакцией Шлерманна на них. Тони почувствовал ее оценивающий взгляд, но притворился, что ничего не заметил. Пришел официант со счетом, и Кейдж подписал его, прежде чем закинуть главную наживку.

— Если ты боишься, то просто скажи. В конце концов, это нечто совершенно новое. Никто не будет тебя винить.

— Прекрасно, сэр. — Настоящий англичанин, официант не подал вида, что расслышал слова Тони, когда тот передавал ему чек. — Спасибо, сэр.

— Тем не менее, — продолжил Кейдж, — я верю в «участие» и верю в тебя. Причем верю настолько, что, как только мы закончим, я покажу твой фильм в «Вестерн Эмьюзменте». Они еще не решили, как позиционировать препарат на рынке. И если твоя работа окажется настолько хорошей, насколько я думаю, то

проблема будет решена. Я заставлю их купить ее. Ты станешь глашатаем — да что там глашатаем, отцом новой синкретической формы искусства.

Он понял, что теперь Тод оказался полностью в его власти. Парень добивался этого с самого начала. Кейдж не ошибся, Шлерманн использовал Уинн в качестве старта для своей карьеры. Замечательно, пусть мальчик войдет в мир международных развлечений — только на условиях Тони. Пусть верит, что сможет им манипулировать. Все это не имело значения, если Уинн вернется.

— Тони, что ты делаешь? — спросила девушка. Несмотря на синеватый оттенок кожи, было заметно, как она побледнела, скорее всего заподозрив, что происходит на самом деле.

— Что я делаю? — засмеялся он, вставая. — Не уверен, что сам понимаю. Но так оно интереснее, не правда ли?

— Хорошо, друг. — Тод тоже поднялся с места. — Я попробую.

— Тони… — Уинн пристально посмотрела на обоих.

— Что это? — спросила Уинн, указывая на Стоунхендж. Разряды молний ветвились во тьме, освещая толпу, стоявшую снаружи купола.

— Всего лишь son et lumiere,[49] — ответил Кейдж. — Голотехники Отдела окружающей среды вытягивают центы из туристов. — Они шли по шоссе A360 от остановки, где их высадил автобус из Эймсбери. — Смотрите, что будет дальше.

Спустя несколько секунд две лазерные радуги замерцали над камнями.

— Проверенные временем хиты Стоунхенджа, — с презрением прокомментировал Тод. — Здесь работали Констебль и Тернер. Тернер, как обычно, изобразил все с привычной для него помпезностью. Разряды молний, мертвые пастухи и воющие псы. А Констебль попытался внести живость в свои унылые акварели двойной радугой.

Кейдж закусил губу и ничего не ответил, не нуждаясь в лекции по истории Стоунхенджа, тем более от Шлерманна. В конце концов, ему принадлежал один из тех этюдов Констебля.

Тод опустил щиток видстаровского шлема и стал похож на богомола с глазами-линзами. Послышалось жужжание крохотных моторчиков, фокусирующих две камеры.

— А у кого-нибудь начался приход? — спросила Уинн.

— Я довольно много накопал по Стоунхенджу, — продолжил Шлерманн. — Поразительно, какие люди здесь бывали.

— Да, — ответил Кейдж. — Затылок словно какая-то влажная

прохлада обволакивала. Как грязь. — Они приняли капсулы «участия» еще по дороге. — Который час?

— Четыре восемнадцать. — Тод вставил свежий диск в аппарат, прикрепленный к поясу. — Восход в пять ноль семь.

Кейдж посмотрел на северо-восток, там уже начало светлеть. Звезды походили на стеклянных клещей, тонущих в серости небес.

— Они приходят волнами, — сказала Уинн. — Галлюцинации.

— Да, — глаза Тони начало покалывать изнутри. Что-то шло не так, но он не мог понять — что.

Они миновали неизбежный пикет Лиги воздержания от наркотиков; к счастью, никто из ее членов не узнал Кейджа. В конце концов все трое добрались до коридора, обнесенного колючей проволокой и ведущего сквозь толпу к входу в купол. По нему маршировала колонна призраков, одетых в белые одежды; на некоторых красовались очки. Они несли медные глобусы, дубовые ветки и флаги с изображениями змей и пентаклей. Здесь были мужчины и женщины, но, казалось, в процессии участвуют одни старики. Они бормотали какую-то молитву, и звук их голосов походил на ветер, шуршащий опадающими листьями. Высохшие древние фантомы, морщинистые и сосредоточенные, погруженные в размышления, словно прямо сейчас они решали в голове шахматные головоломки.

— Друиды, — прокомментировал Тод. Слова разрушили транс, и дрожь пробежала по плечам Кейджа. Он взглянул на Уинн и мгновенно понял, что она чувствует то же самое. В предрассветном мраке ее лицо осветила улыбка.

— С тобой все в порядке? — спросил Тод.

— Нет, — засмеялась Уинн.

Парень нахмурился и взял ее за руки.

— Пошли. Нам надо обойти купол, если мы хотим увидеть восход солнца над Пяточным камнем.

Они начали пробираться сквозь толпу к юго-восточной части постройки. Пространство между оболочками пустовало, и Кейдж увидел, что друиды окружили внешний круг камней. Все повернулись на северо-восток, в сторону Пяточного камня и поднимающегося солнца.

— Вот он, — сказал Тод. — Мы прямо на оси.

Толстуха, стоявшая радом с Тони, светилась. На ней ничего не было, кроме утыканных шипами кожаных легинсов по колено. Ее кожа сияла мягким зеленым светом, а когда женщина двигалась, то жировые складки перекатывались и мерцали, как волны, залитые светом луны. Поначалу Кейдж принял женщину

за еще одну галлюцинацию. Что-то было не так.

— Ты тоже ее видишь? — спросила Уинн.

— Она — светлячок, — громко ответил Тод, и толстуха уставилась на них.

Уинн кивнула, словно все поняла. Кейдж приставил ладонь рупором к уху:

— Что такое «светлячок»?

— У нее люминесцентный оттенок кожи, — раздался шепот.

Тод засмеялся, наведя линзы шлема на женщину:

— Ты хоть представляешь, насколько канцерогенна эта дрянь? Восемьдесят процентов смертности после пяти лет использования.

Та вперевалку подошла к ним:

— Это мое тело, красавчик. Так ведь? — Кейдж удивился, когда она обняла Шлерманна за талию. — Ты тут фильм снимаешь, а, красавчик? Я в нем буду?

— Естественно. Каждый получит свои десять минут славы. А ты знаешь, камера тебя любит, светлячок. Ты, наверное, поэтому так выкрасилась.

Толстуха захихикала:

— Ты тут не один, да, красавчик?

— Не сейчас, светляк. Солнце восходит.

Фотографы-любители и профессиональные операторы начали, толкаясь, занимать места вокруг них. Тод, коварно орудуя локтями, не сдвинулся с места. Яркая кромка солнца появилась над деревьями с северо-востока. Внутри купола друиды подняли деревянные рога и протрубили славу новому дню. Снаружи послышались нечленораздельные крики и вежливые аплодисменты. На земле, лая, катался человек с длинной бородой.

— Но линии не совмещаются, — жаловался какой-то идиот. — Солнце в неправильном месте.

Светило выбралось из-за деревьев и поползло по кирпично-красному горизонту. Кейдж закрыл глаза, но все равно видел его: кроваво-алое, со вспышками синевы и венами, пульсирующими на поверхности.

— С солнцем все в порядке, — сказал человек с камерой вместо головы. — Стоунхендж никогда не располагался с ним на одной линии. Это миф, парень.

Хотя Кейдж и не сразу узнал мужчину, он чувствовал, как ненавидит этот издевающийся голос. Когда же он открыл глаза снова, то красный диск уже взобрался в небо. Через несколько минут он прошел над Пяточным камнем и словно завис там, удерживаемый единственным неказистым столбом в пять метров

высотой. Тони смотрел на него сквозь каменную рамку древних колонн и перекладин внешнего круга Стоунхенджа и чувствовал себя так, как будто неожиданно встал на главную ось мира. Его околдовало: люди в шкурах сумели выстроить сооружение, способное поймать звезду. Толпа затихла, а может, это Кейдж не видел и не слышал ничего, кроме небесного огня и камня. А потом время пошло дальше. Солнце продолжило восход.

— Похоже на двери, — сказала женщина-светлячок, — в другой мир. — Она словно побледнела в лучах рассвета.

Двери. Слово заполнило разум Кейджа. «Одна дверь громоздится над другой».

— Надо сместиться градуса на четыре, — сказал кто-то. Люди наклонялись помочь лающему человеку.

— Тони, — незнакомая и прекрасная женщина взяла Кейджа за руку.

Ее голос разносился эхом, искажался: небрежный говор ребенка, его радостный крик. Он заморгал, рассматривая ее в мягком свете. Голубокожая, волосы шипами, одета в серебро: оправа для сапфира. Ее лицо — драгоценность. Дорогая. Кейдж влюбился.

— Кто ты? — Он не мог вспомнить.

— Они накатывают волнами, — сказала она. Тони не понял.

— Он сейчас так далеко, что дышит в космосе, — встрял камероголовый с издевающимся голосом.

— Кто ты? — повторил Кейдж, сжимая ее руку.

— Это я, Тони. — Красивая женщина засмеялась. Ему тоже хотелось смеяться. — Уинн.

«Уинн». Он произносил про себя это слово снова и снова, содрогаясь от удовольствия при каждом повторении. Уинн. Его Уинн.

— А я Тод, помнишь? — Камероголовый излучал презрение. — Господи, как же хорошо, что я не стал принимать эту дурь. Вы посмотрите на себя! Она смеется не переставая, а ты окончательно ушел в ступор. И как бы я работал? Вы хоть понимаете, насколько улетели?

Тод. Кейдж пробился через еще одну волну галлюцинаций, пытаясь вспомнить. План… заставить Тода… заставить Уинн увидеть… то, что Тони и так знал. Правда, Шлерманн в полном сознании, и это очень плохо.

— Ты не принял?..

— Черт, нет! — Он повернулся. Кейдж почувствовал, как глаза-линзы исследуют его, записывают, оценивают. — Я не такой доверчивый, как ты думаешь, и решил притвориться, посмотреть для начала, как препарат подействует на вас. Если бы вам стало

действительно хорошо, я бы проглотил твои пилюли.

В шлеме Тода мигала крохотная красная лампочка.

— Отключи, сволочь, — сказал Кейдж. — Только не твоем чертовом… твоем долбаном…

— Нет? — Тони разглядел улыбку, мелькнувшую за визором. — Ты же знаменитость, мужик. Ты принадлежишь всем нам.

— Тод, — встряла Уинн, — не подначивай его.

Лампочка погасла. Шлерманн откинул забрало и протянул ей руку. Девушка отпустила Кейджа и пошла к нему.

— Уинн, давай пройдемся. Мне надо с тобой поговорить.

Наблюдая, как они уходят вместе, Кейдж почувствовал, что обращается в камень. Он ее потерял. Толпа водоворотом захлестнулась вокруг парочки, и та исчезла.

— Вы Тони Кейдж?

Он отсутствующим взглядом уставился на женщину средних лет в одежде, меняющей цвет в зависимости от настроения. Платье из голубого стало серебряно-зеленым, пока его обладательница звала мужа:

— Мари, иди сюда скорее!

К ним подошел пухлый мужчина в изотермическом костюме, откликнувшись на крик.

— Вы же Тони Кейдж, да?

Тони онемел. Неожиданный собеседник пожал его бесчувственную руку.

— Точно, мы видели вас по телесети. Много раз. Мы из Штатов приехали. Нью-Гемпшира. Мы пробовали все ваши наркотики.

— «Полет» у нас самый любимый. Меня зовут Сильви. Мы на пенсии. — Лаймовый цвет сменился яблочно-зеленым. Кейдж не мог найти в себе сил посмотреть женщине в лицо.

— Я — Марв. Слушайте, а вы, похоже, серьезно улетели. А вы что принимали? Что-нибудь новенькое?

Люди начали смотреть в их сторону.

— Извините, — язык был каменным. — Плохо себя чувствую. Мне надо… — Сказав это, Тони, покачиваясь, двинулся прочь от фанатов. К счастью, они за ним не последовали.

Он не помнил, сколько времени бродил в толпе, куда ходил, что искал. Страшное подозрение мучило его. Может, какие-то проблемы с дозировкой? Друиды в конце концов закончили службу, и купол открыли для всех желающих. Кейдж дрейфовал в человеческом потоке, и его в конце концов выбросило приливной волной к Жертвенному камню.

Это был покрытая лишайником плита из песчаника,

находящаяся в тридцати метрах от внешнего круга: хорошее место, чтобы присесть и понаблюдать со стороны за суетой вокруг стоящих камней. Грубая поверхность валуна была испещрена оспинами. Когда-то люди думали, что эти естественные впадины предназначались для стока жертвенной крови, человеческой и животной. Еще один миф, ведь изначально камень стоял вертикально. А теперь здесь лежали двое падших, Кейдж и столб, фундамента не было, цели затерялись. Они находились в примерно одинаковом состоянии сознания. В голове Тони проносились мысли песчаника, сейчас он видел мир глазами камня.

Солнце взбиралось вверх. Кейджу стало жарко. Палящие лучи и телесные испарения перегрузили кондиционеры купола. А Тони ничего не делал. Волны галлюцинаций пошли на убыль. Люди взбирались на трилиты внешнего круга и ходили по перемычкам. Одна женщина стала танцевать стриптиз. Толпа захлопала и принялась ее подбадривать. «Непорочная дева, непорочная дева!» — кричала они. Поблизости стоял маленький мальчик и жадно наблюдал за зрелищем, выдавливая сидр из одноразовой упаковки. Кейджу захотелось пить, но он ничего не сделал. Парень ушел, бросив картонку на землю. Когда стриптизерша сняла трусики, появился констебль, и она стала танцевать специально для него. Люди заорали еще больше. У женщины не было руки, она отстегнула протез и принялась размахивать им над головой. Мир сошел с ума, и, чтобы не уйти вместе с ним, Кейдж вытащил шприц с нейролептиком и воткнул иглу в вену.

— Тони.

Тони не было. Остался только камень.

— Эй, приятель. — Незнакомец принялся его трясти. — Это я. Тод. Уинн плохо! Что вы приняли?

— Волнами. — Кейдж засмеялся. — Они накатывают волнами. — Теперь он понял. Галлюцинации. Но не от «участия». Он так расхохотался, что упал с камня. — Белотти! — Бедняга Бобби наконец попал в яблочко после стольких лет. Наркотик был чистым, только доза слишком… высокая. Галлюциноген. Опасный, говорил он. Непредсказуемый. Этот непредсказуемый старый…

— Ублюдок! — Кейдж задыхался.

— Ему нужен кислород. Быстро!

— Посмотрите на его глаза!

Когда накатила последняя волна, Кейдж вцепился в камень. Купол исчез. Парковка, шоссе, все признаки цивилизации исчезли. А потом валуны проснулись и пустились в пляс. Упавшие поднялись. Дорога вырвалась из травы. Жертвенный

камень встрепенулся и отбросил Тони прочь, вставая. Рядом появился его близнец: врата. Кейдж хотел пройти сквозь них, ступить на дорогу, увидеть Стоунхендж целым. Но магия не давала ему сделать и шага. В полностью объясненном мире выжило только самое тонкое и самое могущественное волшебство, то, что работает исключительно в разуме. Проклятие. Мертвый и безграмотный народ наложил проклятие на воображение мира. В своем грубом величии Стоунхендж бросал вызов всем, кто пытался понять его значение, и эта тайна была навеки сокрыта за непроницаемыми стенами времени.

— Положите его здесь.

— Тони!

— Он тебя не слышит.

Неожиданно все они оказались вокруг него, все, кто стоял на том месте, где сейчас находился Кейдж. Политики и писатели, художники и историки, и да, даже туристы, которые, ища развлечения на часок, нашли вместо этого великую тайну. Все те, кто принял вызов Стоунхенджа и пал под его проклятием. Они стремились словами и образами раскрыть секрет, но увидели только самих себя. Неожиданно ослепительно засияло солнце, а камни засверкали серебром. Кейдж увидел, как в них отражаются призраки. Среди них он разглядел и себя.

— Тони, ты меня слышишь? У Уинн какой-то приступ. Ты должен нам сказать.

Кейдж увидел себя, лежащего на Жертвенном камне. Что это значило? Он ее потерял. Образ Уинн, казалось, замерцал. Тони стал привидением; мысль о смерти не печалила. Стать камнем.

— Проснись. Ты должен ее спасти. Она же твоя дочь, будь ты проклят!

— Нет. — В эту самую секунду отражение Кейджа в камне сместилось, и он увидел свой зеркальный образ. Уинн. Ей плохо. Уже очень давно она скрывала боль наркотиками и притворной твердостью. Он должен был понять. Пойманный в ловушку магической логикой галлюцинации, теперь Кейдж почувствовал ее боль по-настоящему, сам Стоунхендж заставил его страдать вместе с ней, создав волшебный пейзаж, где слова расступались и разум мог прикоснуться к разуму. Или так показалось Тони. Сквозь видение прорвался звук: крик.

— Нет!

Камни упали, исчезнув, но теперь Кейдж уже не мог сбежать от боли. Вся ложь, которой он ее скрывал, сгинула. В минуту ужасающего просветления Тони понял, что сотворил. Со своей собственной дочерью.

Тод потерял шлем; наверное, тот валялся где-нибудь на

земле, снимая крупные планы стеблей травы. Сквозь голубую кожу проступала бледность. Кейдж моргнул, пытаясь вспомнить, о чем же парень его спрашивал. К голове и запястьям Тони были приклеены электроды. Медик проверял показания приборов.

— Что вы ей дали? — спросил врач.

Руки Кейджа дрожали, пока он рылся в карманах и доставал инжектор.

— Вот… вколите… нейролептик. Ей это нужно. Сейчас же!

Медик был молодым и явно засомневался. Кейдж сел, сорвал электрод с виска.

— Ты знаешь, кто я? — Мир вращался. — Делай!

Юноша взглянул на Тода, взял шприц и побежал к столбам. Шлерманн с неуверенностью во взгляде рассматривал Кейджа.

— Что ты ей сказал? — Тони попытался встать.

Тод положил ему руку на плечо, успокаивая.

— Ты как, нормально?

— Ты ей это сказал? Что она — моя дочь?

— Уинн так считает. Мы с ней спорили.

— Она была моей любовницей. Думаю, ты знаешь об этом. Однажды ночью пришла ко мне. Три года назад. Мы оба тогда хорошо закинулись. Я не смог… Я не смог ей отказать.

Тод уставился куда-то вдаль.

— Она говорила. Сказала, что это ее вина. А потом с ней случился приступ.

— Нет. — Кейдж все еще видел самого себя и понимал, что теперь не сможет избавиться от этого зрелища никогда. — Я был одиноким и сделал так, чтобы она тоже стала одинокой. Назвал это любовью. — Слова почти душили. — Где она? Отведи меня к ней. Ты любишь ее, Тод?

— Не знаю. — Он задумался. — Но похоже на то.

Уинн лежала без сознания, но приступ миновал, а врач заверил, что показатели в норме. Кейдж поехал с Тодом в больницу. Они прождали там весь день; говорили обо всем, кроме того, что не могли выбросить из головы. Тони понял, что ошибся насчет Тода. Что вообще слишком много ошибался. Когда Уинн наконец пришла в себя, Шлерманн пошел ее навестить. Один.

— Меня здесь нет, — проговорил Кейдж. — Скажи ей, что я уехал.

— Я не могу.

— Скажи!

На посещение отвели всего десять минут. Тони все это время волновался, что сейчас его позовут в палату.

— С ней все в порядке?

— Вроде бы. Она спрашивала о тебе. Я сказал, что ты

вернулся в гостиницу поспать. Сказал — навестишь ее завтра. Ее оставят здесь на ночь.

— Я уезжаю, Тод. Вы меня больше не увидите. — Кейдж протянул ему руку.

— Что? Ты не можешь с ней так поступить. Сегодня утром она что-то увидела и теперь чувствует себя невероятно виноватой. Если ты просто исчезнешь, все только ухудшится. Понимаешь? Ты должен остаться ради нее.

Кейдж опустил руку.

— Тод, ты хочешь сделать из меня героя. Проблема в том, что я — трус. И всегда оставался таким. Я сегодня увидел кое-что, и теперь мне надо забыть об этом. А она… вам будет лучше без меня.

Тод схватил его за плечи.

— Черт побери, ты должен прийти к ней завтра! Послушай меня! Если ты ее вообще любишь…

— Я люблю ее. — Кейдж освободился, встряхнувшись. — Как самого себя.

Той же ночью он сел в шаттл от Хитроу до Шеннона. Конечно, бегство представлялось эгоистичным и жестоким поступком, и Тод в своей правоте теперь мог думать о нем все, что угодно. Кейджу было невыносимо тяжело оставлять ее вот так… Впереди его ждала только боль. Он надеялся, что со временем Уинн поймет. Его прекрасная Уинн. Понадобилось несколько дней, чтобы привести все дела в порядок. Тони оставил ей целое состояние в акциях «Вестерн Эмьюзмента». Записал для нее послание, попрощался.

Туман цеплялся за землю. Сланцевая серость залива Голуэй напомнила Кейджу об эоловых столбах. Криогенная капсула ждала, настроенная на сто лет. Он не знал, хватит ли этого, чтобы спасти Уинн. Или себя. Понимал только, что, скорее всего, больше никогда ее не увидит, но на какое-то время обретет покой. Заснет непостижимым сном камней.

ГРЕГ БИР
КАМЕНЬ [50]

«Бог умер, Бог умер…»
Проклятье!
Когда Бог умрет, вы об этом узнаете.

Св. Аргентина, Исповедь

Грег Бир опубликовал первый рассказ в 1966 году, в возрасте пятнадцати лет. Широкую известность писатель получил в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда после целого шквала рассказов и романов читатели и критики стали пристально следить за его творчеством.

Работы Бира уходят корнями в интеллектуальные традиции НФ. Плодовитый и дисциплинированный автор, он держит фантазию на привязи научных фактов, к которым питает искреннее уважение. Такое творческое кредо позволило критикам отнести его в целом к традиционной «твердой» научной фантастике, несмотря далее на его произведения в жанре фэнтези, получившие высокую оценку.

Со временем богатое воображение Бира все больше стало выходить на первый план, а в сочетании с характерным для автора строгим подходом к писательству его воздействие на читателя только усиливалось. В результате на свет появились такие романы, как «Музыка, звучащая в крови» и «Зон», где твердость научных построений переплетается с невероятно изобретательными и подлинно визионерскими картинами.

Приведенный в этой книге рассказ, опубликованный еще в 1982 году, стал доказательством того квантового скачка, который Бир совершил из традиционных рамок фантастики в поражающие воображение новые измерения. Глубокая и детальная проработка абсолютно нового мира наилучшим образом демонстрирует технику писателя.

Я — уродливый сын камня и плоти, и нет смысла это отрицать. Я не помню своей матери. Скорее всего, она бросила меня сразу после рождения. А может, она умерла. Мой отец — отвратительная крылатая тварь с загнутым клювом, если, конечно, сын пошел в него, ведь сам я родителя никогда не видел.

Почему же такой несчастный вознамерился стать историком? Кажется, я даже могу вспомнить тот момент, когда сделал выбор. Он принадлежит к самым ранним воспоминаниям и случился около тридцати лет назад, хотя я уверен, что жил задолго до того, однако память о годах детства и юности утрачена мной безвозвратно. Я тогда прятался за толстыми пыльными занавесями в притворе, слушая, как священник рассказывает послушникам из чистой плоти о Mortdieu, Гибели Господа. Те слова до сих пор звучат в моих ушах.

«Насколько позволяют мне судить знания, — говорил он, — Mortdieu произошла около семидесяти семи лет назад. Некоторые ученые мужи не считают, что на мир выпустили магию, но мало кто отрицает, что Бог как таковой умер».

Точно. Это еще мягко сказано. Все стержни нашей некогда великой вселенной распались, ось сместилась, космические двери со стуком затворились, а правила существования утратили смысл. Священник продолжал выверенным, благоговейным голосом повествовать о тех временах.

«Я слышал, как мудрецы говорят о медленном упадке. Где человеческая мысль была сильна, там неожиданная встряска реальности обернулась лишь мелкой дрожью. Где же разум оказался слаб, мир полностью исчез, поглощенный хаосом. Каждая иллюзия, каждая галлюцинация стали настолько же реальны, как и любая материя. — Голос его дрожал от чувств. — Ослепляющая боль, кровь, огнем пылающая в наших венах, ломающиеся кости и разлетающаяся в пыль плоть. Сталь потекла водой. Янтарь дождем обрушился с небес. Толпы собирались на улицах, которые более не соответствовали картам, ибо сами карты изменились. Никто не знал, что делать. Слабый разум людей ничего не мог понять…»

Полагаю, большая часть человечества всегда была абсолютно иррациональна. Целые народы полностью исчезли или превратились в неразличимые водовороты несчастий и порочности. Говорят, некоторые университеты, библиотеки и музеи сохранились, но сейчас у нас с ними почти нет контакта.

Иногда я думаю о тех горемычных жертвах первых дней Гибели Господа. Они еще знали мир относительной стабильности; мы же с той поры приспособились. Их приводили в ужас города, превращающиеся в леса, и собственные кошмары, обретающие форму прямо на глазах. Огромные вороны торчали на вершинах деревьев, некогда бывших зданиями, свиньи бегали по улицам на задних ногах… и так далее. (Священники не поощряли размышлений о странностях. «Удивление, — говорили они, — порождает чудовищ».)

Наш Собор уцелел. Тем не менее рациональность в округе сильно ослабла за несколько веков до Mortdieu, сменившись чем-то вроде механического запоминания. Собор пострадал. Выживших — духовенство, служек и прихожан, ищущих убежища, — обуревали мерзкие видения, им снились ужасающие сны. Они видели, как ожили каменные украшения храма. Люди смотрели и верили, что вселенной выбили основание из-под ног и мои предки стряхнули с себя камень и стали плотью. Столетия бездыханного воздержания бременем висели на них, и неожиданно нашлись сорок монахинь, искавших спасения в Соборе, которые не испытали особого отвращения, а потому продолжение сей истории непристойно. От Гибели Господа паства поразительным образом пришла в возбужденное неистовство, и последовало совокупление.

Сколько длилась беременность, никто не знал, ибо тогда великое каменное колесо еще не вращалось, отмеряя часы. Трон Кроноса пустовал, за временем никто не следил, и дни проходили без счета.

Плоть же не отвергла камня, и на свет появились сыновья и дочери мяса и гранита, включая меня. Тех, кто прелюбодействовал с нечеловеческими тварями, изгнали растить — или отвергнуть — своих чудовищных детей подальше от глаз людских, в самой вышине. Тех же, кто принял ласки каменных святых и других статуй человеческой формы, не подвергли столь суровому наказанию, но все равно отправили на верхние уровни. Паства выстроила деревянные леса, разделившие огромный неф на два этажа. Снизу на перекрытиях закрепили большой холст, чтобы отходы не падали вниз, и на верхнем уровне Собора человекообразные отпрыски камня и плоти стали обустраивать новую жизнь.

Я давно пытался выяснить, как некое подобие порядка вернулось в мир. Легенда гласила, что архиэкзистенциалист Джансард, распявший на кресте святую Аргентину, осознав свою ошибку и покаявшись, понял, как разум и мысль могут успокоить пенистое море реальности.

Священник закончил чрезвычайно краткую лекцию, бегло упомянув об этом событии:

«Когда бдительный взгляд Господень покинул нас, человечеству пришлось самому уцепиться за расползающуюся ткань реальности. Те, кто выжил, — те, кому достало разума удержать собственное тело от распада, — стали единственной связующей силой в царящем вокруг хаосе».

Я тогда уже знал достаточно слов, чтобы понять его речь; у меня хорошая память, я достаточно любопытен, и потому

услышанная проповедь разбудила во мне желание узнать больше.

Крадучись вдоль каменных стен за занавесями, я внимал голосам священников и монахинь, нараспев читавших писания толпе мясных детей. То было на первом этаже, и каждый раз я подвергал себя огромной опасности: люди чистой плоти считают мой народ мерзостью. Но оно того стоило.

Мне удалось стащить псалтырь и научиться читать. Я стал красть книги: с их помощью я сравнивал свой мир с другими и так познал его границы. Поначалу я даже не мог поверить, что на свете существуют иные места, помимо Собора. Я и сейчас в этом сомневаюсь. Из маленького круглого окна в моей комнате видны бескрайний лес и река, окружающая храм, но больше ничего. А потому мой опыт общения с другими мирами трудно назвать прямым.

Не важно. Я много читаю, но не считаю себя ученым. Меня интересует лишь современная история, вся, от метафизических вопросов до тех, что касаются исключительно меня, — смысл той самой пасторской речи, которая дала мне рождение.

Я маленький — едва ли трех футов ростом, — но довольно быстро бегаю по проходам, скрытым в стенах. Скорее всего, я — единственный историк во всем Соборе. Те же, кто объявляют себя таковыми, не обращают внимания на происходящее у них на глазах, пребывая в поисках абсолютных истин или хотя бы Больших Картин. А потому если вам нужна история, в которой не принимает участия сам исследователь, то поищете другого рассказчика. Я, конечно, стараюсь быть объективным, но у меня есть свои приоритеты…

В то время когда начинается мое повествование, дети камня и плоти все еще искали Каменного Христа. Плоды единения святых и горгулий со скорбящими монахинями думали, что наше спасение лежит в великой статуе, давшей обет безбрачия, которая ожила вместе с остальными.

Также в ту пору начали встречаться дочка епископа и молодой человек из камня и плоти. Тайные свидания запрещались даже созданиям из чистого мяса. К тому же любовники не состояли в освященном традицией браке, а потому столь сложный грех меня чрезвычайно интриговал.

Ее звали Констанция, ей было четырнадцать лет, стройное тело, каштановые волосы, большая зрелая грудь. В ее глазах виднелась глупая разновидность божественной жизни, столь обычная для девочек ее возраста. Его звали Корвус, и было ему пятнадцать. Плохо помню его черты, могу сказать только, что он казался довольно красивым, а тело имел гибкое и карабкался по

лесам почти так же неслышно, как я. В первый раз я заметил, как они беседуют друг с другом, во время своего обычного набега на книжное хранилище. Молодые прятались в тени, но у меня глаза зоркие. Они говорили еле слышно, запинаясь. Сердце заныло, так хотелось понаблюдать за ними, осмыслить будущую трагедию, ибо с первого взгляда я понял, что Корвус не из чистой плоти, а Констанция — дочь епископа, и тут же я представил, как старый тиран назначает преступнику обычное наказание за нарушение границ уровня и оскорбление морали — кастрацию. Однако в разговоре их чувствовалась свежесть, от которой, казалось, исчезает даже привычный смрад спертого воздуха, царящий в нижнем нефе.

— Ты когда-нибудь целовала мужчину прежде?

— Да.

— Кого?

— Моего брата. — Она засмеялась.

— И?.. — Его голос стал жестче; казалось, Корвус от ревности готов убить мнимого соперника.

— Друга по имени Жюль.

— Где он?

— О, исчез в лесной экспедиции.

— О!.. — И он снова поцеловал ее.

Я — историк, а не вуайерист, а потому из скромности не стал наблюдать за тем, как расцветает их страсть. Если бы Корвус обладал хоть толикой здравого смысла, то удовлетворился бы своей победой и больше никогда сюда не возвращался. Но бедняга попал в ловушку и продолжал встречаться с Констанцией, несмотря на всякий риск. В этой паре жили верность, любовь и преданность — чувства, столь редкие нынче. Она меня очаровала.

Стоял чудный день, я принимал солнечные ванны, выглядывая в маленькое окошко. Собор напоминает ящерицу с толстым брюхом, а контрфорсы походят на лапы. У подножия каждого виднеются маленькие домики, там, где некогда водосточные трубы в виде драконов склонялись над деревьями (а может, над городом, или что там раньше находилось). Теперь в них живут люди. Так было не всегда — когда-то солнце находилось под запретом. Корвусу и Констанции с детства не разрешалось выходить под открытое небо, а потому даже в расцвете юношеской красоты они казались бледными и грязными от дыма свечей и жировых ламп. Дневные лучи тогда видели только участники лесных экспедиций.

Подсмотрев тайное свидание молодых любовников, я забился в темный угол и на целый час погрузился в размышления, после

чего решил проведать медного гиганта апостола Фому. Он был единственной человекообразной статуей, жившей в Соборе так высоко, и всегда носил с собой линейку, на которой создатели выгравировали его настоящее имя, — скульптуру выполнили по образу реконструктора Собора прошлых времен, архитектора Виолле-ле-Дюка. Фома знал здание лучше всех, и я им восхищался. Большинство чудовищ боялись его и по разным причинам избегали. Он был огромным, черным как ночь, испещренным хлопьями зелени, с лицом, искаженным от вечных раздумий. Фома ютился в деревянной хибаре у основания шпиля, буквально в двадцати метрах от того места, где я сейчас пишу эти строки, и думал о тех временах, о которых никто из нас ничего не знает. Возможно, он размышлял о радости и прошлой любви, скажут одни; другие же вспомнят о ноше, что легла на него теперь, когда Собор стал центром хаотического мира.

Именно Фома выбрал меня из уродливых орд, когда увидел с псалтырем в руках.

— Твои глаза светятся, — сказал он мне. — Ты двигаешься так, словно у тебя быстрый разум, держишь себя в сухости и чистоте. Ты не такой пустой, как эти бывшие водосточные трубы, в тебе есть сущность. Ради всех нас, сумей воспользоваться ею и изучи, как функционирует Собор.

Так я и поступил.

Когда я вошел, гигант взглянул на меня. Я сел на ящик у его ног и сказал:

— Дочь плоти встречается с сыном камня.

Он пожал массивными плечами:

— Так и будет со временем.

— Разве это не грех?

— Сие деяние настолько чудовищно, что из греха становится необходимостью. И таких случаев будет происходить все больше и больше.

— Мне кажется, они влюблены друг в друга. Ну, или скоро влюбятся.

Фома кивнул.

— Только я и Другой смогли воздержаться от совокупления в ночь Mortdieu. Кроме Другого, только я могу осуждать их.

Я подождал его приговора, но он лишь вздохнул и похлопал меня по плечу.

— А я никогда никого не осуждаю, так ведь, мой уродливый друг?

— Никогда.

— А потому оставь меня грустить в одиночестве. — Он подмигнул. — А им я желаю побольше сил.

Епископ Собора был уже стар. Говорили, что до Гибели Господа никакого сана он не имел, а явился сюда обыкновенным странником во время хаоса, еще до того как город превратился в лес. Он присвоил титул главы сего предела бывших владений Господа, говоря, что тот достался ему по завету.

Епископ был маленьким, коренастым человеком с большими волосатыми руками, похожими на зажимы тисков. Однажды он убил каменное создание с водосточной трубы, просто сжав кулак, — а ведь эти существа крепкие, у них нет кишок, впрочем, как и у меня и (я так полагаю) у вас. Лысую макушку старика окружали седые густые и непокорные волосы, а брови сходились над носом с поразительной мягкостью. Он совокуплялся как свинья, много жрал и страдал поносом (я все знаю). Человек, созданный для этого времени, если после Гибели Господа о времени вообще можно говорить.

Именно по его приказу изгнали всех нечистых плотью, а существ нечеловеческой формы вообще убивали на месте.

Когда я вернулся из покоев гиганта, то увидел, что в нижнем нефе царит переполох. Кто-то карабкался по лесам, и за ним послали солдат, приказав пристрелить нарушителя. Естественно, этим «кем-то» оказался Корвус. Я взбирался быстрее, чем он, и балки знал лучше, и потому, когда влюбленный оказался в тупике, я появился из тени и указал на дыру, достаточно большую, чтобы сбежать. Он последовал совету, даже не поблагодарив, но я никогда не уделял большого внимания этикету. Я проник в каменную стену через пролом шириной, пожалуй, с руку и червем скользнул ко дну, посмотреть, что там еще происходит. Волнения у нас редки.

Пошел слух, что статую видели с девушкой, но толпа не знала, кто она. Женщины и мужчины, толкущиеся в дымном свете между рядами хибар без крыш, весело болтали. Кастрации и казни — из тех немногих развлечений, которые нам остались. Я здесь не исключение, люблю посмотреть на истязания, но сейчас я беспокоился за судьбу возможных жертв.

К сожалению, волнения и тревоги сыграли со мной злую шутку. Я поскользнулся и упал в не заделанный провал, рухнув в проход между внешней стеной и хижинами. Меня тут же заметила группа грязных подростков.

— Вот он! — заверещали они. — Не ушел далеко!

Солдаты епископа в масках могут свободно перемещаться по всем уровням. Они чуть не загнали меня в угол, а когда я воспользовался привычным маршрутом бегства, оказалось, что они уже поджидают на лестнице в том месте, которое было нельзя обойти. Пришлось вернуться. Я гордился тем, что знаю Собор

сверху донизу, но сейчас, лихорадочно карабкаясь вверх, я неожиданно наткнулся на совершенно неведомый мне туннель. Он вел вглубь фундамента, сложенного из массивных камней. Сейчас я был в безопасности, но боялся, что преследователи найдут мои запасы еды и отравят бочонки с дождевой водой. Впрочем, пока они не ушли, предпринять я ничего не мог и решил, дабы отвлечься от тревожащих мыслей, исследовать странный проход.

Собор постоянно меня удивляет. Теперь-то я понимаю, что не знаю его даже наполовину. В нем постоянно открываются новые пути из одной точки в другую (некоторые из них, подозреваю, появляются, когда никто не видит), а иногда и просто попадаешь в целые новые помещения. Пока солдаты громко сопели, стоя над дырой наверху, в которую смог бы пролезть разве только маленький ребенок, я последовал по лестнице из грубых ступеней вглубь стены. От воды и слизи та была скользкой и труднопроходимой. На мгновение я оказался в такой кромешной тьме, какой в жизни не видел, — во мраке настолько густом, что простое отсутствие света его не объясняло. Затем внизу я заметил слабый желтый отблеск и, замедлив шаг из предосторожности, тихо начал спускаться. Миновав ржавые ворота, с которых чешуйками осыпалось железо, я вошел в освещенное помещение. В воздухе смешивались запахи старых, крошащихся камней, минеральной воды, слизи и вонь от тела горгульи. Зверь лежал на полу узкой комнаты уже не один месяц, но все еще смердел. Я уже упоминал, что справиться с ними нелегко, — а этого явно убили. В нишах вокруг комнаты мерцали недавно зажженные свечи, их пламя колыхалось на еле уловимом, дующем сверху ветерке. Превозмогая страх, я прошел по каменному полу, взял огарок и стал разглядывать следующий участок туннеля.

Тот несколько десятков футов шел вниз, упираясь в очередные металлические ворота. Именно тогда я ощутил аромат, которого прежде никогда не встречал, — благоухание чистейшего из камней, то ли редкого нефрита, то ли девственного мрамора. На меня накатило ощущение легкости, я чуть не рассмеялся, но вовремя вспомнил об осторожности. Толкнул ворота, и меня обдало потоком холодного воздуха, словно из могилы святого, чье тело нетленно и, напротив, изгоняет все нечистое и чудесным образом низвергает его в подземные узилища. Клюв мой поневоле приоткрылся. Луч свечи упал на фигуру, на первый взгляд принадлежащую ребенку. Но я быстро понял свою ошибку. Явившееся мне существо жило в нескольких возрастах одновременно. Я моргнул, и оно стало человеком лет тридцати, прекрасно сложенным, с высоким лбом, элегантными руками,

бледным как лед. Его взгляд был устремлен куда-то в стену позади меня. Я преклонил чешуйчатое колено и коснулся лбом, так почтительно, как мог, хладного камня, дрожа до самых кончиков своих недоразвитых крыльев.

— Прости меня, Радость Желаний Людских, — сказал я. — Прости меня.

Я наткнулся на убежище Каменного Христа.

— Ты прощен, — ответил Он устало. — Все равно ты пришел бы, раньше или позже. Лучше сейчас, чем потом, когда… — Его голос затих, Он покачал Своей головой. Он был очень худ и одет в серое платье, которое до сих пор не изгладилось от шрамов многих столетий непогоды. — Почему ты пришел?

— Спасался от солдат епископа.

Он кивнул.

— Да. Епископ. Сколько времени я провел в этом месте?

— С момента моего рождения, Боже. Шестьдесят или семьдесят лет. — Он был тонок, почти бесплотен. Я всегда представлял его крепким плотником, но сейчас взмолился еле слышным шепотом: — Что я могу сделать для Тебя, Господи?

— Уйти.

— Я не смогу жить с такой тайной. Ты есть спасение. Ты сможешь свергнуть епископа и объединить все уровни воедино.

— Я не солдат и не генерал. Пожалуйста, уходи и никому не…

Я почувствовал дыхание позади себя, потом шорох оружия. Отпрыгнул в сторону, и перья мои встопорщились, когда каменный меч ударился о пол рядом. Христос поднял руку. Все еще не отойдя от потрясения, я воззрился на зверя, очень похожего на меня. Тот ответил взглядом, черным от ярости, замерев и подчинившись мановению Его длани. Мне следовало быть более осторожным — кто-то же убил горгулью и зажег свечи.

— Но, Повелитель, — пророкотал зверь, — он всем расскажет.

— Нет, — возразил Христос. — Он не скажет никому. — Он посмотрел на меня и одновременно сквозь меня… Иди, иди.

Вверх по туннелям, в оранжевую тьму Собора, рыдая, полз я и скользил. Я даже не мог пойти к гиганту. Мне все равно что горло перерезали.

На следующее утро я наблюдал из укромного уголка на лесах, как толпа собралась вокруг человека в грязной мешковине, который всегда скитался сам по себе. Я уже видел его раньше; мужчину звали Псало, и его свобода стала символом милости и прощения епископа. То был формальный жест: большинство людей и так смотрели на несчастного как на почти

сумасшедшего.

Однако на этот раз я слушал юродивого и с волнением почувствовал, что его слова затрагивают во мне какие-то струны. Псало призывал епископа и солдат впустить в Собор свет, сбросив холсты, закрывающие окна. Он уже говорил об этом прежде, но правитель ответил как обычно: со светом придет хаос, ибо разум человеческий превратился в заразный очаг наваждений. Любой толчок может повергнуть во прах все то, чем обладали жители Собора.

Наблюдение за крепнущей любовью Констанции и Корвуса не доставляло мне никакой радости. Они становились все беспечнее, а их разговоры — все смелее.

— Мы должны возвестить о нашем браке, — сказал Корвус.

— Они никогда не позволят этого. Они… порежут тебя.

— Я ловок. Им никогда меня не поймать. Церкви нужны лидеры, храбрые революционеры. Если кто-нибудь не разрушит традиции, пострадают все.

— Я боюсь за тебя… и за себя. Отец выгонит меня из паствы, словно больную овцу.

— Твой отец — не пастух.

— Он — мой отец, — ответила Констанция, глаза ее расширились, а рот сжался в полоску.

Я сидел, спрятав клюв под лапами, а глаза прикрыв веками, слыша каждое их слово еще до того, как оно оказывалось произнесено. Бессмертная любовь… надежда на открытое будущее… какая нелепая ерунда! Я читал обо всем этом прежде, найдя целый ворох любовных романов в куче мусора мертвой монахини. Как только я увидел связь и осознал бесконечную банальность и бесполезность! — всего происходящего, как только сравнил их лепет с беспредельной грустью Каменного Христа, — простодушие мое сменилось цинизмом. От столь быстрого перехода у меня кружилась голова, уцелели лишь крохотные заводи благородных чувств, зато будущее стало предельно ясным. Корвуса поймают и казнят; если бы не моя помощь, его бы уже оскопили или убили. Констанция станет рыдать, примет яд; певчие сложат о ней песню (причем те же самые, что радостно станут рвать глотки, разнося весть о смерти ее любовника); возможно, я о них напишу (уже тогда я планировал вести хронику), а потом — всякое случается — последую за ними, не устояв перед грехом скуки.

С приходом ночи вещи теряли свою определенность. Было так легко уставиться в темную стену и позволить грезам обернуться реальностью. Когда-то по крайней мере так говорилось в книгах,

видения не могли обрести форму за пределами сна или мимолетной фантазии. Теперь же мне часто приходилось бороться с тварями которые рождались в моей голове и вылетали из стен неожиданно обретая плоть и голод. Люди часто умирали по ночам. Их пожирали собственные кошмары.

В тот вечер я заснул с образом Каменного Христа в мыслях, а потому увидел праведников, ангелов и святых. Проснулся я внезапно — сказалась тренировка, а один уже стоял позади меня. Другие же порхали за круглым окном, шепча и строя планы, как скоро полетят на небеса. Оставшийся призрак высился темной фигурой в углу и тяжело, надсадно дышал.

— Я — Петр, — сказал он, — также известный как Симон. Я — Камень Церкви, и сказано священникам, что они — наследники миссии моей.

— Я тоже камень. Но крайней мере частично.

— Тогда да будет так. Ты — наследник мой. Иди и стань епископом. Не почитай Каменного Христа, ибо Он хорош настолько, насколько деяния Его хороши, а коли Он пребывает в праздности, то и нет в Нем спасения.

Святой захотел погладить меня по голове, но когда различил мою форму, глаза его расширились он пробормотал какую-то молитву, изгоняющую бесов, и просочился в окно, присоединившись к своим братьям.

Скорее всего, если бы подобный вопрос вынесли на решение совета, то там, в соответствии с буквой закона, решили бы, что благословление создания из снов никакой силы не имеет. Однако это не представляло никакой важности, ибо я получил самый лучший совет с тех пор, как гигант наказал мне читать и учиться.

Тем не менее, для того чтобы стать Папой или епископом, необходимо было иметь слуг, которые выполняли бы мои приказы. И самый большой из камней не сдвинется с места сам. Потому, раздувшись от собственного могущества, я решил появиться в верхнем нефе и возвестить о себе.

Понадобилось немало храбрости, чтобы выйти на свет днем, без плаща, и пройти по помосту второго уровня сквозь толпу торговцев, раскладывающих товары. Многие реагировали с типичным фанатизмом, хотели пнуть или высмеять меня. Вот только мой клюв отбивал у них всякую охоту издеваться. Я взобрался на самую высокую палатку и встал там, в мутном круге лампового света, откашливаясь, дабы люди заметили своего повелителя. Под градом гнилых гранатов и дряблых овощей я поведал толпе о том, кто я есть, и рассказал о своем видении. Украшенный бусами требухи и отбросов, я спрыгнул с помоста и бросился к входу в туннель, слишком узкий для большинства

людей. За мной увязались какие-то мальчишки, и один расстался с пальцем, пытаясь порезать меня осколком цветного стекла.

Весть об откровении оказалась бесполезной, ибо в фанатизме тоже существуют уровни, и я располагался на самом нижнем из них.

После своего провала я решил найти какой-то способ посеять хаос во всем Соборе, сверху донизу. Даже в смятенной толпе мракобесов многое может изменить появление того, кто посвящен в таинства и одарен. Два дня я провел, скрываясь в стенах. В столь хрупкой структуре, как церковь, должен был существовать какой-то фундаментальный изъян, и хотя в мои планы не входило ее полное разрушение, я все же хотел совершить нечто захватывающее и неоспоримое.

Погруженный в раздумья, я висел над общиной чистой плоти, когда услышал сиплый голос епископа, легко перекрывший шум толпы, а потому открыл глаза и взглянул вниз. Солдаты в масках держали сгорбившуюся фигуру, а священник нараспев объявлял приговор над ее головой.

— Узнайте же все, кто слышит меня сейчас, что этот молодой ублюдок плоти и камня…

«Корвус, — сказал я себе. — Попался наконец». Я закрыл один глаз, но второй отказался подчиняться и продолжил наблюдать за разворачивающейся сценой.

— …нарушил все, что мы почитаем священным, и искупит свои преступления на этом месте завтра в то же время. Кронос! Отметь шествие колеса.

Выбранный Кронос, тщедушный старик с грязными седыми волосами, отросшими до самых ягодиц, взял кусок угля и начертил крест на большой диаграмме, позади которой стонало и вздыхало колесо в своем извечном кружении.

Толпа приободрилась. Я увидел, как Псало пробивается сквозь скопище народа.

— Каков его проступок? — крикнул он. — Скажи нам!

— Проникновение на нижний уровень! — объявил глава солдат в масках.

— Наказанием за это является порка и изгнание наверх! — сказал Псало. — Здесь же я вижу более серьезное преступление. Каково же оно?

Епископ холодно смерил взглядом юродивого:

— Он пытался изнасиловать мою дочь, Констанцию.

На это Псало ничего возразить не смог. Карой за подобное были кастрация и смерть. Так гласил закон всех чистых людей. Иного пути не оставалось.

Я задумался, наблюдая за тем, как Корвуса ведут в темницу.

Будущее, которого я так желал, неожиданно поразило меня со всей ясностью. Я хотел возвратить ту часть своего наследия, в которой мне отказали, — примириться с самим собой, жить в обществе тех, кто меня примет, таких же как я. Гигант сказал, что со временем так и будет. Но произойдет ли это на моих глазах? Корвус, следуя зову похоти, добивался равенства этажей Собора, хотел привнести камень в плоть, чтобы никто не видел разницы.

Но дальнейшие мои планы скрывались в тумане. Да какие планы! — скорее, то были яркие чувства, радостные картинки детей, играющих в лесах и полях за пределами острова, пока работа сама прядется под взглядом наследника Божьего. Моих детей. И тут я все понял. Я хотел занять место Корвуса, когда тот спаривался с Констанцией.

То есть передо мной стояли две задачи, и если все сделать по уму, то их можно было бы совместить в одну. Следовало отвлечь епископа и солдат, а затем спасти Корвуса, такого же революционера, как и я.

Ту ночь я провел в своей комнате, горя от лихорадочных мучений, а наутро пошел к гиганту просить совета. Тот холодно посмотрел на меня и спросил:

— Мы впустую потратим время, если постараемся вбить хоть какой-то смысл им в головы, но ведь у нас и нет никаких других дел, кроме траты времени, так?

— Что же мне делать?

— Просветить их.

Я топнул ногой по полу:

— Эти люди похожи на кирпичи! Какой толк просвещать кирпичи!

Он еле заметно, но печально улыбнулся:

— Просвети их.

Я покинул гиганта, кипя от ярости. Подобраться к великому колесу времени я не мог, а потому не знал, когда состоится казнь, но, вспомнив о ворчащем от голода желудке, предположил, что случится это в начале полдня. Я излазил Собор вдоль и поперек, очень устал, а потом, когда шел по пустому проходу, подобрал с пола кусок цветного стекла и внимательно осмотрел его. Мальчишки на всех уровнях Собора таскали эти осколки с собой, девочки же использовали как украшения, и никто не обращал внимания на протесты старших, которые считали, что из-за цветных предметов разум порождает еще больше чудовищ. И где же дети брали свои игрушки?

В одной из давно прочитанных книг я видел яркие картинки окон Собора.

— Просвети их, — сказал гигант.

Я вспомнил о просьбе Псало впустить свет.

Под крышей нефа, в туннеле, идущем по всей его длине, я нашел канаты, державшие блоки занавесей, прячущих нас от внешнего мира. Я решил, что для моего плана лучше всего подойдут большие окна в северном и южном трансептах, начертил диаграмму в пыли, стараясь решить, какое сейчас время года и с какой стороны придет солнечный свет. Все мои расчеты были чистой теорией, но в тот момент меня словно озарило. Следовало открыть оба окна. Я не мог решить, какие из них лучше.

Уже к началу дня я был готов. В верхнем нефе только подошла к концу молитва шестого часа. Пришлось перерезать главные канаты и ослабить зажимы, поддев их пикой, украденной из арсенала епископа. Я прошел по высокой балке, спустился по практически вертикальной шахте до нижнего уровня и стал ждать.

Констанция сидела на деревянном балконе, в специальной ложе, с которой епископ следил за проведением казни. Девушка была словно очарована ужасом. Корвус лежал на помосте, установленном прямо посередине трансепта. Факелы освещали юношу и его палачей, трех мужчин и старуху.

Я прекрасно знал порядок ритуала. Сначала карга кастрировала преступника, а потом мужчины отрубали ему голову. Корвуса одели в красный церемониальный плащ, скрывающий кровь. Епископ в последнюю очередь хотел, чтобы его паства пришла в излишнее возбуждение от вида мучений. Вокруг помоста стояли солдаты, готовые провести обряд очищения ароматной водой.

Времени оставалось мало. Понадобится несколько минут, чтобы все канаты разошлись, а занавеси пали. Я ринулся на позицию и перерезал оставшиеся веревки. Когда воздух Собора заполнили потрескивающие звуки и свист от падающих холстов, я поспешил вниз, на свой наблюдательный пост.

Уже через три минуты ткань, закрывающая окна, обвисла. Я видел, как Корвус посмотрел вверх, глаза его при этом сияли. Епископ находился с дочерью в ложе, он быстро утянул девочку в тень. Еще через две минуты занавеси рухнули на верхний уровень с ужасающим грохотом. Их вес был настолько велик, что леса по краям не выдержали и обвалились, отчего материя каскадами стала спускаться вниз, на первый этаж нефа. Поначалу освещение было голубоватым и бледным, скорее всего из-за набежавшего облака. Но потом солнечный взрыв с двух сторон ворвался в мой дымный мир. Великолепие тысяч кусочков цветного стекла, скрытых десятилетиями и едва тронутых детьми-вандалами,

обрушилось на Собор. От людского крика я чуть не свалился с насеста, затем быстро скользнул вниз и спрятался, боясь содеянного. Это было гораздо больше, чем просто солнечный свет. Как два распустившихся цветка, один ярче другого, окна трансепта потрясли всех, кто узрел их.

Глаза, привыкшие к оранжевой тьме факелов, к дыму, мгле и теням, не могли просто так пережить зрелище подобной красоты. Я прикрыл собственное лицо и попытался найти удобный выход.

Население Собора росло. Свет становился все ярче, люди тянулись к нему, смотрели вверх и попадали в ловушку, не способные отвернуться. Величие его многих тогда сбило с толку. Из разумов обитателей Собора полились грезы, слишком причудливые для классификации. Выпущенные на волю чудовища, впрочем, оказались не жестокими, да и по большей части не чудовищами.

Верхний и нижний нефы мерцали от отраженных видений рая, от призрачных фигур и детей, парящих в пузырях света. Больше всего было святых и праведников. Тысячи вновь сотворенных юношей расположились на полу и стали рассказывать о чудесах, городах Востока и временах, что давно ушли. Клоуны в одеждах из огня развлекали публику, взгромоздившись на рыночные палатки. Животные, неизвестные никому в Соборе, прыгали между жилищ, давая дружелюбные советы. Абстрактные создания, сверкающие шары в золотых сетях и шелковых лентах пели и парили под потолком. Храм превратился в огромный ковчег всех ярких грез, известных его жителям.

Люди истинной плоти медленно взбирались по лесам и попадали в верхний неф, желая видеть то, чего не могли узреть снизу. Из своего укрытия я наблюдал за тем, как солдаты несут паланкин епископа по узким лестницам. Констанция шла позади него, спотыкаясь, глаза ее были закрыты от столь неожиданной яркости.

Все пытались зажмуриться, но никому это не удавалось.

Я заплакал. Почти ослепнув от слез, я влез еще выше и взглянул вниз, на взбаламученные толпы. Увидел все еще связанного Корвуса, ведомого старухой. Констанция заметила его, и они посмотрели друг на друга, словно незнакомцы, но потом взялись за руки так крепко, как смогли. Она взяла нож у одного из солдат отца и перерезала путы, связывавшие любимого. Вокруг них стали клубиться ярчайшие видения, чисто белые, кроваво-красные, цвета морской волны, превращающиеся во множество детей, которых они бы зачали в невинности своей.

Я дал людям — да и самому себе — несколько часов, дабы

прийти в чувство. А потом взобрался на место епископа и крикнул всем, кто стоял внизу:

— Время пришло! Мы все должны объединиться; мы должны объединиться!..

Поначалу никто не обратил на меня внимания. Я был достаточно красноречив, но возбуждение людское еще не схлынуло. Пришлось подождать еще немного, начать речь заново, но мой голос потонул в их криках. Вверх полетели гнилые фрукты и овощи.

— Урод! — заорали люди и прогнали меня.

Я прокрался по узкой лестнице, нашел незаметную щель и спрятался в ней, закрыв клюв лапами, думая: что же пошло не так? Понадобилось на удивление много времени, чтобы понять простую истину: мой план обрекло на поражение не каменное клеймо, а отвратительность моего собственного облика.

Тем не менее я проложил путь для Каменного Христа. Теперь Он сможет занять положенное ему место, так что я отправился по секретному коридору к Нему, пока не добрался до тайных покоев и желтого света. Там опять царила тишина. Поначалу я встретил только монстра-охранника, который подозрительно воззрился на меня полированными серыми глазами.

— Ты вернулся, — резюмировал он.

Сраженный подобным остроумием, я искоса посмотрел на него, кивнул и попросил сообщить о моем приходе Христу.

— Он спит.

— Важные новости.

— Что?

— Я принес добрые вести.

— Тогда позволь мне выслушать их.

— Они предназначены только для Его ушей.

Из темного угла вышел Христос. Выглядел Он еще старше, чем в прошлый раз.

— В чем дело?

— Я расчистил путь для Тебя. Симон, по имени Петр, сказал мне, что я — наследник его миссии, что я должен пойти перед Тобой…

Каменный Христос покачал головой.

— Ты действительно веришь, что Я есть источник всей благости вокруг?

Я кивнул в замешательстве.

— И что же ты сделал?

— Впустил в Собор свет.

Он снова медленно покачал головой.

— Ты казался мне достаточно мудрым созданием. Ты же

знаешь о Гибели Господа.

— Да.

— Тогда ты знаешь, что у Меня едва достало сил, чтобы не рассыпаться в прах, чтобы вылечиться, не говоря уж о явлении Себя людям там. — Христос махнул рукой в сторону стен. — Мой источник исчез, — сказал Он мрачно. — Я живу на старых запасах, а они небесконечны.

— Он хочет сказать, чтобы ты ушел и прекратил досаждать нам, — объяснил монстр.

— Теперь у них есть свет, — объяснил Христос. — Они с ним поиграют, потом привыкнут, и все станет, как было. Есть ли тебе место среди них?

Я задумался на секунду, потом покачал головой.

— Нет. Я слишком уродлив.

— Ты слишком уродлив. Я слишком известен. Мне надо прийти из толпы, безымянным, а это невозможно. Нет, оставь их. Они снова сотворят Меня или, еще лучше, окончательно забудут обо Мне. О нас. Нам боле нет среди них места.

Я, ошеломленный, тяжело сел на каменный пол, а Христос погладил меня по голове, проходя мимо:

— Возвращайся в свое укрытие. Живи так хорошо, как сможешь. Наше время ушло.

Я повернулся к выходу и, когда добрался до коридора, ведущего вверх, услышал Его голос позади:

— Ты в бридж играешь? Если да, то найди еще одного. Для партии нужны четверо.

Я взбирался по трещине, сквозь стены, по аркам над царящим внизу весельем. Я не только не стал Папой — после благословения самого святого Петра! — но даже не смог убедить Того, кто был предназначен для этого, взять власть.

Полагаю, вечного студента отличает от других то, что он всегда возвращается к учителю, когда собственный разум его подводит.

Я пришел к медному гиганту. Тот забылся в медитации. Около его ног валялись обрывки бумаг с планами Собора. Я принялся терпеливо ждать, пока он не обратит на меня внимание. Великан повернулся, положив подбородок на руку, и взглянул на меня.

— Почему ты такой грустный?

Я помотал головой. Только он различал мои черты и мог прочесть по ним настроение.

— Ты последовал моему совету? Я слышал шум.

— Mea maxima culpa.[51]

— И?..

Я, запинаясь, рассказал о том, что сделал, и об отказе Каменного Христа выйти к людям. Гигант выслушал внимательно, ни разу не перебив. Когда история подошла к концу, он встал, возвышаясь надо мной, и ткнул линейкой в сторону открытого портала.

— Ты видишь то, что находится там, снаружи? — спросил великан. Указка словно устремилась за пределы острова, пролетела над лесами к далекому зеленому горизонту.

Я ответил, что вижу, и застыл в ожидании продолжения. Учитель, казалось, опять глубоко задумался.

— Когда-то на месте деревьев стоял город. Туда тысячами приезжали художники, шлюхи, философы, ученые. И когда Бог умер, все ученые, шлюхи и художники не смогли удержать воедино расползающуюся ткань мира. Как ты думаешь, сумеем ли мы сделать это сейчас?

Мы?

— Решение о том, нужно нам действовать или нет, не должно определяться ожиданиями, — ответил я и посмотрел на него искоса, не скрывая удивления и замешательства. — Или должно?

— Может, Mortdieu — это знак того, что нас наконец отняли от груди. Теперь мы должны всего добиваться своими силами, переделывать мир самостоятельно. Что ты думаешь об этом?

Я слишком устал, чтобы оценивать его слова по существу, но на моей памяти гигант никогда не ошибался.

— Ладно, я соглашусь. И что?

— Каменный Христос сказал, что Его силы на исходе. Если Бог отлучил нас от старых привычек, то разве может Его Сын заменить нам материнский сосок?

— Нет…

Он скорчился рядом со мной, лицо его сияло.

— Я думал о том, кто действительно станет следующим. Выйдет вперед. Это очевидно. Не мы. Так кого же выберут, малыш?

— Меня? — последовал кроткий вопрос.

Великан посмотрел на своего ученика с жалостью.

— Нет, — сказал он через какое-то время. — Меня. Нас отлучили! — Он прошелся в танце, а потом убрал мои лапы, которыми я опять закрыл клюв. Я заморгал. Учитель схватил меня за обрубки крыльев и поднял на ноги. — Встань прямо. Расскажи мне все.

— О чем?

— Расскажи мне о том, что происходит внизу, и вообще обо всем, что тебе известно.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, — запротестовал

я, дрожа.

— Твердый как камень! — Ухмыляясь, гигант склонился надо мной. А потом усмешка исчезла, он постарался придать себе суровый вид. — Это тяжелая обязанность. Теперь мы должны переделать мир сами. Мы должны координировать мысли и мечты. Хаос никуда не годится. Какая возможность — стать архитектором целой вселенной! — Фома взмахнул линейкой к потолку. — Выстроить даже небеса! Прошлый мир был тренировочной площадкой со строгими правилами и ограничениями. А теперь нам ясно сказали, что с обучением покончено и мы готовы вступить во взрослую жизнь. Я рассказывал тебе о правилах архитектуры? Об эстетике? О необходимости гармонии, взаимодействия, полезности и красоты?

— Немного.

— Прекрасно. Не думаю, что процесс перестройки вселенной потребует лучших правил. Не сомневаюсь, что в ходе необходимых экспериментов один или два шпиля рухнут. Но теперь мы работаем на себя, ради нашего триумфа и вящей славы Господа, сотворившего нас! Не так ли, мой уродливый друг?

Как и многие прочие повествования, мое началось с частного, детального рассказа и неимоверно разрослось. Но, в отличие от большинства историков, я не могу тратить свое время в таком количестве. К тому же до конца моей истории еще очень далеко.

Вскоре легионы Виолле-ле-Дюка начнут свою кампанию. Большинство получили хорошее обучение: мы похищали детей с нижних уровней, растили на верхних и давали им образование, впервые опробованное на мне. И теперь они, один за другим, стали возвращаться в Собор.

Я иногда учу, иногда пишу, но наблюдаю — постоянно.

Сейчас нас ждет огромный шаг вперед, такого еще не бывало, и я понятия не имею, как мы его осуществим.

Гигант говорит: «Давным-давно крыша рухнула. Теперь нам нужно ее восстановить, укрепить, отремонтировать брусья. — В этот момент он улыбается даже зрачками. — Не просто отремонтировать. Заменить! Теперь мы — это балки. Плоть и камень, соединившись, стали гораздо, гораздо сильнее».

К сожалению, потом какой-нибудь тугодум обязательно поднимает руку и интересуется:

— А что, если наши руки устанут держать небо?

Как видите, наша задача еще очень далека от завершения.

ЛЬЮИС ШАЙНЕР
ПОКА ЛЮДСКИЕ ГОЛОСА НЕ РАЗБУДИЛИ НАС [52]

Первое свое произведение Льюис Шайнер опубликовал в 1977 году, и с тех пор из-под его пера выходили рассказы в различных жанрах: детектив, фэнтези, хоррор, научная фантастика. Однако именно первый роман Шайнера, «Frontera» («Граница»), появившийся в 1984 году, продемонстрировал его важную роль в художественной литературе Движения. В романе сочетаются классические черты «твердой» научной фантастики и наводящее ужас изображение постиндустриального общества начала XXI века. Неприкрашенный реализм этой книги и пренебрежительное обращение с фантастическими штампами вызвало много споров вокруг романа.

Произведения Шайнера характеризуются вниманием к деталям и тщательно продуманной композицией. Его безыскусный, ясный язык говорит о приверженности стилю «крутых боевиков» и таких писателей, как Элмор Леонард и Роберт Стоун, выбивающихся из литературного мейнстрима.

Шайнер, сын антрополога, увлекается необычными системами верований, например дзен-буддизмом, квантовой физикой и сравнительной мифологией. Хотя он обладает неограниченной фантазией, в последнее время для его работ характерны простота сюжета, реализм и растущий интерес к глобальной политике. В представленном ниже рассказе, написанном в 1984 году, мифические образы соседствуют с элементами антиутопии и изображением техногенного общества, образуя классический киберпанк.

Они находились на глубине сорока футов; солнечные лучи не проникали сюда. В небольшом круге света, отбрасываемом фонарем, Кэмпбелл мог разглядеть кормящиеся коралловые полипы: зазубренные «пальцы» их превратились в хищные цветки.

«Если нас и может что-то спасти, — подумал он, — то только эта неделя».

Фонарь Бет закачался — она, шевеля ластами, огибала морского ежа, ощетинившегося белыми лепестками. На ней было только бикини и белая футболка, хотя Кэмпбелл советовал ей одеться; он заметил, что бедра ее уже покрылись гусиной кожей. «Я видел обнаженной только эту часть ее тела… как долго? Пять

недель? Шесть?» Он уже не помнил, когда они в последний раз занимались любовью.

Кэмпбелл повел фонарем в сторону, и ему показалось, что во тьме мелькнула какая-то тень. «Акула», — подумал он, и горло его словно сжала ледяная рука. Он снова взмахнул фонарем — и увидел *ее*.

Когда на нее направили яркий свет, она застыла, словно дикое животное. Длинные прямые волосы плыли над плечами и исчезали в темноте; грудь была обнажена, овальные соски казались пурпурными.

Ноги сливались, образуя зеленый чешуйчатый хвост.

Кэмпбелл прислушался к своему хриплому дыханию в регуляторе. Он видел лицо с широкими скулами, светлые глаза, испуганно дрожащие жабры на шее.

Затем сработал рефлекс; он поднял свой «Никонос»[53] и нажал на кнопку. Огненная вспышка вернула ее к жизни. Она вздрогнула всем телом, развернулась, взмахнув хвостом, и исчезла.

Внезапно его охватила какая-то необъяснимая тоска. Он выронил фотоаппарат и бросился за ней, бешено колотя ногами, помогая себе обеими руками. Добравшись до края обрыва глубиной в сто футов, он помахал из стороны в сторону фонарем и мельком увидел ее в последний раз — она направлялась вниз и на запад. Затем она скрылась.

Он нашел Бет на поверхности; она дрожала от холода и ярости.

— Какого черта ты бросил меня одну, а? Я перепугалась до смерти. Ты разве не слышал, что тот парень говорил насчет акул…

— Я кое-что увидел, — ответил Кэмпбелл.

— Здорово, мать твою! — Она держала голову низко, и вода попала ей в рот. Она сплюнула и сказала: — И ты пошел посмотреть или просто убежал от меня?

— Жилет надуй, — произнес Кэмпбелл, чувствуя себя несчастным и одиноким, — а то захлебнешься. — Он развернулся и поплыл к катеру.

Кэмпбелл принял душ, вышел из бунгало и, расположившись в лунном свете, предался сомнениям.

Бет, завернувшись во фланелевую ночную рубашку, застыла на своем краю кровати. Кэмпбелл знал: она будет лежать так, даже не потрудившись притвориться спящей, пока он не уснет.

Кэмпбелла привели на этот остров грезы, видения,

наваждения, неотступно преследовавшие его. Как он мог быть уверен в том, что существо, виденное на рифе, — не галлюцинация?

Он говорил Бет, что им повезло с отпуском, что он уже несколько месяцев добивался его. На самом деле фантазии настолько отвлекали его от работы, что начальство просто приказало ему отправиться на остров или пройти полный курс психологического тестирования.

Кэмпбелл согласился, но перспектива поездки скорее пугала, чем радовала его. Яростные фантазии о том, как он разбивает монитор своего компьютера, сменились причудливыми, зловещими картинами: вот он выплывает из разбитого окна офиса, но не падает на тротуар с высоты сорока этажей, а продолжает парить среди белого смога.

Высоко над головой Кэмпбелл видел сверкающий логотип компании, похожий на монстра из хромированной стали, только что вылупившегося из личинки.

Он покачал головой. Ему явно нужно было поспать. «Всего одна ночь нормального сна, — сказал он себе, и все начнет налаживаться».

Утром Кэмпбелл вышел в море на катере ныряльщиков, пока Бет спала. Он был рассеян, чувствовал себя не в своей тарелке; его тревожили тени, прятавшиеся за пределами поля зрения.

Пока меняли баллоны, инструктор подошел к нему и спросил:

— Вас что-то беспокоит?

— Нет, — ответил Кэмпбелл. — Все нормально.

— В здешней части рифа нет акул, вы же знаете.

— Да не в этом дело, — возразил Кэмпбелл. — Все в порядке, правда.

Он разгадал выражение в глазах инструктора: очередной случай депрессии. «Наверное, компания отправляет нас сюда десятками», — подумал Кэмпбелл. Перетрудившиеся топ-менеджеры и жертвы зала заседаний совета директоров, все с одинаковым бессмысленным взглядом.

В тот день они погружались около небольшого затонувшего судна в восточной части острова. Бет плавала с еще одной женщиной, поэтому Кэмпбелл нырял со своим утренним партнером, лысеющим начальником из офиса в Цинциннати.

От судна осталась только оболочка, пустая скорлупа, и, пока остальные ползали по гниющему дереву, Кэмпбелл отплыл в сторону. Ему уже ничего не было нужно, он хотел только снова испытать ощущение невесомости, оказавшись в темноте, глубоко

под водой.

После ужина он следом за Бет вышел в патио. Он уже успел потерять счет времени, наблюдая за облаками, плывущими над темной водой, когда она вдруг произнесла:

— Мне не нравится это место.

Кэмпбелл перевел на нее взгляд. Она была гибкой, словно юная девушка, в своем белом льняном жакете с закатанными до локтя рукавами, влажные волосы, стянутые в узел, украшала орхидея. Бет мрачно разглядывала свой бокал с бренди с тех пор, как закончился ужин; снова Кэмпбелла поразило то, что она будто существовала в иной вселенной, отличной от его собственной.

— Почему?

— Здесь все фальшивое. Ненастоящее. Весь этот остров. — Она поболтала бренди в бокале, но пить не стала. — Как смогла какая-то американская компания завладеть целым островом? Куда делись люди, которые здесь раньше жили?

— Ну, во-первых, — начал Кэмпбелл, — это не только американская, это международная компания. И те люди по-прежнему здесь живут, только сейчас они получили работу, вместо того чтобы умирать с голоду. — Как обычно, Бет заставила его защищаться, но американизация острова не вызвала у него, против ожидания, чувства гордости. Он представлял себе местных, танцующих конгу под гитары, а не под магнитолы, из которых ревело электронное реггей и неофанк. Домик, где спали они с Бет, походил на купол, он был комфортабельно обставлен и оснащен кондиционером, но Кэмпбеллу не хватало шума прибоя.

— Мне просто не нравится это, и все, — повторила Бет. — Не нравятся секретные проекты, которые прячут за заборами из колючей проволоки. Не нравится компания, которая отправляет сюда людей в отпуск, как будто бросает кость собаке.

«Или соломинку утопающему», — подумал Кэмпбелл. Он, так же как и все остальные, интересовался тем, что находится в западной части острова, но дело, разумеется, было не в этом. Они с Бет исполняли одну за другой фигуры того танца, которому, как теперь понимал Кэмпбелл, неминуемо предстояло закончиться разводом. Каждый из их друзей был разведен хотя бы один раз, и восемнадцатилетний брак, верно, казался им таким же анахронизмом, как «шевроле» пятьдесят седьмого года выпуска.

— Почему бы тебе не сказать прямо? — возразил Кэмпбелл. — Единственное, что тебе на самом деле не нравится на острове, — это тот факт, что ты вынуждена сидеть здесь со мной.

Она поднялась, и Кэмпбелл, оцепенев от ревности, увидел, что взгляды всех мужчин вокруг устремлены на нее.

— Увидимся, — бросила она и ушла прочь, постукивая сандалиями, и все головы повернулись ей вслед.

Кэмпбелл заказал еще одно «Сальва-Вида» и стал смотреть, как Бет спускается с холма. Лестница была освещена японскими фонарями и обсажена дикими пурпурными и оранжевыми цветами. К тому времени как Бет добралась до пляжа и линии бунгало, она превратилась в тень, а Кэмпбелл допил почти все пиво.

Когда она ушла, он почувствовал какую-то пустоту и легкое головокружение. Он взглянул на свои ладони, еще сморщенные после целого дня, проведенного в воде, на порезы и синяки, оставленные тремя днями физической активности. Нежные руки, руки офисного сотрудника, «белого воротничка». Эти руки еще двадцать лет будут держать ручку или щелкать по клавиатуре, прежде чем взяться за пульт широкоэкранного телевизора.

Густое пиво со вкусом карамели начало действовать. Он потряс головой и отправился искать туалет.

Его отражение задрожало и растаяло в искривленном зеркале над раковиной. Он понял, что нарочно тянет время, не желая возвращаться в стерильную, прохладную атмосферу их бунгало.

И еще эти сны. Они стали хуже с того дня, как он приехал на остров, — каждую ночь они снились ему, живые, тревожащие. Он не помнил подробностей — лишь медленные, эротичные прикосновения к своей коже и чувство, как будто он плывет в прозрачной, кристально чистой воде, мечется в гладких, не вызывающих трения простынях. Он просыпался, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, член его был напряжен, в нем пульсировала кровь.

Он принес еще бутылку пива к себе за столик, но пить он не хотел; ему просто нужно было держать что-то в руках. Время от времени взгляд его останавливался на столике уровнем ниже; молодая женщина с довольно обыкновенной внешностью разговаривала с двумя мужчинами в очках и белых рубашках от вечерних костюмов. Он не мог понять, почему она кажется ему такой знакомой, пока она не наклонила голову с озадаченным выражением на лице — и тут он узнал ее. Узнал эти широкие скулы и светлые глаза.

Он услышал, как стучит его сердце. Значит, это была какая-то шутка? Женщина в костюме русалки? Но как же с жабрами у нее на шее? И как, бога ради, ей удалось так быстро скрыться?

Она поднялась, сделав извиняющийся жест. Столик Кэмпбелла стоял недалеко от лестницы, и он заметил, что,

выходя, женщина должна будет обязательно пройти мимо него. Не успев обдумать свои действия, он поднялся и загородил незнакомке дорогу со словами:

— Извините.

— Да?

«Отнюдь не красавица», — подумал он. Но его почему-то влекло к ней, несмотря на отсутствие талии и толстые, короткие ноги. Лицо ее казалось более старым и усталым, чем лицо женщины, виденной на рифе. Но ошибки случиться не могло — это была она.

— Я хотел… Позвольте угостить вас выпивкой, — сказал он и подумал: «Может, я просто схожу с ума?».

Она улыбнулась, и вокруг глаз возникли веселые морщинки.

— К сожалению, я не могу. Уже очень поздно, а завтра утром мне на работу.

— Прошу вас, — настаивал Кэмпбелл. — Всего пару минут. — Она смотрела на него с подозрением, но он видел, что она польщена, и понял, что она не привыкла к мужскому вниманию. — Я просто хочу с вами поговорить.

— Вы же не репортер?

— Нет, что вы. — Он поискал подходящие слова, желая успокоить ее. — Я работаю в компании. Хьюстонский офис.

Это пароль, подумал Кэмпбелл. Она села на стул Бет и произнесла:

— Думаю, пить мне больше не стоит. Я уже выпила достаточно.

Кэмпбелл кивнул и спросил:

— Значит, вы здесь работаете?

— Да.

— Секретаршей?

— Я биолог, — ответила она с едва заметной резкостью в голосе. — Меня зовут доктор Кимберли. — Он никак не отреагировал на имя, и она добавила, чтобы смягчить ответ: — Джоан Кимберли.

— Извините, — произнес Кэмпбелл. — Мне всегда казалось, что женщины-биологи — дурнушки. — Флирт шел легко. Она казалась ему красивой, как то существо на рифе: в той он разглядел некую рассерженную застенчивость и чужую, нечеловеческую чувственность — а в этой женщине они были скрыты глубже.

«Боже мой, — подумал Кэмпбелл, — я действительно делаю это, я пытаюсь соблазнить ее». Взгляд его скользнул по ее груди — он знал, как она выглядит под синей мужской рубашкой, — и при воспоминании об этом словно горячая волна захлестнула низ

его живота.

— Пожалуй, лучше мне все-таки выпить, — согласилась она. Кэмпбелл сделал знак официанту.

— Интересно, каково жить здесь постоянно, — сказал он, — видеть все это каждый день?

— Ко всему привыкаешь, — ответила она. — То есть иногда все же замечаешь эту невыносимую красоту, но потом погружаешься в работу, и жизнь продолжается своим чередом. Понимаете?

— Да, — пробормотал Кэмпбелл. — Очень хорошо понимаю.

Она позволила Кэмпбеллу проводить себя домой. Ее одиночество и уязвимость походили на духи с сильным, тяжелым запахом: они одновременно отталкивали его и неудержимо влекли.

Она остановилась у двери своего бунгало, тоже в виде купола, только оно располагалось высоко на холме, в роще пальм и бугенвиллей. Кэмпбелл чувствовал настолько сильное влечение, что буквально дрожал всем телом.

— Спасибо вам, — хрипло произнесла она. — С вами легко разговаривать.

Он мог бы развернуться и уйти, но не смог отказаться от нее. Он обнял ее, ее губы неловко шевельнулись. Затем она открыла рот, и язык ее с готовностью скользнул ему навстречу. Она распахнула дверь, не разрывая объятий, и они, чуть не упав на пол, ввалились в дом.

Он приподнялся на вытянутых руках, глядя, как она двигается под ним. Лунный свет, лившийся сквозь кроны деревьев, казался водянисто-зеленым, и кровать словно медленно захлестывали морские волны. Ее тяжелые груди качнулись, когда она изогнула спину, хрипло бормоча что-то. Крепко зажмурив глаза, она обхватила его ногами и стиснула, словно это был длинный раздвоенный хвост.

Незадолго до рассвета Кэмпбелл снял с себя ее безвольно повисшую правую руку, встал с постели и оделся. Когда он уходил, она еще спала.

Сначала он хотел вернуться в свой домик, но вместо этого решил взобраться на вершину гряды, образовывавшей скалистый хребет острова, и дождаться восхода.

Он даже не принял душ. Запах духов и тела Кимберли еще держался на его руках и внизу живота, словно стигматы секса. За восемнадцать лет брака Кэмпбелл впервые изменил жене:

окончательный, необратимый шаг к разрыву.

Он прекрасно знал всю эту риторику. Кризис среднего возраста и прочее. Наверное, он уже как-то видел Кимберли в баре и подсознательно запомнил ее лицо, а затем оно возникло в его фантазии с очевидной фрейдистской подоплекой: вода и перерождение.

В тусклом, неверном свете утра лагуна казалась серой, вдоль берега тянулось темное пятно барьерного рифа, кое-где прерываемое белыми шапками пены, похожими на чешуйки на коже океана. Сухие ветки пальм шуршали на ветру, сбивчиво щебетали просыпавшиеся птицы. Около одного из бунгало мелькнула чья-то тень; человек направился вверх по холму к шоссе, сгибаясь под тяжестью чемодана и дорожной сумки. Наверху лестницы, на асфальтированной стоянке, остановилось подъехавшее такси, и водитель погасил фары.

Если бы Кэмпбелл побежал, то смог бы ее догнать и, возможно, даже остановить, но этот смутный порыв почти сразу же исчез. Он остался сидеть на месте, пока солнце не начало жарить вовсю и глаза его уже были не в силах смотреть на воду и белый песок.

В северной части острова, на стороне, обращенной к материку, распласталась в грязи деревушка Эспехо, население которой полностью состояло на службе у курорта и компании. Ее пересекала грунтовая дорога, в колеях стояла вода с пятнами бензина. Дома из шлакоблоков на бетонных сваях и «форды», ржавеющие во дворах, напомнили Кэмпбеллу американские пригороды пятидесятых, какими они могли бы явиться ему в кошмарах.

Здесь жили местные, работавшие на кухнях компании и подметавшие полы компании, и их дети копошились в переулках, вонявших тухлой рыбой, или валялись в тени, швыряя камнями в хромых собак. Старуха продавала рубахи, похожие на мешки для муки или власяницы святого Франциска, развешанные на веревке, натянутой между сваями ее дома. Под навесом из гофрированного зеленого пластика были навалены кучи бананов; рой мух кружился над кусками говядины. В следующем здании находилась *farmacia*[54] с выцветшим желтым знаком «кодак», обещавшим «обслуживание в течение 24 часов».

Кэмпбелл моргнул, обогнул дом и зашел с заднего входа; внутри сидел мальчишка десяти или одиннадцати лет и читал *La Novela Policiaca.*[55] Положив книжку на прилавок, он спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Когда вы сможете это проявить? — спросил Кэмпбелл,

показывая ему пленку.

— *Mande?*[56]

Кэмпбелл ухватился за край прилавка.

— Сегодня будет готово? — медленно произнес он.

— Завтра. В это же время.

Кэмпбелл вытащил из бумажника двадцатку и положил ее на изрезанную столешницу.

— Как насчет сегодня вечером?

— *Momentito.* — Парень пощелкал клавишами компьютера. Этот сухой звук вызвал у Кэмпбелла отвращение. — Вечером, хорошо? — спросил мальчик. — *A las seis.* — Он прикоснулся к своим часам и пояснил: — В шесть.

— Идет, — ответил Кэмпбелл.

Купив за пять долларов бутылку «Канадиан Клаб», он вышел на улицу. Он чувствовал себя похожим на лист слабо тонированного стекла, солнце словно светило сквозь него. Разумеется, он поступил по-идиотски, доверив пленку пацану, но он чувствовал, что ему необходима та фотография.

Ему нужно было знать.

Он бросил якорь как можно ближе к тому месту, где они ныряли позавчера вечером. У него было два полных баллона и еще примерно полбутылки виски.

Нырять пьяным и в одиночку — это противоречило всем правилам, которые ему пытались здесь внушить, но мысль о простой смерти от утопления казалась Кэмпбеллу смехотворной, он даже не думал об этом.

Джинсы и фуфайка, в которых он обычно нырял, еще влажные и солоноватые после вчерашней ночи, душили его. Он быстро влез в костюм и перекатился через борт.

Прохладная вода оживила его, омыла. Выпустив воздух из жилета, он направился прямо ко дну. Он отупел от виски и бессонной ночи и несколько минут барахтался в песке, прежде чем обрести равновесие.

На краю обрыва он остановился, затем нырнул и поплыл вправо. Воздух расходовался слишком быстро; чем глубже он погрузится, тем больше кислорода ему понадобится.

Внимание его привлекла ярко-красная банка из-под кока-колы, застрявшая в коралловом кусте. Он смял ее и засунул за пояс, внезапно ощутив гнев на компанию, походя уничтожавшую остров, гнев на себя за то, что позволил им манипулировать собой, гнев на Бет за то, что она ушла от него, и на весь мир, и на человечество. Он с силой заработал ногами, разгоняя косяки мальков ставриды и синих хирургов и не замечая причудливого,

сверкающего всеми цветами радуги дна, проплывавшего под ним.

Это усилие немного отрезвило его, и он притормозил, размышляя о том, что надеется здесь найти. «Все бесполезно», — подумал он. Он гоняется за призраком. Однако он не повернул назад.

Он еще плыл, когда наткнулся на сеть.

Она была почти невидима — моноволокна, образующие квадраты размером фут на фут, — но достаточно прочна, чтобы удержать акулу или косяк морских свиней. Он попробовал разрезать ее зазубренной стороной ножа, но безрезультатно.

Кэмпбелл находился у западной части острова, где располагался исследовательский комплекс компании. Сеть, насколько он мог видеть, тянулась вдоль рифа и уходила дальше, в открытое море.

«Значит, она настоящая», — подумал он. Они натянули сеть, чтобы она не уплыла. Но как же она пробралась наружу?

Когда он в последний раз ее видел, она направлялась вниз. Он взглянул на манометр — в баллоне оставалось меньше пятисот фунтов воздуха. Достаточно для того, чтобы опуститься примерно на сто футов и сразу же подняться обратно. Самым разумным решением было вернуться на катер и взять новый баллон.

Но Кэмпбелл двинулся дальше.

Он плыл мимо сети; тонкие нити сверкали в свете фонаря. Они, казалось, росли прямо из кораллов, — как это было сделано, он представить себе не мог. Он постоянно переводил взгляд с глубиномера на сеть. Если опуститься глубже, чем на сто футов, то у него не только израсходуется кислород, но и начнется кессонная болезнь.

На стофутовой отметке он подключился к резервному баллону. Триста фунтов; обратный отсчет пошел. Красные кораллы исчезли, остались только синие и пурпурные. Вода стала заметно темнее, холоднее, с каждым вдохом воздух врывался в его легкие, словно гейзер. Еще десять футов, сказал он себе, и на цифре 125 увидел дыру в сети.

Баллон зацепился за нить, и Кэмпбелл, подавляя панику, отступил назад и попытался прорваться снова. Он уже чувствовал, как сжимаются его легкие, как будто он пытался дышать, закрыв рот куском полиэтилена. Ему приходилось видеть баллоны, из которых высосали весь воздух — стенки их были вогнуты; их находили на ныряльщиках, застрявших под камнями или запутавшихся в рыболовных сетях.

Баллон проскочил, и Кэмпбелл, высвободившись, устремился вверх вслед за пузырьками воздуха. Крошечный узелок в его

легких расширился, когда давление понизилось, но этого было недостаточно для того, чтобы он перестал задыхаться. Он втянул в легкие остатки воздуха из баллона и заставил себя выдохнуть, чтобы вывести из организма азот.

На глубине пятидесяти футов Кэмпбелл направился в сторону коралловой стены, завернул за угол и оказался в укромной лагуне.

На несколько бесконечных секунд он забыл о том, что у него кончился воздух.

Дно лагуны представляло собой ковер из зеленых прямоугольников — ламинарии, мхи, нечто, напоминавшее гигантскую капусту. Мимо него проплыл косяк красных луцианов, руководимый какой-то металлической коробочкой с длинной антенной, на конце которой мигал огонек. На дне океана работали подлодки с длинными, тонкими металлическими руками, прореживая посадки и загрязняя воду удобрениями. Два дельфина плыли в компании аквалангистов, и, казалось, животные разговаривали с людьми.

Почувствовав резкую боль в груди, Кэмпбелл развернулся к ним спиной и, изо всех сил колотя ногами, направился вверх, стараясь держаться как можно ближе к камням. Он хотел остановиться на минуту на глубине десяти футов, чтобы ослабить проявления кессонной болезни, но это было невозможно. У него кончился воздух.

Он вырвался на поверхность менее чем в ста футах от бетонного причала. За спиной у него тянулся ряд буев, отмечавших сеть, — он огибал дальнюю часть лагуны и уходил в море.

Над пустынной пристанью, жарившейся на солнце, поднимался пар. Лишившись кислорода, Кэмпбелл не мог вернуться обратно тем же путем, каким пришел; если бы он попытался плыть, его бы сразу заметили. Необходимо было найти другой баллон или другой выход.

Спрятав свое снаряжение под куском полиэтилена, Кэмпбелл пересек раскаленную бетонную площадку и пошел к расположенному за ней зданию — длинному, низкому складу, забитому деревянными ящиками. Слева на стене висели акваланги, и Кэмпбелл как раз направился к ним, когда раздался голос:

— Эй, ты! Стоять!

Кэмпбелл метнулся за кучу ящиков, увидел облицованный кафелем коридор, ведущий в заднюю часть здания, и бросился бежать. Но он успел сделать лишь три или четыре шага, когда откуда-то возник охранник в униформе и направил ему в грудь

револьвер тридцать восьмого калибра.

— Можете нас оставить.

— Вы уверены, доктор Кимберли?

— Все в порядке, — сказала она. — Если понадобится помощь, я вас позову.

Кэмпбелл скрючился в пластиковом стуле напротив нее. Офис был обставлен строго функционально, водонепроницаемые стены защищали помещение от плесени. Сквозь широкое окно за спиной Кимберли виднелась лагуна и ряд буев.

— Что вы видели? — спросила она.

— Не знаю. Видел нечто вроде огорода. Какие-то машины.

Она подвинула к нему фотографию, лежавшую на столе. На фото было изображено существо с женской грудью и рыбьим хвостом. Лицом «русалка» очень напоминала Кимберли, так что вполне могла оказаться ее сестрой.

Или клоном.

Внезапно Кэмпбелл понял, что у него серьезные неприятности.

— Мальчишка из аптеки работает на нас, — объяснила Кимберли.

Кэмпбелл кивнул. Конечно. Иначе откуда у него компьютер?

— Можете оставить фотографию себе, — сказал он, моргнув, чтобы стряхнуть с ресниц каплю пота. — И негатив.

— Давайте смотреть на вещи реально, — произнесла она, пощелкав клавишами компьютера и взглянув на экран. — Даже если мы оставим вас на работе, нам вряд ли удастся сохранить ваш брак. А у вас еще двое детей, необходимо платить за их обучение… — Она покачала головой. — Вы владеете важной информацией. Есть очень много людей, которые готовы за нее заплатить, а вами легко манипулировать. Мы не можем рисковать, мистер Кэмпбелл. — Она словно излучала боль и предательство; он чувствовал стыд, ему хотелось спрятаться, уползти от нее.

Она поднялась и взглянула в окно.

— Здесь мы строим новое будущее, — продолжала она. — Будущее, которое пятнадцать лет назад мы не могли даже представить себе. Это слишком ценная вещь, чтобы позволить одному человеку все испортить. Пища в изобилии, дешевая энергия, доступ к компьютерной сети по цене телевизора, новая форма правительства…

— Я видел ваше будущее, — перебил ее Кэмпбелл. — Ваши катера погубили риф вокруг отеля. Ваши банки из-под кока-колы засорили кораллы. Ваши браки распадаются, ваши дети

становятся наркоманами, ваше телевидение — дерьмо. Я обойдусь без него.

— Вы видели мальчишку в аптеке? Он изучает интегральное исчисление, а его родители не умеют ни читать, ни писать. Мы испытываем на людях вакцину, которая, возможно, поможет излечить лейкемию. У нас есть лазерная хирургия и технологии трансплантации, способные буквально совершить революцию в медицине.

— Значит, *она* именно так появилась на свет? — спросил Кэмпбелл, указав на фотографию.

Кимберли понизила голос.

— Это результат нескольких процессов, разве вы не понимаете? Для получения трансплантатов нам необходимо было клонировать клетки донора. А для клонирования — провести манипуляции с генами…

— Они клонировали ваши клетки? Для эксперимента?

Она медленно кивнула.

— Но произошло нечто непредвиденное. Она росла, но перестала развиваться, нижняя часть тела осталась такой же, как у эмбриона. Нам ничего не оставалось, кроме как… воспользоваться ситуацией.

Кэмпбелл вгляделся в фотографию. Нет, это не романтическое мифологическое существо, как ему показалось сначала. В резком свете вспышки хвост казался восковым, плавники явственно напоминали недоразвитые ноги. Он уставился на изображение с отвращением и любопытством.

— Вы могли позволить ей умереть.

— Нет. Она принадлежит мне. У меня мало что есть на этом свете, и я не смогла с ней расстаться. — Кимберли стиснула руки в кулаки. — Она довольна жизнью, она понимает, кто я такая. Думаю, она даже по-своему любит меня. — Она смолкла, уставившись в пол. — Я одинока, Кэмпбелл. Но вам, разумеется, это известно.

У Кэмпбелла пересохло во рту.

— А что будет со мной? — хрипло выговорил он и с трудом сглотнул ком в горле. — Вы убьете меня?

— Нет, — ответила она. — Вас я тоже не хочу убивать…

Кэмпбелл устремился к изгороди из сети. Он плохо помнил, куда нужно плыть, и с трудом смог собраться с мыслями, но постарался представить себе ту дыру в ограждении и открытое море за ней. Он легко достиг глубины в сто двадцать футов; прохладная вода струилась вдоль его обнаженного тела; это было приятное чувство. Он пробрался в дыру и медленно поплыл прочь

от шума и вони острова, направляясь к некоему туманному видению — обители мира и вечного покоя.

Жабры его медленно шевелились.

ДЖОН ШИРЛИ
СВОБОДНАЯ ЗОНА [57]

Джон Ширли часто первым осваивал фронтир, куда затем подтягивались в количестве и прочие киберпанки. Как рок-музыкант он был одним из активнейших виновников панк-взрыва на Западном побережье. Как плодовитый писатель, автор романов «City Come A-Walkin'» («И пришел город») и «The Brigade», а также хоррор-буффонады «Cellars», Ширли известен своей безудержной сюрреалистической образностью и поистине визионерской фантазией.

Повесть «Свободная зона» — сюжетно независимый отрывок из новейшего сочинения Ширли, трилогии «Eclipse», в которой рисуется головокружительная панорама близкого будущего: поп-музыка, политика и паранойя смешиваются в хай-тековской борьбе за выживание. Ширли всегда был первопроходцем, всегда имел широкое влияние в андеграунде, и не исключено, что его обращение к таким глобальным вопросам спровоцирует новую волну радикально политизированной фантастики.

Джон Ширли в настоящее время живет в Лос-Анджелесе и выступает со своей группой.

Свободная зона дрейфовала в Атлантике — поплавок в прибое межнациональных культурных потоков. Город стоял на якоре в сотне километров к северу от Сиди-Ифни, сонного городка на побережье Марокко, омываемый теплым и нежным течением. Эту часть океана редко тревожили сильные штормы. Те, что добирались, рассеивали свою мощь в лабиринте бетонных волноломов, которые долгие годы возводил вокруг искусственного острова местный Админ.

Поначалу Свободная зона представляла собой лишь очередную буровую платформу морского базирования. Довольно значительное нефтяное месторождение, располагающееся на глубине четверти мили под искусственным островом, до сих пор было вычерпано лишь на четверть. Платформой совместно владели правительство Марокко и техасская нефтеэлектронная компания «Текскорп». Та самая, которая купила Диснейленд, Диснейуорлд и Диснейуорлд-2. Все вышеназванные закрылись после ЦЭД — Цифро-Электронной Депрессии, также называемой Критическим Исчезновением.

Группа арабских террористов — по крайней мере, так заявил американский МИД — организовала взрыв небольшой

водородной бомбы на борту рядового орбитального шаттла. Шаттл и два спутника — один из них с экипажем — испарились в ту же секунду, но, когда пошла волна ЦЭД, нашлись дела поважнее, чем плач по жертвам космоса.

Орбитальная диверсия чуть было не вызвала апокалипсис: три запущенные крылатые ракеты успели выполнить команду на самоподрыв, а еще две, к счастью, были сбиты Советами за то время, пока террористы еще не взяли на себя ответственность. Большая часть энергии взрыва была направлена в космос, на Землю пошел лишь побочный продукт — ЭМИ. Электромагнитный импульс, как было предсказано еще в 1970-х, пробежал тысячи миль по проводам и микросхемам континента, над которым взорвалась бомба. Министерство обороны было защищено от подобных неприятностей, но финансовая система по большей части нет. Импульс стер 93 процента информации недавно сформированного Американского комитета по урегулированию банковской деятельности, который проводил 76 процентов национальных денежных переводов. Б*о*льшая часть сделок совершалась через АКУБД или аффилиированные с ним компании… до тех пор, пока ЭМИ не вычистил все данные. Импульс создал такую перегрузку в цепях, что они просто выплавились, буквально поджарив элементы памяти. И подорвав таким образом фундамент американской экономики. Сотни тысяч банковских счетов оказались заморожены до той поры, пока не восстановится информация, а непострадавшие финансовые учреждения накрыло волной панических изъятий. Страховые компании и Федеральную программу страхования просто смело. Они оказались не в состоянии покрыть убытки.

США к тому времени и так находились в сложном положении. Страна потеряла экономическое лидерство в 1980-х — 1990-х: плохо обученные, обладающие недостаточными профессиональными навыками рабочие; жадные, погрязшие в коррупции профсоюзы; низкое качество производства — все это предрешило поражение экономики США в конкурентной борьбе с азиатским и южноамериканским бумом. Вызванное ЭМИ разрушение кредитной системы отбросило страну, балансировавшую на грани рецессии, в пучины депрессии. Остальной мир только обрадовался. Ответственная за взрыв арабская террористическая ячейка, состоявшая из ярых исламских фундаменталистов, насчитывала лишь семь членов. Великолепная семерка, повергшая страну в хаос.

Но Америка все еще могла похвастаться значительным военным присутствием по всему миру, инновациями в области медицины и электроники. Экономика военного времени держала

ее на плаву, словно больного раком, который на амфетаминах испытывает последний прилив сил. Бесконечные торговые и жилые площади, выстроенные задешево и требующие постоянного ухода, ветшали день ото дня, становясь все более жалкими и уродливыми. И все менее безопасными.

Обеспеченным людям жить в Штатах стало рискованно. Курорты, парки отдыха, эксклюзивные кварталы для богатых — все приходило в упадок от непрекращающихся забастовок и террористических атак. Растущей с 1980-х массе бедняков пришлись не по вкусу развлечения богачей. А игравший роль буфера средний класс таял не по дням, а по часам.

На территории США сохранились места, где все еще можно было потеряться в медийном карнавале, позволить себе увлечься объектами желания, телевизионной версией Американской Мечты; десятки тысяч компаний пытались там привлечь к себе внимание, умоляли делать покупки снова и снова. Огороженные стенами города-государства иллюзий среднего класса.

Но богатые уже поняли, что вот-вот королевство падет. Они перестали чувствовать себя в безопасности. Им нужно было перебраться куда-нибудь туда, где все по-прежнему находится под контролем. Европа к тому времени вышла из игры. Центральная и Южная Америка — слишком рискованно. На Тихом океане тоже воевали.

Вот тогда и вспомнили о Свободной зоне.

Один техасский предприниматель, который предусмотрительно не держал денег в АКУБД, оценил возможности сообщества, выросшего вокруг комплекса буровых установок. Ожерельем из ярких побрякушек публичных домов, галерей игровых автоматов и кабаре окружили поставленные на якорь допотопные посудины. Две сотни уличных девок и три сотни крупье обслуживали интернациональный коллектив, который, в свою очередь, обслуживал буровые установки. Предприниматель договорился с марокканским правительством. Он выкупил и ржавые суда, и матросские бордели, а потом всех уволил.

Техасец владел химической компанией, разработавшей особо прочный и легкий пластик. Из него-то предприниматель и собрал плавучие платформы, на которых возвел новый город: семнадцать миль застроенных понтонов, находившихся под охраной одной из самых крутых служб безопасности в мире. Свободная зона предоставляла эксклюзивные развлечения богатым в соответствующем секторе, который был опоясан заведениями эконом-класса, предназначенными для технарей с буровых установок. Там околачивались разнообразные полулегальные

прихлебатели и несколько сотен исполнителей.

Вроде Рикенхарпа.

Рик Рикенхарп стоял, опираясь о южную стену клуба «Полупроводник», в отблесках света и отзвуках музыки и придумывал песню. Получалось что-то вроде: «Отблески света в оглушающем гуле, / Я ностальгирую на электрическом стуле».

«Что за ебаная чушь?» — подумал он, стараясь выглядеть хладнокровным и в то же время уязвимым, дабы хоть одна из шныряющих в толпе телок, вспомнив, как он выступал с группой прошлой ночью, подошла бы с ним поболтать, разыгрывая из себя фанатку. Но телки все больше увлекались танцорами-подключенцами.

Рикенхарп же никоим, блин, образом не собирался косить под минимоно.

Рикенхарп предпочитал рок-классику, носил черную кожаную косуху примерно пятидесятипятилетнего возраста, которая, как гласила молва, принадлежала Джону Кейлу,[58] когда тот еще играл в *«Velvet Underground»*. Швы уже начали расползаться, несколько хромированных заклепок отколупнулось. На локтях и воротнике черная краска протерлась до коричневой шкуры животного, из которой куртка была сшита. Но эта косуха стала Рикенхарпу чем-то вроде второй кожи. Под нею он ничего не носил. Его костлявая, безволосая, нездорового бело-голубого цвета грудь проглядывала из-под сломанных молний. Он был одет в синие, всего десяти лет от роду джинсы, выглядевшие старше куртки, и настоящие ботинки «Харли Дэвидсон». По большим чуть оттопыренным ушам расползлись кусты сережек, а ржаво-коричневая шевелюра напоминала разрыв снаряда.

Еще он носил темные очки.

И все потому, что такой прикид выглядел вопиюще немодным.

Группа донимала его по этому поводу. Им хотелось, чтобы ведущий гитарист и вокалист походил на минимоно.

— Минимоно? Так нужно, на хрен продать гитары и подключиться, — ответил им на это Рикенхарп.

— Ёпта, чувак, так, может, нам стоит подключиться? — Барабанщик был достаточно туп и бестактен, чтобы сказать такое.

— Может, нам стоит купить вместо тебя, тупого неандертальца, гребаную драм-машину? — Тут Рикенхарп выбил из под Марча стул, так что тот упал, зазвенев тарелками. Тогда Рикенхарп добавил: — Надо тебе на сцене извлечь из них такой же клевый звук. Теперь мы знаем, как это делается.

Марч хотел было кинуть в Рикенхарпа барабанные палочки,

но вспомнил, что их придется потом вытачивать на заказ, поскольку новых больше не делают, и, ограничившись тирадой:

— Поцелуй меня в задницу, начальник, — встал и вышел вон.

Не в первый раз уже, но серьезное намерение подкрепляло базар — в первый. Лишь дипломатические усилия со стороны Понса предотвратили уход Марча из группы.

А все началось со звонка их агента. От этого все пошло. Агентство решило оптимизировать репертуарную политику. Рикенхарп оказался вне игры. Два последних альбома не продавались, — собственно, инженеры предупреждали, что живые барабаны плохо звучат на миниатюрных капсулах, заменивших теперь пластинки. Видеоклипы и стереопромо Рикенхарпа в медиасеть не пускали.

По-любому, похоже, «Вид-Ко» сдавала позиции. Еще одну фирму поглотила черная дыра депрессии.

— Мы не виноваты, что продажи ни к черту, — вещал Рикенхарп. — Фанаты у нас есть, просто с дистрибуцией проблемы.

— Херня, — возразил Хосе, — мы давно выпали из обоймы. Да и раньше держались только на волне ностальгии. Больше двух хитов на ретрухе не вытянуть, чувак.

Хулио, басист, добавил на технарском жаргоне такую глупость, что Рикенхарп даже не удосужился перевести, — снова про то, чтобы нанять солистом танцора-подключенца. Отсутствие реакции обидело Хулио, теперь и он решил выйти вон. Эти технари — такие гребаные неженки, что ты!

В итоге группа оказалась в подвисшем состоянии. Поезд остановился посреди перегона. Их подписали на разогрев перед подключенкой, Рикенхарп был против, но контракт обязывал, а на Свободной зоне осталось достаточно фанов, ностальгировавших по классическому року. Их аудитория, что там ни говори, — перед нею были определенные обязательства, хотя бы показать подключенной публике небо с овчинку.

Рикенхарп оглядел «Полупроводник» и пожалел, что «Ретро-клуб» закрылся, — там сохранялась правильная атмосфера, даже рокабилли играли. У некоторых даже получалось похоже на настоящее рокабилли. А «Полупроводник» — площадка для минимоно.

Минимоно носили длинные, абсолютно прямые, жесткие волосы, расходящиеся веером между лопаток, а над головой — сужающиеся на конус, этакий вигвам, черный, белый, красный или серый. Никаких других цветов, никаких полутонов. Одежда стилистически продолжала прическу. Минимоно появилось как реакция на стиль вспышки. И конечно, на хаос, вызванный

войной, на военную экономику, на аморфные подвижки виртуальной Сети. Вспышка сходила на нет, умирала.

К модникам Рикенхарп относился с презрением, но все же предпочитал вспышку минимоно. Во вспышке была хотя бы энергия.

Вспышка возникла как продолжение нонконформистских, контркультурных стилей второй половины двадцатого века. Адепты вспышки поднимали волосы как можно выше над головой, старались всячески подчеркнуть индивидуальность и оригинальность. Чем больше расцветок, тем лучше. Ты не личность, если твоя вспышка не экспрессивна. Винтом, крючком, нимбом, многослойным разноцветным клубком. На салонах причесок для вспышек делались состояния — они же терялись, когда мода прошла. Продержалась она дольше других в силу своего необыкновенного разнообразия и энергетической притягательности. Порой люди избегали придумывать для себя неповторимый стиль, заимствуя стандартную политическую разновидность вспышки: сделай из волос символ одной из понравившихся тебе угнетенных стран третьего мира (в то время, до формирования новой торговой оси, таковые еще существовали). Стиль доставлял так много хлопот, что некоторые предпочитали надевать соответствующий парик перед выходом в свет. Наркотики также были модифицированы, дабы держаться в струе. Возбуждающие нейромедиаторы всех видов: антидепрессанты, колеса, от которых ты словно начинал сиять. Вспышки побогаче покупали себе нимбообручи, источавшие искусственное северное сияние. Вспышки-хипстеры считали подобные примочки безвкусно-нарциссическими: смешно, поскольку все поклонники направления отличались изрядной самовлюбленностью.

Рикенхарп никогда не красил и не укладывал свои волосы, разве что поощрял их панковскую шиповатость.

Но Рикенхарп не был панком. Он ассоциировал себя с предпанковским периодом: поздними 1950-ми, 1960-ми, ранними 1970-ми. Рикенхарп был анахронизмом, настоящим, до мозга костей, рокером, так же неуместным в «Полупроводнике», как бибоп[59] на дискотеке 1980-х.

Рикенхарп оглядывал однотонно-черные и однотонно-серые плащи и спортивные костюмы, черные телефоны на запястьях, все одинаковое, словно печенье из формочек, унифицированный окрас кожи, стандартные серьги в форме колонии «1Шаг» (обязательно по одной и обязательно — в левом ухе). Говорят, что минимоно, фетишисты высоких технологий, так же мечтают о месте в орбитальной колонии, как растаманы когда-то мечтали об

Эфиопии. Рикенхарпа смешило, что Советы установили блокаду колонии, как и то, что обычно пассивные, бесцветные минимоно, тихонько балдеющие себе на амфетатранках, вдруг собираются в группы и гневно перешептываются насчет Советов почему, мол, никто не остановит это безобразие?

Отупляюще-монотонный ритм консервированной музыки сотрясал потолок, отскакивал от стен. Если к ним прислониться, спиной можно было прочувствовать сверлеж.

Сюда дерзнуло прийти несколько отважных вспышек, именно они представлялись Рикенхарпу наиболее вероятными кандидатурами для интимного знакомства, поскольку обычно с уважением относились к старому доброму року.

Музыка смолкла, голос объявил: «А теперь — Джоэль Новая Надежда», — и прожектор осветил сцену. Сейчас выйдет первый подключенец. Рикенхарп взглянул на часы: десять. Основное представление, перед которым ему выступать на разогреве, начнется в одиннадцать тридцать. Рикенхарп представил себе, как пустеет клуб в момент его выхода на сцену. Не для него этот клуб. Но может быть, толпа разбавится к тому времени, другие люди подтянутся. Совсем бы не помешало.

Подключенец по имени Новая Надежда выскочил на сцену: анорексичный, половые признаки удалены хирургически: радикальный минимоно, что подчеркивалось его наготой, — одет в серо-черную аэрозольную облипку. «Интересно, как парень отливает? — задумался Рикенхарп. — Может, через ту вон складочку в паху?» Танцующий манекен. Вся его сексуальность была сосредоточена в хромированном затылочном электроде, который активировал мозговые центры удовольствия во время еженедельного узаконенного катарсиса. Такой худой… кто его знает, может, ходит в подпольную церебростимуляторную подключаться к импульсному генератору? Хотя минимоно обычно строго следовали закону и порядку.

Кабели, подключенные к рукам, ногам и торсу Новой Надежды вели к импульсному преобразователю, вмонтированному в сцену, так что минимоно был похож на марионетку. Но на самом деле он был кукловодом. Сокращения мышц его рук, ног и торса преобразовывались в долгие скорбные вопли из скрытых колонок. «Неплох он для минимоно», — снисходительно подумал Рикенхарп. Можно было даже мелодию, вызванную его танцем, различить. Музыка была более сложной, чем обычно у M&M… Тем временем толпа выстроилась в геометрическом порядке и принялась отплясывать нечто среднее между диско и народным танцем. Калейдоскоп в стиле Басби Беркли[60] строго подчинялся формулам, которые ты должен был

вызубрить, если решился участвовать в процессе. Попробуй только выразить себя фристайлом среди этой сплоченной хореографической постановки, как неприкрытое социальное отторжение, выраженное через язык тела, дохнет на тебя арктическим ветром.

Когда-то Рикенхарп любил, чисто ради прикола, вывернуться кислотным танцем посреди строя минимоно, насладиться ненавистью. Но группа заставила его прекратить: «Не отвращай аудиторию на выступлении, чувак. Может быть, на последнем…»

Подключенец выпилил похожий на волыночный рифф поверх записанного ритма. Стены ожили.

Правильный рок-клуб образца 1965-го ли, 1975-го ли, 1985-го ли, 1995-го ли, 2020-го ли года должен быть узкой и темной норой, вызывающей клаустрофобию. Стены должны быть либо уныло однотонными — черно-зеркальными, например, — либо кричаще — яркими. Кэмповость, скрещенная с тем, что на данный момент считается авангардом, или с цветастым граффити.

«Полупроводник» совмещал тот и другой подход. Стеклянно-черный минимализм по ходу концерта начинал играть яркими, гипнотическими красками — стены реагировали на музыку вспышками цвета, осциллографическими синусоидами, сине-белыми полутонами, отображающими высокие звуки, и пурпурно-красными на басах и перкуссии. Минимоно недолюбливали активные стены, считая их видеокичем.

Пока танцора кидало по сцене, Рикенхарп неприязненно его разглядывал, пытаясь оценить объективно, и успокаивал себя: «Это всего лишь новый вид рок-н-ролла». (Так христианин, наблюдающий буддистский обряд, повторяет: «Очередное проявление Единого для всех Бога») «Но настоящий рок — лучше. Настоящий рок еще вернется», — добавил бы Рикенхарп любому, кто хотел его слышать. Однако никто не хотел.

Тут вошла хаотичка, и чувство одиночества покинуло Рикенхарпа.

Хаотисты гораздо ближе к настоящим рокерам. Она была выбрита наголо, а виски — раскрашены. Юбка из сотен ярких полосок синтетики, приторочeнных к кожаному поясу, напоминала гавайскую, у которой к поясу пришивают длинные листья травы. Нагие груди, соски проткнуты тонкими шурупами. Минимоно смотрели на нее с отвращением: ханжи считали, что привлекать внимание к интимным частям тела не следует. В ответ она широко улыбалась. Миловидное семитское личико было все в мазках краски, наложенная косметика более всего напоминала радикально абстрактное искусство. Зубы ее были подточены.

Рикенхарп сглотнул, оглядывая вошедшую. Черт побери — в точности его тип!

Вот только… вот только с уха у нее свисала нюхательная трубка, сниффер. Перевернутый вопросительный знак цеплялся одним концом за правое ухо, а другим вел к правой ноздре. То и дело она наклоняла голову и вдыхала еще чуть-чуть голубого порошка.

Рикенхарп отвернулся и неслышно выматерился.

Когда-то он написал песню под названием «Попытка соскочить».

С голубого меска, синтококса, героина, амфетоморфина, иксти-2; он все больше вмазывал по-первому. Подсесть на голубой меск было легче легкого, но он был так хорош…

Голубой меск иногда называли голубогом. Все лучшее от мескалина и кокаина, вместе взятых, в сладкой желатиновой оболочке куаалюда. Но, в отличие от кокса, без особых отходняков. Вот только… вот только, если прекратить его принимать после долгого употребления, жизнь теряет весь смысл. Как таковой, ломки нет. Лишь глубочайшая депрессия и чувство безысходности оседают как пыль и, кажется, пропитывают каждую клетку тела. Не так, как после кокса, но…

Но некоторые называли голубой меск «билетом на суицид».

Употребляя его, можно было почувствовать себя шахтером при просадке тоннеля: как будто тебя похоронили.

Рикенхарп прошел курс лечения, оплаченный его родителями: все деньги от своего единственного хита он растранжирил на голубога и травку. Он едва соскочил. И совсем недавно, перед тем как начались разногласия в группе, снова почувствовал, что жизнь чего-то стоит.

От вида проходящей мимо девушки с трубкой, от того, как она нюхнула, Рикенхарпа так проняло, как будто что-то вдруг напомнило об утраченной любви. Синдром отказника. Чувство боли и вины за измену своему веществу.

Он вспоминал нежный щепоток наркотика в ноздрях, сладковатый медицинский привкус на нёбе или, если пустить по вене, пульсирующий взрыв соматического, как женские губы на половом члене, удовлетворения. Аутоэротический удар голубого меска. Воспоминания приносили с собою тень того чувства, призрак безумия. В памяти остались вкус, фактура, запах… Один только взгляд на то, как она употребляет, принес с собою сотни радужных образов. Почти непреодолимое желание. (В то время как слабый внутренний голос изо всех сил пытался привлечь его внимание, предупредить: «Эй, вспомни, как это дерьмо толкало тебя к самоубийству, когда заканчивалось; вспомни эту

неестественную самоуверенность, грубость; вспомни, как оно грызло тебя изнутри…» — слабый, удаляющийся голос.)

Девушка взглянула на него, в ее глазах промелькнуло приглашение.

Слабый голос стал громче, почти прокричал:

«Рикенхарп, если ты подойдешь к ней, пойдешь с ней, то в конце концов опять подсядешь».

Он отвернулся, внутри все колыхнулось от боли. Проковылял, омываемый волнами света и одинаковых людей, в гримерную. К гитарам, наушникам — в надежный мир звука.

Рикенхарп слушал залитую в ушной колпачок коллекционную запись *«Velvet Underground»* 1968 года. Композиция называлась «White Light / White Heat». Гитаристы откалывали такие фортели, что, услышав их, барон Франкенштейн молвил бы: «Воистину есть вещи, которые человек не должен познать». Рикенхарп засунул колпачок чуть поглубже, чтобы вибрация проникала в ушную кость, чтобы все нутро трепетало под гитарные аккорды. Видео себе в визор он подобрал соответствующее: документалку про художников-экспрессионистов. Слушать «вельветов», так под Мунка,[61] чувак!

Тут Хулио пальцем коснулся его плеча.

— Счастье так скоротечно, — пробормотал Рикенхарп, отодвигая визор.

Устройство походило на некогда популярное у врачей зеркальце на резинке, но экран, который опускался перед глазами, был прямоугольным, как автомобильное зеркальце заднего вида. Некоторые визоры шли в комплекте с миникамерой и реалсимом. Последний носили на спине, вплотную к коже, вроде корсета. Камера запечатлевала изображение улицы, по которой вы идете, и передавала его реалсиму, который соответствующим образом покалывал кожу на спине. Мозг анализировал данные и собирал из них грубую картинку окружающего. Разработано это устройство было еще в 1980-е для слепых. Теперь оно использовалось видеоманьяками, которые ходили пешком или водили машину с визором на глазах, одновременно смотря телевидение и рефлекторно управляя своим движением с помощью реалсима. Экран блокировал зрение, но при этом двигаться удавалось, не особенно врезаясь друг в друга. Рикенхарп реалсима не носил, ему пришлось повернуться к Хулио и взглянуть тому в глаза:

— Что тебе?

— Чердеть, — невнятно пробормотал басист. «Через десять» на технарском жаргоне. Им выходить через десять минут.

Хосе, Понс, Хулио, Марч: ритм-гитарист и второй вокалист, клавишник, басист, барабанщик.

Рикенхарп кивнул и потянулся было вернуть визор на место, но Понс щелкнул переключателем гарнитуры. Изображение сузилось в точку, словно световое пятно за уходящим в туннель поездом, Рикенхарп почувствовал, как внутри его что-то сжимается столь же стремительно. Он знал, что последует далее.

— Ладно, — вздохнул он, — что еще?

В гримерной, где они расположились, стены были расписаны до черноты. В гримерных всех рок-клубов стены расписаны, освежеваны, исхлестаны надписями до черноты. Тут и декларации вроде «ПАРАЗИТЫ РУЛЯТ», и задорный вздор вроде «СИМВИОЗ 666 ТУТ ЗАТРАХАЛСЯ ДО СМЕРТИ» и народный экзистенциализм вроде «БРАТАНЫ-АЛКАЛОИДЫ ЛЮБЯТ ВСЕХ, НО ПОЛАГАЮТ: ЛУЧШЕ БЫ ВЫ СДОХЛИ», и загадки вроде «СИНХб6 ГОТОВ». Как будто узоры на смятой газете. Слой за слоем. Палимпсест. Галлюцинация на тему движения электронов в коре головного мозга.

Из-под граффити кое-где проглядывали куски нетронутой стены — прессованный картон, покрытый слоем серой краски. Только и места, чтобы втиснуться всей рикенхарповской группе, кому — на кухонных стульях с отломанными спинками, кому — на трехногом офисном кресле. Промеж всего этого были навалены футляры с инструментами: углы облуплены, кожзаменитель по-отклеивался, половина застежек сломана.

Рикенхарп по часовой стрелке оглядел собравшихся, фиксируя выражения лиц: слева — Хосе, в глазах его боль, круги под глазами гармонируют с гроздью сережек в ушах; на голове — тройной ирокез, центральный гребень — красный, по бокам — белый и синий; на левом указательном пальце — кольцо из дымчатого хрусталя, под цвет — и он прекрасно это знал — его мутно-янтарных глаз. Рикенхарп и Хосе были близки, а сейчас смотрели друг на друга с осуждением и обидой, какая порой возникает между любовниками, хотя любовниками они никогда не были. Хосе не устраивало то, что Рикенхарп не хотел меняться, ставил собственные музыкальные пристрастия выше выживания группы. Рикенхарпа не устраивало то, что Хосе планировал использовать подключенку, — это, по мнению Рикенхарпа, в корне меняло характер группы, — и то, что Хосе был готов им, Рикенхарпом, пожертвовать. Заменить его на подключенца. Они оба знали болевые точки, но ни разу не обсуждали их вслух — это было бы некруто. Чувства транслировались привычными полунамеками. Сейчас Хосе излучал плохие новости. Голова наклонена, как будто шею сломали, глаза тусклые.

Понс и вовсе стал минимоно, по крайней мере на вид, — как-то они уже сильно поскандалили на эту тему. Худощавый и остролицый, он с головы до ног, включая волосы и кожу, перекрасился в корабельно-серый цвет. В клубном дыму он порой растворялся напрочь.

Сквозь серебряные контактные линзы он разглядывал свое отражение в десяти кривых зеркалах серебристых ногтей. Полный мрак.

Хулио. Этот любил собачиться с Рикенхарпом и хотел перемен. Да, до определенной степени он верен Рикенхарпу, но по сути — конформист. На словах будет за Рикенхарпа, но подчинится большинству. Его густые черные пуэрториканские волосы корабельным штевнем вздымались над головой. Женственный профиль, длинные дамские ресницы. В ухе — сережка, серебряный гвоздик; черная кожаная ретро-рокерская куртка, как у Рикенхарпа. Хулио крутил на пальце кольцо-печатку с оскалившимся черепом, ухмыляясь тому в ответ и делая вид, что очень обеспокоен, не шатается ли один из череповых глаз, рубиново-красная стекляшка.

Марч был крепким парнем с ровным ежиком волос на голове. Посредственный барабанщик, но барабанщик — разновидность музыканта фактически вымершая.

— Марч уникален, как птица дятел, — изрек однажды Рикенхарп, — и не только это роднит его с дятлом.

Марч носил очки в роговой оправе и качал на колене бутылку бурбона «Сазерн камфорт», которая являлась полноценной частью его имиджа, наряду с ковбойскими ботинками. Так, по крайней мере, он сам считал. Марч глядел на Рикенхарпа с нескрываемым — за отсутствием мозгов, чтобы притушить эмоции, — презрением.

— Отъебись, Марч, — проворчал Рикенхарп.

— Чё? Я же ничего не сказал.

— Тебе и не нужно. Я твои мысли нюхом чую. В рот себе их засунь, педрило! — Рикенхарп встал и оглядел остальных. — Я знаю, что у вас на уме. И прошу у вас только одного — хорошо порубиться напоследок. Потом делайте что хотите.

Напряжение вспомнило о своих крыльях и покинуло собрание.

Рикенхарп почувствовал, что другая птица влетела в комнату — громовержец.[62] Помесь наивной картинки из вигвама и хромированного «форда». Она распростерла крылья, и перья заблистали отполированными бамперами. Фары на ее груди загорелись, когда группа собрала инструменты и вышла на сцену.

Рикенхарп таскал свой «стратокастер» в перевязанном

изолентой и обклеенном отваливающимися стикерами черном футляре. Но сам «страт» был безукоризненно чист, прозрачен, а обводами напоминал гоночный автомобиль.

Они двинулись коридором из белого пластикового кирпича к сцене. После первого же поворота коридор сужался до такой степени, что им пришлось идти боком, придерживая инструменты впереди себя. Объем в Свободной зоне был на вес золота.

Рабочий сцены заметил выходящего первым Марча и сделал знак диджею, который остановил запись и старомодно, как его и просили, объявил через громкоговоритель:

— Поприветствуем, друзья… Рикенхарп.

Толпа не отреагировала: несколько свистков и жидкие аплодисменты.

«Хорошо, сучка, сопротивляйся», — подумал Рикенхарп, в то время как группа занимала места на сцене. Он выйдет последним, когда все для него подготовят. Как обычно.

Из-за кулис, сквозь яркий свет прожекторов, Рикенхарп всматривался в змеиную яму аудитории. Теперь минимоно составляли ее только наполовину. Хорошо, это повышало его шансы.

Группа заняла свои места, подключила автоматические тюнеры, вертела ручки настройки.

Рикенхарп был приятно удивлен тем, что сцена освещена приглушенно-красным, как он и заказывал. Может, инженер по свету — один из его поклонников. Может, группа не даст маху на этот раз. Может, все войдет в свою колею. Может, они найдут нужную комбинацию, отопрут замок и выпустят громовержца из клетки.

Он услышал, как зрители шепчутся о Марче. Большинство из них живого барабанщика видели разве что на вечере сальсы. До Рикенхарпа донесся отрывок разговора на технарском жаргоне:

— Чтобуделаттим? — В смысле: «Что он с этим будет делать? Что это он там настраивает?» — о барабанах.

Рикенхарп достал «страт» из футляра, закрепил на ремне, поправил перевязь, включил тюнер. Втыкать провод не было необходимости: как только Рикенхарп выйдет на сцену, приемники усилителей автоматически зарегистрируют его «страт» и станут транслировать сигнал с гитары на штабель «Маршаллов», расположенный за спиной барабанщика. Жаль, конечно, что электронное оборудование стало таким миниатюрным, но крошечные усилители звучали ничуть не тише своих предшественников из двадцатого века. Однако выглядели куда менее внушительно. Зрители перешептывались: «Зачем это?» — и по поводу «Маршаллов». Большинство из них никогда не

видели старомодных усилителей.

Марч взглянул на Рикенхарпа, тот кивнул.

Несколько секунд Марч выстукивал четыре четверти в одиночку. Подхватился бас, наложил собственный вариативный слой, а клавишные выстелили дорогу в вечность.

Теперь можно было выходить. Словно до этого момента Рикенхарпа и сцену разделяла пучина, но басист, барабанщик и клавишник совместными усилиями возвели через нее мост. Он прошел через этот мост в теплые воздушные потоки: кожей можно было почувствовать жар софитов, как будто выходишь из кондиционированной комнаты прямиком в тропики. Музыка звучала изощренным страданием в тропических джунглях. Рикенхарпа поймало ослепительно-белое световое пятно, сфокусировалось на его гитаре, в точности следуя инструкциям.

«Супер! Инженер по свету — мой человек», — подумал Рикенхарп.

Ему показалось, что он понимает желания гитары. Ей нестерпимо хотелось ласки.

Сам того не осознавая, Рикенхарп двигался под музыку. Не резко. Без навязчивого «ты только посмотри на меня», как у некоторых исполнителей, которые пытаются силой вытянуть из публики восторги, от чего каждое их движение кажется искусственным.

Нет, Рикенхарп был естественен. Музыка струилась сквозь него, не замедлялась на отмелях тревог и порогах собственного эго. Напротив, эго, столь же безукоризненное, как одеяния понтифика, наполняло огнем его олимпийский факел.

Группа прочувствовала это. Рикенхарп сегодня был в отменной форме. Потому, что его наконец освободили. Напряжение ушло, конец: группе огласили смертный приговор. Рикенхарп стал бесстрашен, как настоящий самоубийца, в нем заговорила отвага отчаяния.

Группа прочувствовала и двинулась вслед. На куплете пошла химическая реакция: Хосе взял сложный рифф внизу, почти у хромированного порожка, а Понс выдал в духовом режиме синтезатора исключительно богатую тему. Вся группа ощутила эту химию, словно удар током, прекрасная дрожь от слияния индивидуальностей в общее эго. Оргазм почище сексуального.

Зрители слышали все это, но пока сопротивлялись. Не хотели, чтобы им понравилось. Зал был переполнен — из-за репутации клуба, не из-за Рикенхарпа; толпа упакованных вплотную тел формировала единый чувственный экзоскелет, а значит, как он прекрасно понимал, была уязвима. Он знал, куда

надавить.

Чувствуя, что *начинает получаться,* Рикенхарп стал уверенным, но не надменным. Он был слишком надменен по своей сути, чтобы выказать надменность.

Публика смотрела на Рикенхарпа, как смотрят на наглого соперника перед рукопашной. Смотрят и пытаются понять, почему тот выглядит так дерзко, что у него на уме.

Рикенхарп отлично умел выбрать нужный момент. И знал, что существуют чувства, которые даже самым равнодушным не удастся контролировать, когда те вырвутся наружу. Знал, как сделать, чтобы они вырвались.

Рикенхарп ударил по струнам. Звук мерцал в зале, а он смотрел на публику. Устанавливал зрительный контакт.

Ему нравилось, когда дерзко смотрели в ответ, это делало предстоящую победу более сладкой.

Потому, что *он был уверен.* За последнюю пару недель группа отыграла пять концертов, все пять — в напряженной атмосфере, когда единение получалось лишь урывками. Так в эксперименте: когда электроды смещены, дуга между ними не проскакивает.

Как будто вожделение, сексуальный драйв поднялись до уровня личного отторжения, перехлестнули через него, хлынули, сотрясли группу, а Рикенхарп, оглушительно скользя от аккорда к аккорду, запел…

Публика смотрела на него все еще враждебно, но Рикенхарпу нравилось, когда девчонки играли с ним в «попробуй изнасилуй меня». *Трахни их в уши, чувак!*

Группа, как инжектор, впрыскивала топливо в зал внутреннего сгорания; Рикенхарп запалил искру, зрители взорвались, вытолкнули поршень — и… понеслась. Рикенхарп за рулем. Он вел их вдаль, каждая песня была горизонтом, к которому они неслись. Он рвал струны и пел:

Ты хочешь простого ночного действа
Действа без обязательств.
Хочешь уютной цепной реакции —
Реакции и симпатии.
Ты говоришь, что тебя утешит.
Утешит, снимет апатию
И чувство опасности.

Только так будет без сюрпризов,
Только так никого не убьет,
Никаких моральных проблем,

Никакой крови на простынях.

А как по-мне, да как по-мне,
ТАК БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.

Крошка, лизни моей
Или лизни его.

БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.
БОЛЬ ВЕЗДЕ…

Из «Интервью с Рикенхарпом: Маленький Мафусаил», напечатанного в «Журнале гитариста»[63] за май 2017 года:

ЖГ: Рик, ты любишь говорить о динамике группы. Я так понимаю, не о динамиках речь?

РИКЕНХАРП: Правильно, чтобы музыканты сами нашли друг друга, так же как находят друг друга влюбленные. В барах или я не знаю где… Участники группы составляют пять химических элементов, вступающих в реакцию. Если реакция подходящая, в нее вступают и зрители, получается… ну… социальная реакция.

ЖГ: Может быть, это твое личное психологическое предпочтение? Я имею в виду, твою потребность в органическом единении группы?

РИКЕНХАРП (после долгой паузы): В некотором смысле. Действительно, я ощущаю потребность в чем-то таком. Мне нужно быть частью целого. Мне нужно… о'кей, да — я нонконформист, и тем не менее на каком-то базовом уровне мне нужно быть частью целого. Наверное, рок-группу можно назвать суррогатной семьей. Ячейка общества развалилась на хрен, так что… группа — моя семья. Я все сделаю, чтобы мы были вместе. Мне нужны эти парни. Если я их потеряю — останусь круглым сиротой, как ребенок, у которого убили мать, отца, братьев и сестер.

БОЛЬ ВЕЗДЕ!
Только с болью жизнь.
Крошка, лизни моей
Или лизни его.
БОЛЬ ВЕЗДЕ!

Он пел вызывающе, почти орал — казалось, выплевывал каждую ноту, как матерное ругательство, — словом выполнял магический обряд: заклинал мелодию. Он видел, как отворяются двери их лиц, даже у минимоно, даже у нейтралов, а также у всех вспышек, эксов, хаотистов, препов и ретро. Они забывали собственную субкультурную принадлежность, чтобы слиться в естественном музыкальном оргазме. Прожектора мочалили до седьмого пота, но он продолжал выдавливать пальцами ноты, чувствуя, как они обретают форму в его руках, — так скульптор мнет глину; ушло различие между идеальным представлением в сознании и звуком на выходе усилителя. Мозг, тело и пальцы — все слилось в одну сверхпроводящую цепь, причем выключатель этой цепи сплавился намертво.

И в то же время какая-то его часть искала среди зрителей ту бритую хаотичку. Он даже немного расстраивался, не замечая ее, но утешал себя: «Придурок, ты счастлив должен быть — едва ушел: она бы снова подсадила тебя на голубога».

Но тут он увидел, как она протолкнулась в первый ряд, чуть заметно кивнула, как старая знакомая, и от всей души обрадовался, пытаясь одновременно понять, что же подсознание готовит ему на этот раз. Но все эти мысли проблескивали на заднем плане. Большую часть времени его сознание было безраздельно отдано звуку, исполнению звука для публики. Он источал скорбь, скорбь от потери. Его семья умирала, он заклинал мелодию, резонировавшую со струной потери, которая есть в каждом…

Некое сверхъестественное сплочение накрыло группу. Их слепил гештальт, а Рикенхарп ухватил его клещами коллективное тело зрителей, вертел ими как хотел, но понимал: «Группа хороша, но это не надолго, до тех пор, когда закончится концерт».

Так разведенная пара резвится в постели, осознавая, что брака это не склеит. Собственно, острота чувств приходила с отказом от надежд.

Но сейчас у них — праздник.

К последнему номеру энергия настолько переполнила клуб, что, как выразился однажды Хосе с типичной мелодраматичностью рокера, «если бы ее можно было разрезать, всех бы залило кровью». Дым от травы, табака и курительных смесей клубился в воздухе и, казалось, состоял в заговоре с освещением сцены, порождая атмосферу волшебного отчуждения. С каждой пульсацией цветомузыки — от красного к голубому, от белого к ослепительно-желтому — соответствующая волна эмоций захлестывала публику. Энергия накапливалась, Рикенхарп высвобождал ее, «страт» служил громоотводом.

А потом концерт закончился.

Рикенхарп вырвал последние пять нот в одиночестве, швырнув кульминацию в зал. После этого сошел со сцены, едва слыша рев толпы. В неосознанном порыве он почти бегом пронесся по коридору из пластикового кирпича, огляделся в гримерной, вспоминая как там оказался. Окружающее казалось более овеществленным, чем обычно. В ушах звенело, как будто Квазимодо отрывался в своей колокольне.

Он услышал шаги, развернулся, придумывая на ходу, что же скажет своей группе. Но вошла девушка-хаотичка, и кто-то еще, и третий человек за тем вторым кем-то еще.

Кто-то еще представлял из себя худого парня со встрепанными — естественным образом, а не в рамках имиджа той или иной субкультуры — каштановыми волосами. Рот у него был чуть раскрыт, виднелся почерневший передний зуб, нос — чуть обветренный, запястья взбугрились венами. Третий был японцем: маленький, незаметный, кареглазый, нейтральное выражение лица с капелькой симпатии. Худой белый парень носил армейскую куртку без нашивок, блестящие джинсы и разваливавшиеся теннисные туфли. Его руки не находили себе места, как будто он привык в них держать что-то, чего сейчас не было. Музыкальный инструмент? Возможно.

Японец был одет в небесно-голубой, с иголочки японский походный костюм, пустые руки его расслабленно висели по сторонам. Вот только на уровне бедра что-то выпирало из под одежды. Что-то, что он мог легко вытянуть, сунув руку через полураскрытую молнию куртки. Рикенхарп был почти уверен, что там пистолет. Одна черта объединяла всех троих: выглядели они вымотанными.

Рикенхарп вздрогнул — покрывавший его пот остывал, — но заставил себя выдавить:

— Чо такое?

Слова прозвучали пусто. Он глядел поверх вошедших и ждал группу.

— Группа за кулисами, — сообщила хаотичка. — Басист велел передать: «Псьходитнахрн».

Рикенхарп улыбнулся ее издевке над технарским жаргоном: «Пусть выходит на хрен».

А потом, словно слетела обдолбанность, он услышал крики и понял, что публика вызывает на бис.

— Боже мой, на бис, — произнес он не задумываясь. — Как, блин, давно этого не было!

— Чувайк, — подал голос худой парень. Он произнес «чувайк» вместо «чувак»; бриташка или австрияк. — Яй видеть ты

Стоунхендж пьять льет тому, ты исполняйть тот другой хит.

Рикенхарп чуть поморщился, услышав слова «другой хит», невольно подчеркнувшие тот факт, что хитов у него было только два и все понимали, что больше не ожидается.

— Меня зовут Кармен, — представилась хаотичка. — А это — Уиллоу и Юкио.

Юкио стоял в стороне от других. Что-то в его поведении подсказало Рикенхарпу, что он следит за коридором, хотя всячески пытается это скрыть. Кармен заметила, что Рикенхарп наблюдает за Юкио, и пояснила:

— Скоро тут будут копы.

— С чего бы это? — спросил Рикенхарп. — У клуба есть лицензия.

— Ты или клуб тут ни при чем. Ищут нас.

— Мне не нужно неприятностей, — заметил Рикенхарп, посмотрев на нее. Он подхватил гитару и направился в зал. — Да еще на бис надо спеть, пока они не остыли.

Кармен пошла за ним и под эхо аплодисментов спросила:

— Можно нам пока побыть в гримерной?

— Да, но там небезопасно. Если вы сюда зашли, то и копы могут.

Они уже были в кулисах, Рикенхарп сделал знак Марчу, и группа начала играть.

— Это не совсем копы, — призналась она. — В таких местах они плоховато ориентируются: будут искать нас в толпе, а не в гримерке.

— Ты оптимистка. Я попрошу вышибалу постоять здесь и, если увидит, что кто-то спускается, сказать, что внизу никого нет, он только что проверял.

— Спасибо. — Кармен вернулась в гримерку.

Рикенхарп поговорил с вышибалой и отправился на сцену. Он чувствовал себя выжатым, гитара висела тяжким грузом. Но он смог подхватить энергию зала, она питала две песни на бис. Он ушел, пока публика еще хотела продолжения — так всегда нужно делать, — и, весь потный, направился обратно в гримерку.

Там все еще ошивались Кармен, Юкио и Уиллоу.

— Есть тут задний выход? — спросил Юкио. — На улицу?

— Подождите в зале, — попросил Рикенхарп, — я скоро выйду и покажу вам.

Юкио кивнул, и они пошли в зал. Группа проскользнула мимо Кармен, Юкио и Бриташки, почти не обратив на них внимания, полагая их обычным околомузыкальным планктоном. Только Марч, заметив сиськи Кармен, сделал танцевальное па, аккомпанируя себе барабанными палочками.

Группа смеясь расселась в гримерке, похлопывая в ладоши и закуривая разные разности. Рикенхарпу они не предложили, знали: он не употребляет. Он упаковывал гитару, когда Хосе сказал:

— Ну ты голова!

— В смысле — он тебе мозгов чуток вставил? — спросил Марч, а Хулио только хихикнул.

— Ну да, — подыграл Понс, — мозгов, костей, почек…

— Почек добавил? Рик отлизал твои почки? Я сейчас блевану!

Обычные незлобивые подколки: группа все еще была в приподнятом настроении после удачного концерта и откладывала то, что неизбежно должно было произойти, пока Рикенхарп не спросил:

— О чем хотел поговорить, Хосе?

Хосе взглянул на него, остальные притихли.

— Я знаю, ты что-то задумал, — спокойно проговорил Рикенхарп.

— Ну, как это… есть один агент, Понс его знает, так он мог бы нас взять. Он с технарями работает, гонять нас будет по их клубам, это только начало, неплохое начало. Но чувак говорит, что мы должны выступать с подключенкой.

— Вы, ребята, зря времени не теряли, — проворчал Рикенхарп, захлопывая гитарный футляр.

— Мы, в общем, ничего такого за твоей спиной не замышляли, — пожал плечами Хосе, — чувак-то взял и предложил только вчера вечером. До сих пор не было случая нормально с тобой поговорить, так что… В общем, можно — в том же составе, только сменить имидж, название группы, репертуар…

— Мы потеряем, — возразил Рикенхарп, и чувство единения куда-то исчезло, — мы потеряем все то, что имеем. У вас ничего не останется своего, если будете дергаться в этом говенном кукольном театре.

— Рок-н-ролл — ни хуя не религия, — подал голос Хосе.

— Не религия, но определенное звучание. А вот что предложу я: написать новые песни в прежнем стиле. Сегодня мы хорошо выступили. Может, это начало, поворотный пункт для всех нас? Останемся тут, будем расширять аудиторию, завоеванную этим вечером.

Все равно, что кидать монеты в Гранд-Каньон: даже звона их удара о дно не слыхать.

Группа лишь смотрела ему в глаза.

— Хорошо, — сказал Рикенхарп. — Хорошо. Мы уже это

проходили десять гребаных раз. Хорошо. Это конец. — Заготовленная для такого случая прощальная речь застряла в горле. Он повернулся к Марчу и сказал: — Думаешь, они тебя оставят? Тебе обещали? Ха-ха три раза. Сам подумай, чувак: на хера им барабанщик? Лучше по-быстрому учись программировать. — Он взглянул на Хосе. — Пошел ты на хуй, Хосе, — произнес он тихо.

Он посмотрел на Хулио, который делал вид, что разглядывает особо неразборчивую надпись на дальней стене.

— Хулио, можешь взять мой усилок. Я путешествую налегке.

Рикенхарп поднял гитару, повернулся и вышел, оставив за собою тишину.

Он кивнул Юкио и повел троицу к задней двери. У выхода Кармен сказала:

— Мы тут ищем, где бы на дно залечь… Не поможешь?

Рикенхарп нуждался в компании, очень сильно нуждался. Он кивнул:

— Да… только если поделишься меском.

— Конечно, — согласилась Кармен.

Они вышли на улицу.

Рикенхарп надел темные очки: бульвар раздражал его.

Улица извивалась по сомкнутым платформам Свободной зоны примерно милю, поворачивала то в одну, то в другую сторону через игольное ушко галерейных каньонов, расцвеченных неоном и светопухом. Запутанность только усиливалась напластованием ярких цветных огней.

Рикенхарп и Кармен вышагивали в вязкой ночной жаре почти в ногу. Юкио шел позади, Уиллоу — впереди. Рикенхарп как будто попал в отряд следопытов, прорубающийся через джунгли. А еще ему казалось, что их преследуют, по крайней мере — наблюдают за ними. Может быть, оттого что видел, как Юкио и Уиллоу то и дело оглядываются через плечо…

Рикенхарп ощущал под ногами дрожь кинетического удара: гребень волны медленным ударом кнута перекатывал эластичную мостовую, напоминая о том, что волнорезы сегодня подняты и заградительным перегородками приходится несладко.

Над узкой улицей возвышались три уровня галереи, каждый был опоясан боковыми дорожками балконов; у ограждения стояли люди, всматриваясь в змеящийся внизу поток. Галерейный пирог омывал Рикенхарпа волной запахов: аппетитным от картошки-гриль из фастфудов; горьковато-сладким парфюмерным ароматом от курительных смесей, табака, ароматических палочек; и еще многими: мочи, жареной рыбы, скисшего пива, попкорна,

морского прибоя и озона от выхлопов снующих тут и там электромобилей. В первый раз, когда приехал сюда, Рикенхарп подумал, что воздух здесь не такой, какой должен быть в квартале красных фонарей. «Слишком нежный», — сказал тогда он, а потом понял, что не хватает низких басов окиси углерода. Здесь не было машин с двигателем внутреннего сгорания.

Звуки накатывали на Рикенхарпа теплой рябью культурного изобилия: оглушающие популярные мелодии из гетто-бластеров и бумбоксов, их носители — карлики по сравнению с производимым шумом; дребезжащая легкость протосальсы; нарочито однообразный ритм минимоно.

Рикенхарп и Кармен прошли под аркой из стекловолокна, так густо покрытой граффити, что определить, в честь кого она построена, не было никакой возможности, и продолжили путь по молочного цвета дорожке, скрывающейся под боковой галереей второго уровня. Многоязычная толпа густела по мере приближения к центру бульвара. Мягкий свет, лившийся из-под полистироловой мостовой, делал всех похожими на персонажей из фильма ужасов 1940-х годов. Даже увиденное сквозь темные очки окружающее манило Рикенхарпа тысячью соблазнов.

Он все еще скользил по волне голубого меска, начавшей уже опадать: Рикенхарп чувствовал, как она теряет энергию. Он посмотрел на Кармен, та ответила взглядом — они поняли друг друга. Она огляделась и кивнула на вход в закрытый кинотеатр — узкую забитую мусором нишу в нескольких шагах от улицы. Они зашли внутрь, а Юкио и Уиллоу стали спиной к дверям, загораживая улицу, так чтобы Рикенхарп и Уиллоу могли каждый втянуть по двойной дозе голубого меска. Было какое-то детское удовольствие, какая-то блатная романтика в этой игре в прятки. После второй затяжки надписи на стекловолоконных дверях вдруг обрели смысл.

— У меня заканчивается, — сообщила Кармен, рассматривая флакон.

Рикенхарпу не хотелось думать об этом. Мозги у него снесло, он почувствовал, что переключается в вербальный режим голубога.

— Видишь эту надпись? «ТЫ УМРЕШЬ МОЛОДЫМ, ЭТБ ОТОБРАЛА ПОЛОВИНУ ТВОЕЙ ЖИЗНИ». Знаешь, что это означает? Я понятия не имел, что такое ЭТБ до вчерашнего дня. Видел название на стенах, удивлялся, пока вчера кто-то не обмолвился…

— Что-нибудь связанное с бессмертием, — предположила она, слизывая голубой меск с кончика сниффера.

— Элитная Терапия Бессмертия. Типа какие-то люди

придерживают терапию бессмертия для себя любимых, потому как правительство не желает перенаселения оттого, что народ живет слишком долго. Очередная идиотическая теория заговора.

— Ты не веришь в заговоры?

— Не знаю… может быть. Но не в такие завиральные. Я думаю… людьми все время манипулируют. Даже здесь: это место так давит, знаешь, как…

— Подождайть, — вмешался Уиллоу, — дети, заняйтие по социологии переносийся на будущее, поняйть? Где этот место с чувайк, которы можейт увозить нас отсюда, парень?

— Пошли, — сказал Рикенхарп снова выводя их в людской поток. И гладко продолжил свой мескалиновый треп: — Здесь же как Таймс-Сквер, да? Читала про это место в старых романах? Архетип. Или вот некоторые места в Бангкоке. Я думаю, все они устроены особым образом. Может, это происходило подсознательно. Но они устроены так же тщательно, как японская икебана, только эстетика там с обратным знаком. Прикинь, все эти исступленные, слезливые, самодовольные проповедники, которые всегда болтали о дьявольском соблазне подобных мест, были правы. По-своему совершенно правы. Потому что, да, такие места возбуждают, соблазняют, пьют человеческую кровь. Да, они как венерина мухоловка.[64] Архитектурный Свенгали.[65] Клише о плохих районах города не врали. Все эти преподобные батюшки: преподобный Ико, преподобный… как его?.. Добряк Рик Крэндэлл…

Кармен быстро окинула взглядом Рикенхарпа. Он, было, удивился, но меск нес его дальше:

— …все они правы, но потому же, почему правы, они и ошибаются. Здесь каждый пытается тебе что-нибудь впарить. Тысячи ярких огней и мобилей соблазняют тебя отдать им энергию… в форме денег. Люди сюда по большому счету приезжают за покупками или затем, чтобы в последний момент удержаться от покупки. Напряг между желанием купить и сопротивлением ему прикалывает. С чего, например, я тут прусь? Меня гладят по яйцам, а я держу все в себе. Врубилась? Тут прешься, но не кончаешь, а то зря только просрешь деньги, подхватишь сифон, или тебя ограбят, или всучат херовые таблетки, или еще чего… Я имею в виду — все, что тут продается, — бессмысленное говно. Но сегодня мне трудно сопротивляться… — он пропустил: «Потому, что я под кайфом», — я более восприимчив к подсознательным призывам, вшитым в дизайн символов, в кинетическую возню, а от гребаных мерцающих лампочек втыкаешь, как древний компьютер, в двоичном мышлении: вкл-выкл, вкл-выкл, свет-тьма — неонки,

они действуют не хуже спиральной подвески гипнотизера из старого кино. Эти здешние расцветки, яркость вывесок, частота пульсации, частота включения-выключения лампочек — все сконструировано с учетом законов психологии, а конструкторы даже не знают, чем пользуются: эти двусмысленные цвета, выделения желез, возбуждающая химия прямо в центр удовольствия в мозгу… как проплаченные скабрезности от шлюхи… как видеоигры… Я имею в виду…

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — проговорила Кармен, с отчаяния покупая картонный стакан пива. — У тебя, должно быть, горло пересохло после этого монолога. Вот возьми. — Она сунула пенящийся стакан прямо ему под нос.

— Что-то я заболтался, извини.

Рикенхарп в три глотка ополовинил стакан, перевел дыхание и допил остаток. Горло на секунду превратилось в отдельно взятый рай. Волна спокойствия умиротворила его, но вскоре испарилась под воздействием голубого меска. Ну да, его врубило.

— Да ладно, я с удовольствием слушаю, — пояснила Кармен. — Но ты можешь выболтать что-нибудь, а я не уверена, что нас не сканируют.

Рикенхарп сконфуженно кивнул, и все проследовали дальше. Он скомкал стакан в руке и на ходу принялся методично рвать его на части.

Рикенхарп наслаждался окружающими оттенками, смешанным светом — тот лился на головы прохожих, обращая поток причесок и головных уборов в живую ленту яркой полосатой ткани, преображал автомобили в разноцветные движущиеся айсберги.

«Возьмем слово „аляповатое“, — думал Рикенхарп, — и кинем его сырым в бак, наполненный словом „очарование“. Подержим там некоторое время, пусть кислоты „очарования“ обесцветят „аляповатое“, так что на поверхности появится нечто вроде нефтяной радуги. Промокнем эту радугу марлей, выжмем ее в колбу, сильно разбавим маслом мультяшной невинности и экстрактом чистого субъективизма. А теперь пропустим сквозь колбу — и сквозь все остальные колбы неоновых рекламных бус над бульваром Свободной зоны — ток».

Перед ними простирался туннель из цветных огней, сходившийся в калейдоскоп: изогнутые фасады домов справа и слева блистали дюжиной разнообразных реклам. Чувственный однотонный поток неоновой инфоленты через расчетливо неравномерные промежутки прерывался яркими торговыми знаками а-ля Таймс-Сквер: «КЭНОН», «АТАРИ», «НАЙК», «КОКА-КОЛА», «УОРНЕР АМЕКС», «СЕЙКО», «СОНИ», «НАСА ХИМКО»,

«БРАЗИЛИАН ЭКСПОРТС», «ЭКСОН» и «НЕССИО». И лишь по одному признаку можно было догадаться о том, что идет война: две рекламы — «ФАБРИЦИО» и «АЛЛИНН», итальянской и французской компаний, — зияли темнотой, пав жертвой советской блокады.

Они миновали магазин телемаек, откуда выходили туристы, на груди которых сменяли друг друга фрагменты видео: сверхтонкие чипы, вшитые в ткань, проигрывали клип на выбор.

Лоточники тысячи рас торговали бета-сладостями, приправленными бета-эндорфинами; выращенными тут же, в Свободной зоне, моллюсками в темпуре и на шампурах; порнографическими брелоками-голокубами; мгновенными фотокарточками «вас и вашей жены» (ой, или это ваш бойфренд?) … Несмотря на близость Африки, темнокожих тут почти не было: Админ Свободной зоны считал их потенциальной угрозой безопасности. Туристы приезжали в основном из Японии, Канады, Бразилии на волне бразильского бума, Южной Кореи, Китая, арабских стран, Израиля… и еще немного из Америки. Совсем мало из Америки — спасибо депрессии.

Душно было, как в теплице, как в весело подсвеченной парилке. В горячем, смешанном с разнообразными дымами воздухе колыхались неоновые огни, расплывались и меняли цвет реклама, ролики на телемайках и светящиеся побрякушки. Высоко над головой, между неплотно пригнанными элементами пазла из рекламных щитов и видеоэкранов домов удовольствий, демонстрирующих откровенные клипы, просвечивало темно-синее ночное небо. На уровне улицы же границы хаоса по обе стороны очерчивались дверными проемами, потоком входящих и выходящих из супермаркетов, курительных салонов, сувенирных лавок, театриков и тинглерных галерей.

Вокруг, словно рифовые рыбки, сновали дилеры: прильнут, изучающе куснут и плывут далее. «Пэвэ, есть харроший пэвэ». ПВ — прямое включение, запрещенный церебростимулятор центра удовольствия. А также наркотики, кокаин, курительные смеси, стимы и седативы; около половины дилеров были аферистами, толкавшими соду и псевдостимы. Дилеры так и липли к Рикенхарпу и Кармен, поскольку те походили на наркоманов, а Кармен к тому же носила сниффер. Вообще, голубой меск и устройства для его потребления были под запретом, как и многие другие полезные вещи, игнорируемые копами в Свободной зоне. Ты мог носить сниффер и вещество, договор был таков: не пользуй в открытую, отойди куда-нибудь в укромное место.

На улице откровенно клеились шлюхи обеих полов. Считалось, что проституция в Свободной зоне регулируется

Адмиром, но нелегальных профессионалок терпели до тех пор, пока они были немногочисленны и кто-нибудь заносил деньги в службу безопасности.

Проплывающая мимо толпа постоянно демонстрировала разнообразие человеческой природы. Вот появился нишевой сутенер, толкая впереди себя двух подростков, спотыкающихся в похожем на смирительную рубашку жестком бондаже из черной резины, — мальчика и девочку. Их лица скрывали такие же резиновые маски, алюминиевые рейки держали рот распахнутым, что, вероятно, должно было выглядеть соблазнительно, но Рикенхарпу дети более всего напоминали жертв безумного стоматолога.

Улицы были усыпаны сотрудниками службы безопасности Свободной зоны, похожими в своей пуленепробиваемой форме на бейсбольных рефери: лица — за решетками шлемов, оружие — в кобуре на кодовом замке, четырехзначную комбинацию которого они, по словам очевидцев, были обучены набирать за одну секунду.

Чаще всего они просто стояли и болтали по рации в шлемофоне, но сейчас двое привязались к уличному наперсточнику — сморщенному чернокожему коротышке, у которого не было денег на бакшиш, — толкали его туда-сюда между собой, подкалывая друг друга через громкоговорители, так что их голоса заглушали дискотню из ближайших музыкальных лавочек.

— ЧТО ТЫ, БЛЯДЬ, ЗАБЫЛ В МОЕМ КВАРТАЛЕ, ГОВНЮК? ЭЙ, БИЛЛ, НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭТОТ ПРИДУРОК ЗАБЫЛ В МОЕМ КВАРТАЛЕ?

— БЛЯ, Я НЕ В КУРСАХ, ЧТО ОН ЗАБЫЛ В ТВОЕМ КВАРТАЛЕ.

— МЕНЯ ТОШНИТ ОТ ЭТОГО НАЕБАЛОВА С НАПЕРСТКАМИ.

Один из них так разошелся, что огрел парня усиленной сервомоторами рукой и наперсточник рухнул без чувств, как закончивший вращение волчок.

— ВАЛЯЕТСЯ ПРЯМО НА БУЛЬВАРЕ, ВИДАЛ ТАКОЕ?

— ВИЖУ, ДЖИМ, И МЕНЯ ТОШНИТ.

Жлобы оттащили парнишку за ногу к ромбовидной уличной стойке и засунули его в капсулу, которую запечатали, прилепив к ее жесткой пластиковой оболочке второпях нацарапанный рапорт. А потом спустили капсулу в пневмоприемник; тот всосал ее, чтобы доставить в тюрьму Свободной зоны.

— Похоже, тут людей в мусоропровод спускают, — сказала Кармен, когда они миновали копов.

Рикенхарп внимательно посмотрел на нее.

— Ты совсем не волновалась, когда мы шли мимо копов.

Значит, не они, да?

— Не-а.

— Когда-нибудь расскажешь, от кого мы бегаем?

— Когда-нибудь расскажу.

— Откуда ты знаешь, что эти твои пришлые копы не высвистели на помощь местных?

— Юкио говорит, они бы не стали. Не хотят, чтобы кто-нибудь их тут засек: местный Админ их терпеть не может.

— Ах так!

Рикенхарп понял, о ком она. Второй Союз. Корпорация Международной Безопасности Второго Союза, криптофашисты, шебуршащие в развалинах Европы. ВС взял на себя роль интернациональной полиции, устанавливая свою версию порядка там, откуда ушли деморализованные силы НАТО. Власть ВС и ему сочувствующих распространялась все шире по мере того, как война не кончалась и не кончалась. Но до Свободной зоны они пока не дотянулись: местное независимое руководство видало ВС в гробу. Действовать тут открыто КМБВС не имела права — только подпольно.

Гребаные жлобы из ВС! Блин!.. Голубой меск подпитывал рикенхарпову паранойю. Сердце заухало в груди от выброса адреналина. Толпа начала вызывать у него клаустрофобию. Движения окружающих людей показались вдруг упорядоченными, а упорядоченности придал смысл охваченный ужасом разум. Упорядоченность посмеивалась над ним: «ВС следит за тобою». От коктейля из ужаса и экзальтации мутило.

Весь вечер он только и делал, что старался не думать о группе. О своей неспособности предотвратить ее распад. *Он потерял группу.* Никому ведь и не втолкуешь, почему для него это все равно что потерять жену и детей. Не говоря о карьере. Столько лет бороться за группу, за ее место в медиасети. И все — псу под хвост, вместе с его собственным именем. Откуда-то он понимал, что пытаться собрать новую группу не имеет смысла. Медиасети он просто не нужен, да и она ему тоже. Но экзальтация имела сходные корни: эта бездонная дыра внутри него — чувство потери — затянулась, стоило только подумать о жлобах из ВС. Они угрожали его жизни, угроза позволяла забыть группу. *Выход нашелся.*

Но вместе с тем пришел ужас. Если он свяжется с врагами ВС… если попадется ВС-овским громилам…

К черту! Что еще ему оставалось делать?

Он улыбнулся Кармен, та посмотрела на него удивленно, не понимая, что кроется за этой улыбкой.

«Что теперь?» — спросил он себя. Добраться до «Хижины

Гейти?» Разыскать Фрэнки, который найдет выход?

Но как же долго они туда идут. А, ну да. Наркотик нарушает восприятие времени. Повышает чувствительность, время как будто течет медленнее.

Толпа, казалось, стала гуще, музыка — громче, огни — ярче. Рикенхарпа понесло. Он с трудом отличал реальность от собственных фантазмов. Представилось, что он молекула некоего энзима в кровеносной системе макрокосмоса. Подобный овердоз всегда накрывал его при сочетании Энерджайзера с сенсорной перегрузкой.

«Что я?»

Оранжевые неоновые стрелы с козырька над головой, шипя, сползли по стене на тротуар и попытались обвиться вокруг его ног, утащить в тинглерную галерею. В ее голографических витринах плоть переплеталась с плотью; к нему выплывали груди и задницы, а он, словно подопытная мартышка при виде банана, против своей воли реагировал на визуальный раздражитель классическим образом — стояком в штанах. «Звенит звонок — у собачки течет слюна», — подумал Рикенхарп.

Он оглянулся. Что это там за парень в темных очках? К чему темные очки ночью? Может, он из ВС?

«Не-е-е, чувак. Я тоже ношу ночью темные очки. Расслабься».

Он попробовал было стряхнуть с себя паранойю, но она оказалась как-то завязана на охватившее его сексуальное возбуждение. Каждый раз, как он замечал проститутку или порнографическую видеорекламу, паранойя вновь колола его скорпионьим жалом на хвосте подросткового гормонального взбрыка. Он чувствовал, как нервные окончания выходят из-под кожи.

«Кто я? Толпа?»

Рикенхарп понимал, что после длительного воздержания порог чувствительности к меску у него понижен.

Кармен, увидев что-то на улице, взволнованно зашепталась с Юкио.

— Что случилось? — спросил Рикенхарп.

— Видишь, серебрится? — прошептала она. — Вроде серебристого мерцания — там, над такси… Присмотрись, я не могу показать рукой.

Он оглядел улицу. Такси как раз выворачивало из-за угла. Электрический мотор взвыл: колеса утюжили кучу мусора. Окна машины были настроены на зеркальное отражение. Чуть выше и сзади реяла хромированная птичка, ее трепещущие крылья расплывались, как у колибри. Размером она была с дрозда, а вместо головы торчал объектив камеры. На алюминиевой груди

имелся какой-то неразличимый знак.

— Вижу. Не знаю, что это.

— Думаю, ею управляют изнутри такси. Похоже на них. Пошли.

Она юркнула в тинглерную галерею. Уиллоу, Юкио и Рикенхарп последовали за ней. На входе пришлось купить жетоны, по минимуму: четыре на брата. Лысый, не первой молодости чувак с двойным подбородком за стойкой отсчитал их не глядя, взгляд его был прикован к экрану телевизора на запястье. Оттуда миниатюрный диктор вещал металлическим голосом:

— …сегодняшнее покушение на главу Второго Союза, преподобного Рика Крэндэлла… — Далее неразборчиво из-за помех. — Крэндэлл в тяжелом состоянии доставлен в медцентр Свободной зоны, находящийся под усиленной охраной. Неожиданно явившись на встречу в отеле «фуджи Хилтон», Крэндэлл…

Они забрали жетоны и направились вглубь галереи. Рикенхарп услышал, как Уиллоу прошипел Юкио:

— Сукин сын еще жив.

Рикенхарп сложил два и два.

Тинглерная галерея была окрашена главным образом в тона плоти: все доступные вертикальные поверхности заняты эмульгированной наготой, качество фотографий обычно не лучше поляроидных. По мере продвижения от одного фото или голограммы к другой вы начинали замечать, что изображения людей на них то инвертированы, то перекошены, то обработаны так, что в результате получились тысячи вариантов совокупления, как будто ребенок, поиграв в раздетые куклы, оставил их раскиданными на полу. Неяркий красный свет лился из кабинок, подманивал; длина его волны была рассчитана так, чтобы возбудить сексуальное любопытство. Внутри каждой «кабинки уединения» находились экран и тинглер. Последний выглядел наподобие пылесоса двадцатого века с крупной насадкой на конце шланга, похожей на солонку. Предполагалось, что вы будете смотреть на экран, слушать звуковое сопровождение и елозить тинглером по эрогенным зонам, стимулируя соответствующие нервные окончания тонко настроенным электрополем, проникающим под кожу. В душевых фитнес-центров легко было отличить парней, которые злоупотребляли тинглером. После «рекомендованного предела в 35 минут» кожа делалась похожей на обгоревшую под солнцем… Еще пять жетонов, и автомат выдавал кислородную маску со смесью амилнитрата и феромонов.

— Говоря привычными словами, — начал Юкио, — есть тут еще выход?

— Да, — кивнул Рикенхарп, — галерея стоит на углу, логично предположить, что тут два входа, с обеих улиц. Ну и, может быть, задний выход тоже…

Уиллоу тем временем разглядывал рекламную надпись под неподвижным изображением двух мужчин, женщины и козы. Он наклонился чуть ближе, всматриваясь в козу, как будто искал признаки семейного сходства, и кабинка почуяла, что рядом кто-то есть: изображение ожило, фигуры принялись изгибаться, отлизывать и проникать друг в друга, изменяя очертания с неестественно формализованной неуклюжестью; излучаемый кабинкой красный свет стал ярче, она выбросила в воздух приманку из феромонов и амилнитрата, стараясь соблазнить клиента.

— Так где же другой выход? — прошипела Кармен.

— Что-что? — Рикенхарп рассеянно взглянул на нее. — Ой! Извини, я тут… даже не знаю. — Он глянул через плечо и, понизив голос, сообщил: — Алюминиевая птичка внутрь за нами не полетела.

— Электрическое поле тинглеров мешает управлению птицей, — пояснил Юкио. — Но мы должны быть на шаг впереди.

Рикенхарп огляделся: лабиринт черных кабинок и розовых плакатов, казалось, скручивался в спираль, как будто сливался в кубистскую канализацию…

— Я сам найду другой выход, — решил Юкио.

Рикенхарп благодарно последовал за ним, ему хотелось наружу.

Они быстро прошагали по узкому коридору между рядами кабинок. Посетители задумчиво или с показной беззаботностью расхаживали от одной двери к другой, читали рекламу, разглядывали ролики, пытались найти в фетишистском индексировании свой код либидо, не смотрели друг на друга — разве что искоса, старательно соблюдали границы личного пространства, как будто боялись потревожить дремлющую сексуальную гибкость.

Откуда-то доносилась музыка — с подвыванием, с экстатическим оханьем. Красные огни напоминали о том, как просвечивают кровеносные сосуды в руке над яркой лампой. Негласные правила, регулирующие работу заведения, с кальвинистской неумолимостью складывались в своего рода полосу препятствий. Тут и там, в изгибах жарких узких коридоров, между рядами кабинок, усталые охранники в штатском, покачиваясь на каблуках, указывали праздно

шатающимся: «Проходите, пожалуйста, не останавливайтесь. Жетоны вы можете приобрести при входе».

Рикенхарпу наглядно представилось, что галерея вытягивает его сексуальность, что пылесосные шланги в каждой кабинке сговорились высосать его оргонную энергию,[66] сделав его безвольным мерином.

«Пора отсюда уебывать», — решил он.

И тут, увидев надпись «ВЫХОД», они ринулись к ней и выскочили за дверь.

И оказались в переулке. Оглядывались вокруг, ожидая увидеть птичку. Но птички не было. Лишь серые пересечения пенобетонных плоскостей, шокирующе монотонные после жадного разноцветья тинглерной галереи.

Они вышли из переулка, помедлили секунду, рассматривая струящуюся в обе стороны толпу. Как будто встали на берегу бурлящей реки. А затем вступили в нее, Рикенхарпу казалось, что ноги мокнут от обратившейся в жидкость человеческой плоти, на одном инстинкте он следовал к цели: к «Хижине Гейти».

Сквозь черные облупившиеся двери из прессованного картона они ворвались во влажный мрак вестибюля «Хижины Гейти». Рикенхарп отдал Кармен свою куртку, чтобы она прикрыла голые груди.

— Тут только для мужчин, — пояснил он, — но если ты не будешь светить сиськами, может, и пустят…

Кармен натянула куртку, очень осторожно застегнула молнию; еще Рикенхарп выдал ей темные очки.

— Эй, Картер! — Рикенхарп постучал в окно перегородки рядом с запертой дверью.

За стеклом кто-то оторвался от экрана телевизора.

— Привет, — улыбнулся Картер.

Сам себя он называл «модным педрилой» и одет, соответственно, был в отороченную белым корабельносерую флексикожу под минимоно. Но реальные M&M с презрением отвергли бы его за светящуюся сережку, на которой то и дело промелькивало зелеными буковками: «Иди… на хуй… если… тебе… не… нравится… Иди… на хуй… если…» Они сочли бы подобное непозволительно медийным. Да и широкая жабья рожа Картера никак не укладывалась в стандарты минимоно.

— Девчонкам нельзя, Харпи. — Он заметил Кармен.

— Это трансвестит, — оправдался Рикенхарп и протянул сложенную двадцатку ньюбаксов в окошко. — О'кей?

— О'кей, под ее ответственность, — согласился Картер, засовывая двадцатку в темно-серые бикини.

— Конечно.

— Слышал о Гиэри?

— Не-а.

— Нагероинился вусмерть, от зеленых писек.

— Ой, бля!

У Рикенхарпа мурашки по телу забегали. Паранойя снова поднимала голову, и, чтобы успокоить ее, он сказал:

— По-любому, я не собираюсь тут ничего никому отлизывать. Мне Фрэнки нужен.

— Этот дебил? Здесь он, держит совет или что-то в этом роде. Но тебе все же придется заплатить за вход, дорогуша.

— Без вопросов, — согласился Рикенхарп.

Он вытащил из кармана еще одну двадцатку, но Кармен остановила его руку:

— За наш счет, — и выложила свою купюру.

— Чувак, — рассмеялся Картер, взяв деньги, — этому педику знатно изменили голос. — Он прекрасно понимал, что перед ним женщина. — Ты все еще играешь в…

— Больше нет, — оборвал Рикенхарп, пытаясь не вдаваться в больную тему.

Вершина голубога была позади; казалось, что все внутренности сделаны из картона и любое давление их раздавит. Мышцы ни с того ни с сего сводило судорогой, так нервные дети то и дело сучат ногами. Он разваливался. Необходима еще одна доза. Когда ты под кайфом, реальность поворачивается к тебе милым личиком; когда кайф уходит, реальность обнажает свое безобразное нутро. Надо записать, чтобы использовать в песне.

Картер нажал на кнопку — и дверь открылась. Когда они проходили сквозь проем, она разразилась неприятным смехом.

Внутри стояла полутьма, было жарко и влажно.

— Кажись, твоего голубога разбодяжили коксом, или метом, или еще чем, — сообщил Рикенхарп Кармен, когда они проходили мимо покореженных пеналов раздевалки. — Что-то меня ломает сильнее положенного.

— Вполне вероятно… «Зеленые писки» — это он о чем?

— Положительный результат анализа на СПИД-три, ну, который убивает за полтора месяца. Кидаешь пилюлю в мочу, и если моча зеленеет — ты его подцепил. Лекарства от этого нового СПИДа не существует, вот парень и… — Он пожал плечами.

— А что, блинь, это за мейсто? — поинтересовался Уиллоу.

— Типа бань для гомиков, только вот мыться негде, — пояснил ему Рикенхарп, понизив голос. — Тусовочное такое место. Половина тут — натуралы, проебавшие все бабло в казино, вот и спят тут, где подешевле, понял?

— Ага. А ты-то как прознать про нейго?

— Ты меня пидором назвал, да? — усмехнулся Рикенхарп.

В темной боковой нише кто-то рассмеялся его шутке.

— Мней это не нравиться, вот, — тихонько жаловался Уиллоу Юкио, — у гребаньих педивов — мильон гребаньих болезни. А если какой-нибудь мудьило, стейк загорелый, попытаться дрочить об мою нога?

— Просто идем, ничего не трогаем, — успокаивал его Юкио. — Рикенхарп знает, что делает.

«Надеюсь», — подумал Рикенхарп. Может, Фрэнки удастся безопасно сплавить их со Свободной зоны; может — нет.

Стены из черного прессованного картона, такой же лабиринт, как в тинглерной галерее, только наоборот. Больше обычной красной подсветки; этот характерный запах обильного трения кожи о кожу, а вдобавок — смесь разнообразных дымов, лосьонов, дешевого мыла и, конечно, неистребимая вонь пота. А еще, если принюхаться, лубриканты, эректильные спреи, протухшая сперма. Перегородки достигали высоты десяти футов, а потолок терялся во тьме над головой. Бывший пакгауз удивительным образом разделялся на слои: внизу клаустрофобия, вверху агорафобия. Они миновали абсолютно темный зал. Расплывающиеся, неразличимые лица, выражения на которых было не больше, чем на телекамерах, поворачивались в их сторону.

Подобного рода места не больно-то меняются и за полвека. Одни совсем захудалые, другие не совсем. В самых захудалых — неработающие туалеты, на экранах — расфокусированная порнография с шестнадцатимиллиметровой пленки, пьяный визг из динамиков как звуковое сопровождение. И «Хижина Гейти» была ровно из таких.

Они миновали игротеку: загаженные бильярдные столы, глючные видеоигры, раскуроченные торговые автоматы. На стенах между автоматами лохматились плакаты, изображавшие мужчин утонченно женственных и в то же время карикатурно брутальных: с огромными гениталиями и мускулами, напоминавшими скорее уже сексуальные объекты, с лицами калифорнийских серферов. Кармен прикусила язык, чтобы не рассмеяться, пораженная всепроникающим духом самолюбования.

Они миновали еще один зал, оформленный под амбар. Двое мужчин приходовали друг друга на деревянной скамье внутри «стойла». Хлопала влажная плоть. Уиллоу и Юкио отвернулись. Кармен зачарованно разглядывала гомосексуальный акт. Рикенхарп бесстрастно прошел мимо, он прокладывал путь сквозь полуночные гнезда мужчин, ласкающих друг друга, мужчин, спящих на скамейках и диванах, мужчин, раздраженно

стряхивающих с себя во сне чужие, нежеланные руки. И наконец обнаружил Фрэнки в телевизионной гостиной.

Яркая, с радостно-желтыми стенами, гостиная была хорошо освещена, на столах — стандартные мотельные светильники, в углу диван, обычный цветной телевизор настроен на рок-канал, ряд мониторов на стене. Оказаться там — словно выйти из подземного мира. Фрэнки восседал на диване, поджидая посетителей.

Работал он на подключенном к медиасети портативном терминале. Покупатель сообщал ему номер счета или пластиковой карточки. Фрэнки проверял кредитоспособность, переводил деньги на свой счет («за консультационные услуги» — так это называлось) и передавал пакетики.

Стены гостиной были усеяны видеомониторами, один передавал картинку из комнаты оргий, второй крутил порнуху, третий — новости спутникового канала медиасети. Диктор снова рассказывал о покушении на Крэндэлла, теперь на технарском жаргоне; Рикенхарп надеялся, что Фрэнки не обратит внимания или, по крайней мере, не увидит связи. Фрэнки, по прозвищу Зеркальце, не гнушался никакими заработками, а ВС платил информаторам.

Фрэнки, сидя на рваном диване из голубого винила, сгорбился над карманным терминалом, выложенным на кофейный столик. Клиент — дискотечный гомик в белом каратистском кимоно, со вспышкой «акулий плавник» и стероидными мускулами — стоял поодаль и, пока Фрэнки завершал транзакцию, пожирал глазами набитый голубыми пакетиками холщовый мешок на столике.

Сам Фрэнки был чернокожим, в его лысом хромированном черепе, как в зеркале «рыбий глаз», отражались телеэкраны. На нем был серый в полоску костюм-тройка. Настоящий, не дешевая подделка, но мятый и заляпанный, словно Фрэнки спал или трахался не раздеваясь. В настоящий момент Фрэнки докуривал сигариллу «Нат Шерман»[67] до золотого фильтра. Его глаза синтококаинового наркомана блистали, как дьявольские рубины. Он сверкнул своей желтой улыбкой Рикенхарпу и, взглянув на Уиллоу, Юкио и Кармен, криво ухмыльнулся;

— Гребаные наркополицаи, что ни день — новые приколы. Явились вот четверо, один из них — точь-в-точь как мой приятель Рикенхарп, остальные трое — как два беженца и дизайнер-компьютерщик. Но у японца нет с собою фотоаппарата. Это его и выдает.

— Что за… — начал было Уиллоу.

Рикенхарп отмахнулся от него, что означало: «Он шутит,

дубина».

— Я хотел бы приобрести две вещи, — возвестил он и глянул на предыдущего клиента, который тут же забрал свой мешок и растворился в пампасах. — Во-первых, — сказал Рикенхарп, вынимая из бумажника карточку, — мне нужно три грамма голубога.

— Считай, что они уже твои, кореш.

Фрэнки махнул световым пером вдоль карты и запросил данные по счету. Терминал потребовал пин-код. Фрэнки передал машинку Рикенхарпу, который ввел код, тут же стер его с экрана и, нажав кнопку, подтвердил перевод денег на счет Фрэнки, а тот, перехватив терминал, дважды проверил, прошел ли трансфер. Терминал выдал обновленный баланс у Рикенхарпа и пополнение счета у Фрэнки.

— Съест половину твоих средств, Харпи, — предупредил Фрэнки.

— У меня большие перспективы.

— Слышал, вы с Хосе разбежались.

— Как это ты так быстро разузнал?

— Понс заходил прикупить.

— А, ну да… я скинул балласт, перспективы теперь самые радужные. — Но при этих словах он ощутил внезапную тяжесть в желудке.

— Баксы твои, парень.

Фрэнки засунул руку в холщовую сумку и выложил три предварительно взвешенных пакетика голубого порошка. Он выглядел вполне довольным, что Рикенхарпу совсем не понравилось. Всем своим видом он как бы говорил: «Я знал, что ты, жалкая тряпка, вернешься».

— Иди в жопу, Фрэнки! — сплюнул Рикенхарп, забирая пакетики.

— Отчего так расстроился, дитятко?

— Не твое дело, умник.

Фрэнки только засиял пуще прежнего. Он вопросительно взглянул на Кармен, Юкио и Уиллоу:

— Что-то еще, да?

— Да. У нас проблема. Мои друзья… им нужно куда-то деться с подводной лодки. Да так, чтобы Том и Гек[68] носу не подточили.

— Гм. А кто их разыскивает?

— Частная контора. Они будут держать под надзором вертолетную площадку, все законные…

— У нас был план отхода, — призналась вдруг Кармен, — но он погорел…

Юкио так взглянул на нее, что она сразу замолчала, только пожала плечами.

— Весьма таи-и-инственно, — отметил Фрэнки, — но молчу-молчу, жить еще не надоело. О'кей. За три куска вы получите три места на ближайшем пароме. Босс посылает команду, чтобы забрать груз. Попробую с ними договориться. Только вот идет паром на восток. Понимаете? Не на запад, не на север, не на юг. Только в оговоренном направлении.

— Как раз то, что нам нужно, — согласился Юкио, улыбаясь и кивая, как будто в бюро путешествий. — На восток. Куда-нибудь в Средиземноморье.

— На Мальту, — уточнил Фрэнки, — на остров Мальта. Лучшее, что могу предложить.

Юкио кивнул. Уиллоу пожал плечами. Кармен молчала — значит, соглашалась.

Рикенхарп тем временем тестировал товар. Из носа — в мозг, и понеслась… Фрэнки безмятежно следил за процессом, взглядом профессионала фиксировал приход. Он заметил, как переменился в лице Рикенхарп, как включился режим эго-драйва.

— Нам нужно *четыре* места, — сообщил Рикенхарп.

— Ты лучше решай, когда это дерьмо повыветрится, — поднял брови Фрэнки.

— Я решил еще до того, как принял, — возразил Рикенхарп, и сам-то не очень в этом уверенный.

Кармен уставилась на него. Он взял ее под руку и предложил:

— Отойдем на минутку?

Рикенхарп вывел ее из гостиной в темный коридор. Кожа ее руки уколола его пальцы сладостным электрическим разрядом. Он желал большего, но отпустил ее и спросил:

— Деньги можешь достать?

— У меня есть левая карточка, — кивнула она, — денег хватит… на всех нас. То есть на меня, Юкио и Уиллоу. Чтобы снять и на тебя, мне нужно разрешение. А взять его не у кого.

— Тогда я не стану вам помогать.

— Ты даже не представ…

— Представляю. Я готов свалить. Только вернусь гитару захвачу.

— Гитара будет мешать. Путь нам предстоит неблизкий, через оккупированную территорию. Так что гитару придется оставить.

Это чуть было не поколебало его решимость.

— Я ее суну в камеру хранения. Заберу потом когда-нибудь. — Да и не мог он сейчас играть: каждая нота звучала бы фальшью, так ему было больно. — Штука в том, что, когда вас

засекла эта птичка, я был с вами. Они решат, что я в деле. Слушай, я знаю, что вы сделали. ВС вас разыскивает. Правильно? Значит…

— Ладно, проехали, потише только. Слушай, я понимаю, что и тебя могли приметить, так что тебе тоже надо делать ноги. Допустим, но только до Мальты. Там…

— Мне придется остаться с вами. ВС повсюду. Я у них на крючке.

Она глубоко вздохнула, затем медленно выпустила воздух, присвистнув сквозь зубы, и уставилась в пол.

— Ничего не выйдет, — наконец подняла она взгляд. — Ты не наш. Ты гребаный музыкант.

— Тебя послушать, так это страшное оскорбление! — рассмеялся он. — Так вот: еще как выйдет! Группе все равно кранты, я должен… — Он беспомощно пожал плечами. Потом снял с нее очки и, заглянув в глубокие глаза, добавил: — Когда мы останемся одни, я тебе пизду в клочки порву.

Она сильно ударила его в плечо. Было больно. Но она улыбалась.

— Думаешь, такие разговоры меня заводят? Ну да, заводят. Но этого недостаточно, чтобы залезть ко мне в штаны. А насчет того, чтобы дальше с нами… как ты себе это представляешь? Небось боевиков насмотрелся?

— Я на крючке у ВС. Что мне еще остается?

— Хреноватый повод для того… для того, чтобы в такое ввязываться. Ты должен *верить,* потому что будет в натуре трудно. Тут тебе не телевизор.

— Боже мой, хватит. Я знаю, что делаю.

Глупости. Он был в депрессняке и под кайфом. Думал он примерно следующее: «Мой комп накрыло перегрузкой, все платы погорели. Сожжем на хер остальное!»

Он жил иллюзией, но не хотел признаваться в этом, вот и повторил:

— Я знаю, что делаю.

Она хмыкнула, внимательно оглядела его и сказала:

— Ладно.

И дальше все пошло по-другому.

ПОЛ ДИ ФИЛИППО
КРЕМЕНЬ ЖИВ [69]

Пол Ди Филиппо начал публиковаться сравнительно недавно, его послужной список не так велик. Однако рассказы его успели привлечь внимание энергичностью размаха и яркой, нетрадиционной образностью.

Предлагающийся вашему вниманию рассказ был опубликован в 1985 году и явился третьей публикацией в писательской карьере Пола. Сама тематика — радикальные общественные перемены, воздействие новых технологий — показывает, что Ди Филиппо уверенно владеет киберпанковской динамикой. Живет он в Провиденсе, на Род-Айленде.

У офиса Иммиграционной службы, образуя зловонный коктейль, бурлят запахи. Пот отчаявшихся мужчин и женщин, перезрелый мусор на загаженной улице, пряный аромат охранников у переднего входа. Смесь ударяет в голову, сбивает с ног любого, рожденного вне границ Брунглей, но Кремень к ней притерпелся. Другого воздуха, кроме нескончаемой вони — дыма отечества, — он не знает и не отторгает ежедневной реальности.

Нарастает шум, пытаясь заглушить собою запахи. Грубые, громкие звуки ссоры; мягкие, тихие звуки мольбы:

— Не шелуши тут, падла гнилая!

— Я тебя и пальцем не трону, дорогуша, только дай мне…

Из дверей раздается механический голос, без устали повторяющий список дерьмовых предложений так называемых рабочих вакансий:

— Тестирование противопехотных отравляющих газов. Фирма «Четыре-эм» обязуется предоставить всем выжившим полный пакет «Цитрин-омоложа». Высокоорбитальные вакуумщики требуются «Макдоннелл-Дугласу». Согласие на импринтинг сознания обязательно…

Что-то никто не торопится заграбастать себе эти вакансии, что-то не слышно голосов, умоляющих охрану пропустить внутрь. Лишь те, кто погряз в невообразимых долгах или вражде среди Брунглей, отваживаются подписаться на задания десятой категории, а только такие тут снисходительно предлагают. Кремень знает наверняка: эти жульнические варианты не для него. Как и остальные, он здесь потому, что место представляет собой точку фокуса, соборную площадь, жизненно необходимую, как водопой в Серенгети. Здесь завязывается вся скользкая

шелуха, все натуральные сделки — весь бизнес ЗСТ Южный Бронкс, она же Джунгли Бронкса, она же Брунгли.

Обрушивается жара, еще более нервируя говорливое толпище, — опасная ситуация. От постоянного напряжения горло Кремня пересыхает. Он тянется к исцарапанной пластиковой фляге на поясе, делает несколько глотков вонючей воды. «Не свежа, да не отравлена», — повторяет он в уме присказку. По чистой случайности он заметил небольшую протечку в идущей между соседними ЗСТ трубе, близ реки, у забора, окружающего Брунгли. Чистую воду он, как пес, почуял издалека, ощупал несколько метров холодного трубопровода и нашел трещинку. Все приметы, зарубки на пути к сокровищу накрепко запомнил.

Проталкиваясь в толпе (ноги Кремня босы — вы удивитесь, сколько важной для тела и души информации можно прочувствовать мозолистыми пятками), он выхватывает обрывки разговоров, которые помогут ему пережить еще один день в Брунгли. Выживание является его главной — единственной — задачей. Если у Кремня и осталось, чем гордиться после всего пережитого, то лишь тем, что он выжил.

— Я загрузил малость темпы, парень, — вещает грубый голос, — на этом драка закончилась. Через тридцать секунд все трое были мертвы.

Слушатель восхищенно присвистывает. Кремень представляет себе, как он неким образом находит запрятанную темпу, продает ее за конкретные деньжищи, которые впоследствии тратит на сухое, безопасное место для сна и еду, чтобы набить вечно пустой желудок. История маловероятная, но помечтать — приятно.

Мысль о еде вызывает спазм в желудке. Сквозь грубую, покрытую коркой ткань он накрывает правой рукой средоточие острой боли — инфицированную рану. Вернее, Кремень считает ее инфицированной, но, пока не завоняет, точно сказать нельзя.

Продвижение сквозь гам и давку привело Кремня довольно близко к входу в офис. Он ощущает свободное пространство между толпой и охранниками — четвертушка сферы, созданной уважением и страхом; вертикальным сечением ее является стена здания. Статус охранников как наемных работников вызывает уважение, а их оружие — страх.

Один малость образованный депортированный уголовник описывал Кремню поражающее действие оружия — широких, длинных трубок с выступом магнитного резонатора посредине, пластиковым ложем и рукоятью. Оно испускает поток высокоэнергичных электронов на релятивистских скоростях, который, попадая в цель, разрывает тебя на колбасные ошметки, — такая огромная у пучка кинетическая энергия. Но

даже если он пройдет мимо, сопутствующее гамма-излучение вызовет лучевую болезнь со смертельным исходом в течение нескольких часов.

Из объяснения, которое Кремень запомнил дословно, он понимает лишь описание ужасной смерти. Но этого достаточно.

Кремень на секунду останавливается: знакомый голос. Это Мэри, торговка крысами, она по секрету рассказывает о следующей благотворительной поставке одежды. Кремень думает, что она находится на внутреннем краю толпы. Мэри понижает голос, разобрать слова невозможно, а услышать стоило бы. Он осторожно протискивается вперед из плотного кольца людей…

Мертвая тишина. Все застыли и притихли. Кремень ощущает, как заполняется пустое пространство между охранниками: кто-то встал в дверном проеме.

— Вот вы, — раздается изысканный женский голос, — босоногий молодой человек в… — она медлит, подбирая правильный эпитет для того, что скрыто под коркой грязи, — красном спортивном костюме. Подойдите сюда, пожалуйста. Я бы хотела поговорить с вами.

Кремень не понимает, что это о нем (в красном?..), пока не чувствует на себе тяжести окружающих взглядов. Он пытается вертеться, уворачиваться, финтить, но уже поздно. Десяток услужливых лап хватает его. Он уклоняется, ветхая ткань рвется, но руки держат его за плоть. Он кусает, пинает, бьет куда ни попадя. Тщетно. В борьбе он не издает ни звука. В конце концов его, все еще извивающегося, протаскивают через невидимую линию, разделяющую миры столь же верно, сколь непреодолимый забор меж Брунглями и остальными двадцатью двумя ЗСТ.

Его обволакивает запах корицы, охранник прикладывает сзади к шее что-то металлическое и холодное. Такое впечатление, что все клетки мозга вспыхивают одновременно, и тут опускается тьма.

Трое людей выдают свое присутствие очнувшемуся Кремню с помощью запахов, вытесняемого воздуха, голосов и четвертого неуловимого чувства — он его всегда определял как «ощущение жизни».

Сзади — крупный мужчина, дыхание его затруднено, причиной чего, без сомнения, служит запах, издаваемый Кремнем. Должно быть, это охранник. Слева — человек пониже (женщина?), пахнет цветами. (Кремень однажды нюхал цветок.)

Впереди — мужчина за столом.

Кремень не ощущает никаких последствий применения того, что к нему применили, если полная дезориентация таковым не

является. Он не имеет понятия, почему его сюда притащили, и желает лишь вернуться к знакомым опасностям Брунглей.

Но он понимает, что просто так его не отпустят.

— Этот человек задаст вам несколько вопросов. — У женщины самый приятный из всех слышанных Кремнем голосов. — Когда вы ответите на все, я задам вам еще один. Хорошо?

Кремень кивает; похоже, у него нет выбора.

— Ваше имя? — спрашивает сотрудник Иммиграционной службы.

— Кремень.

— Это полное имя?

— Так все меня называют.

(Невыносимая, раскаленная добела боль — оборвашке, пойманному, когда он подглядывал, как кромсали труп, вырвали глаза. Он даже не вскрикнул, нет, отсюда — Кремень.)

— Место рождения?

— Вот эта самая куча говна. Где еще?

— Родители?

— Что это?

— Возраст?

Он пожимает плечами.

— Можно выяснить позже, просканировав клетки. Мне кажется, достаточно, чтобы выдать вам карточку. Сидите, не двигайтесь.

Кремень ощущает, как его лица касаются будто бы теплые заточенные карандаши. Секунду спустя от стола раздается жужжание.

— Вот ваш сертификат о гражданстве и допуск в систему. Не потеряйте.

Кремень протягивает руку в направлении голоса, получает пластиковую карточку, хочет засунуть ее в карман, но обнаруживает, что их отодрали в ходе потасовки, и продолжает бережно сжимать пластик, словно это золотой слиток, который могут в любой момент отнять.

— Теперь моя очередь. — Голос женщины словно смутное предчувствие любви. — Вы хотите работать?

Задет детонатор мины: работа, о которой даже нельзя объявить на публике? Должно быть, настолько хреновая, что не лезет даже в корпоративную шкалу.

— Нет, спасибо, мисс. Моя жизнь не сильно ценна, но это все, что у меня есть. — Он поворачивается, чтобы уйти.

— Хоть я и не вправе вдаваться в детали до тех пор, пока вы не примете предложения, уточню, что контракт, который мы

подпишем, подразумевает работу категории один.

Кремень застывает. Должно быть, злая шутка. Но что, если правда?

— Вы сказали «контракт»?

— Офицер, — командует женщина.

Слышно нажатие на клавишу, устройство зачитывает контракт. Для необученного таким делам Кремня тот кажется вполне честным, ловушек не заметно. Работа категории один на неопределенное время, каждая из сторон может прервать контракт, описание деятельности будет приложено позднее.

Чтобы решиться, достаточно пары секунд. В голову лезут воспоминания о ночах страха, днях боли, проведенных в Брунглях, о единственной радости — выживании. Он лишь чувствует необъяснимое сожаление о секретном источнике чистой воды, который сумел вынюхать. Но и оно проходит.

— Мне кажется, вам нужно это для подписи. — Кремень протягивает недавно обретенную карточку.

— Мне тоже так кажется, — смеется женщина.

Бесшумный, герметичный автомобиль движется по оживленным улицам. Несмотря на отсутствие шума снаружи, комментариев водителя о ситуации на дороге и частых остановках достаточно, чтобы окружающая их городская суета предстала воочию.

— Где мы сейчас? — спрашивает Кремень в десятый раз. Он не только хочет получить информацию, ему нравится, как женщина разговаривает. «Ее голос, — думает он, — звучит как весенний дождь, когда ты сам спрятался под крышей».

— Движемся через ЗСТ Медисон-парк.

Кремень довольно кивает. С тем же успехом она могла бы сказать: «На орбите, подлетаем к Луне», — созданный образ особенно не отличался бы.

Перед тем как отпустить Кремня, Иммиграционная служба произвела с ним некоторые процедуры: ему сбрили волосы со всего тела, пропустили его через вошебойку, заставили десять минут принимать душ с абразивным мылом, провели дезинфекцию, взяли анализы, сделали шесть прививок, выдали нижнее белье, чистый комбинезон и обувь (обувь!).

Непривычный запах собственного тела делает аромат духов женщины еще более привлекательным. Находясь в закрытом пространстве заднего сиденья, Кремень буквально купается в нем и в конце концов уже не может сдержать себя:

— Э-э-э… извините, эти духи… Как они называются?

— «Лилия долин».

Сладкозвучное название заставляет Кремня поверить, что его окружает иное — прекрасное столетие. Он клянется, что запомнит это навсегда. И сдержит клятву.

— Ой! — осознает он с ужасом. — Я даже не знаю, как вас зовут.

— Юнь. Юнь Тангейзер.

Юнь. Кремень. Юнь, Кремень и лилия долин. Юнь в июне с Кремнем в долине среди лилий. В его голове льется песнь.

— Куда мы направляемся? — перекрикивает он музыку.

— К доктору, — отвечает Юнь.

— Я думал, с докторами уже всё.

— Там был терапевт. А мы едем к окулисту.

Этот последний из множества ударов выбил гимн радости из головы Кремня. До конца поездки он сжался в напряженный комок, не в силах даже мыслить.

— Вот модель импланта в натуральную величину.

Доктор кладет холодный шарик в руку Кремня, тот его сжимает, не в силах поверить в реальность происходящего.

— Это ПЗС — прибор с зарядовой связью. Каждый фотон, падающий на матрицу, порождает один или несколько электронов, которые непрерывно преобразуются в сигнал, поступающий через чип-интерпретатор прямо к вашим зрительным нервам. В результате вам возвращается идеальное зрение.

Кремень сжимает образец так сильно, что рука начинает болеть.

— С косметической точки зрения выглядит несколько устрашающе. Молодому человеку вроде вас я бы рекомендовал органические импланты. Тем не менее у меня есть указание от плательщика поставить именно эти. Естественно, они имеют некоторые преимущества.

Кремень не спрашивает, в чем преимущества состоят, доктор тем не менее перечисляет:

— Вы произносите в уме мнемоническую команду, на которую запрограммирован чип, и он выполняет определенные действия. Во-первых, можно сохранить в памяти чипа видимое изображение и вернуться к нему позже. Вызываете его кодовым словом — и снова видите его, вне зависимости от того, что у вас перед глазами. Возвращение к зрению в реальном времени — с помощью другого кодового слова. Во-вторых, уменьшив отношение фотонов к электронам, вы можете, например, смотреть прямо на солнце или на сварочную дугу. В-третьих, увеличив это отношение, можно отчетливо видеть в условиях пониженного

освещения — например, безлунной звездной ночи. В-четвертых, можно увеличить четкость изображения, подменяя цвета. Черное в этом случае становится белым, или же виртуально наденете старые добрые очки с розовыми стеклами — что пожелаете… Ну и все, пожалуй.

— Сколько времени потребуется, доктор? — спрашивает Юнь.

— Один день на саму операцию, — он словно читает лекцию, стараясь показать свой профессиональный навык, — два — на ускоренную реабилитацию, неделя — на обучение и дальнейшее восстановление. Скажем, две недели на все про все — максимум.

— Очень хорошо, — соглашается Юнь.

Молодой человек чувствует, как она поднимается с дивана рядом с ним, но сам остается сидеть.

— Пора идти. — Она кладет руку ему на плечо.

Но Кремень встать не может, потому что плачет навзрыд.

Стеклянно-бетонные, расписанные дюжиной оттенков холодно-синего цвета ущелья Нью-Йорка — гордого и процветающего союза Зон Свободной Торговли — простираются на север. Улицы, разлинованные с геометрической точностью, бегут кроваво-красными реками по далекому дну. На западе и востоке проглядывают лимонно-зеленые воды Гудзона и Ист-ривер. В центре острова — Центральный парк стоит стеной желтых подсолнечников. К северо-востоку от парка — черная пустошь Брунглей.

Кремень наслаждается видом. Любая картинка, любой туманный отпечаток лишь два дня назад представляли из себя немыслимое сокровище. В подаренную ему удивительную способность превращать обычный мир в самоцветную страну чудес было трудно поверить. Быстро насытившись, Кремень дает команду зрению перейти в нормальный режим. Городу тут же возвращаются его обычные цвета: серой стали, голубого неба и зеленых деревьев. Вид остается не менее прекрасным.

Кремень стоит у ряда окон на сто пятидесятом этаже Цитрин-Тауэра, ЗСТ Уолл-стрит. За последние две недели он ни разу отсюда не отлучался, место стало его домом. Единственные посетители: медсестра, кибердоктор и Юнь. Изоляция, фактическое отсутствие контактов с другими людьми его не смущают. После Брунглей тишина кажется блаженством. Конечно, важно и то, что теперь он заключен в чувственную паутину зрения.

Первая увиденная после операции картинка задала тон дальнейшим зрительным исследованиям. Над ним нависало улыбающееся женское лицо. Светло-оливковая кожа, ярко-карие

глаза, обрамляющий водопад черных, цвета воронова крыла, волос.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Юнь.

— Хорошо, — ответил Кремень и добавил слово, которому впервые нашел применение: — Спасибо.

— Не стоит меня благодарить. — Юнь отмахнулась изящной ручкой. — Деньги не мои.

Только тогда Кремень понял, что его работодатель — не Юнь, она сама — наемный работник. Хотя она так и не объяснила тогда, перед кем он в долгу, все прояснилось, когда его перевели из госпиталя в здание, носившее имя владельца.

Элис Цитрин. Даже Кремень знал, кто она такая.

Кремень отворачивается от окон, расхаживает по глубокому кремовому ковру, покрывающему пол его комнаты. Как необычно двигаться вот так уверенно, без постоянных остановок на исследование окружающего пространства! Последние дней пятнадцать он только тем и занимался, что тестировал свои новые глаза. Все обещанное доктором оказалось правдой. Чудо зрения раскрыло волнующие новые измерения. А какая роскошь его окружила! Любая еда, которую он только пожелает. (С него бы хватило и «хрени» — переработанного криля.) Музыка, головидение и, самое главное, общество Юнь. Но сегодня, вдруг, ему не по себе. Где же то дело, ради которого его наняли, — и что это за дело? Почему он до сих пор не виделся с работодателем? Кремень начинает подозревать серьезную подставу.

Он останавливается перед встроенным в шкаф ростовым зеркалом. Зеркала до сих пор вызывают в нем необоримое восхищение. Этот беспрекословно повторяющий твои движения двойник, лишенный любой воли, кроме твоей собственной. Недостижимая и безмолвная копия окружающего мира на заднем плане. Когда в Брунглях у него еще были глаза, Кремень видел свое отражение лишь в лужах и осколках стекла. Теперь, рассматривая в зеркале опрятного незнакомца, он ищет в облике ключи к скрывающейся под ним личности.

Кремень худ и невысок — недоедание сказалось на фигуре, но руки-ноги у него на месте, а скудные мускулы крепки. Из коротких рукавов черного комбинезона выглядывает загрубевшая от непогоды, покрытая шрамами плоть. В тапочках из крепчайшей биокожи чувствуешь себя будто босым.

Его лицо иссечено множеством граней, как на той странной картине в спальне. («Пикассо» — так вроде бы пояснила Юнь.) Твердая челюсть, узкий нос, светлая щетина на черепе. Глаза — нечеловеческие фасетчатые матово-черные полусферы. («Но не отбирайте их, пожалуйста, я сделаю все, что вы пожелаете».)

За его спиной открывается входная дверь. Это Юнь. Нетерпеливой волной слова машинально выплескиваются из Кремнева рта, накладываясь на слова Юнь и к концу фразы сливаясь с ними в единое целое.

— Я хотел бы встретиться с…

— Мы вскоре увидимся с…

— …Элис Цитрин.

Из окон пятьюдесятью этажами выше Кремневых город выглядит еще более впечатляюще. От Юнь Кремень узнал, что земли, на которой стоит здание, век назад еще не было. Большой кусок Ист-ривер к югу от Бруклинского моста был засыпан во время бума нулевых, последовавшего за Вторым конституционным съездом.

Кремень увеличивает отношение электронов к фотонам: Ист-ривер превращается в белую огненную полосу. Манипуляция помогает отвлечься и расслабиться.

— Встаньте рядом со мною. — Юнь указывает на диск сразу за дверьми лифта, за несколько метров перед еще одним входом.

Кремень подчиняется: он будто чувствует ощупывающие его лучи сканера; или тут сказывается близость Юнь, которая касается его локтем? Ее аромат наполняет его, Кремень изо всех сил надеется, что зрение не сможет притупить другие чувства.

Дверь перед ними беззвучно открывается.

Юнь ведет его внутрь, туда, где их ожидает Элис Цитрин.

Она сидит в самоходном кресле внутри подковообразного ряда экранов. Ее кукурузно-желтые волосы коротко подстрижены, кожа ровная, без морщин, но Кремень ощущает, что она очень стара, — таким же образом, как он ощущал эмоции окружающих, будучи слепым. Он всматривается в ее орлиный профиль, кажущийся знакомым, как лицо, некогда увиденное во сне.

Она разворачивается на кресле, смотрит в глаза. Юнь останавливает его в метре от полированной консоли.

— Рада встретиться с вами, мистер Кремень, — приветствует его Цитрин. — Полагаю, вы хорошо устроились, жалоб нет?

— Нет, — подтверждает Кремень; он пытается вспомнить все те слова благодарности, которые собирался произнести, но они вдруг улетучились в охватившем его смущении, и неуверенно начинает: — Моя работа?..

— Понимаю ваше любопытство. Думаете, это должно быть что-то незаконное, отвратительное или смертельно опасное. Зачем бы я еще нанимала человека из Бруклинов? Что ж, удовлетворю ваше желание. Вашей работой, мистер Кремень, будет изучение.

— Изучение? — Кремень ошеломлен.

— Да, изучение. Вы понимаете, что это значит, верно? Изучайте, познавайте, расследуйте, а когда почувствуете, что поняли, напишете мне отчет.

— Я не умею даже читать и писать. — Недоумение сменяется удивлением, переходит в недоверие. — Что за хрень я должен изучать?

— Областью вашего изучения, мистер Кремень, будет окружающий вас мир. Вы, должно быть, знаете, что моя роль в строительстве окружающего нас мира не столь уж мала. И сейчас, когда моя жизнь подходит к концу, мне интересно узнать, плохо или хорошо то, что я создала. Эксперты подали мне достаточно отчетов — как позитивных, так и негативных. Но сейчас мне необходим свежий взгляд из низов общества. Я требую лишь честности и точности. Что касается чтения и письма, Юнь поможет вам изучить эти вышедшие из моды навыки моей юности, если пожелаете. Но при необходимости машины будут читать вам и запишут вашу речь. Начать можете немедленно.

Кремень честно пытается осознать это сумасшедшее задание, которое кажется лишь капризом, прикрытием для чего-то неведомого и зловещего. Но что ему остается, кроме как сказать «да»?

Он соглашается.

— Отлично. — Губы женщины складываются в чуть заметную улыбку. — Значит, наш разговор закончен. И последнее. Если вам понадобится поехать куда-нибудь, Юнь должна вас сопровождать. И никому не рассказывайте о моем участии. Не хочу подхалимажа.

Условия просты, особенно присутствие Юнь. Кремень согласно кивает.

После чего Цитрин поворачивается к ним спиной, и Кремень остолбенело замирает: он готов поверить, что глаза ему лгут.

На широкой спинке кресла устроился зверек вроде лемура или долгопята. Огромные блестящие глаза внимательно рассматривают окружающее, длинный хвост выгнулся вверх спиралью.

— Ее котеночек, — шепчет Юнь и подталкивает Кремня к выходу.

Работа слишком сложна, слишком масштабна. Кремень клянет себя за то, что согласился.

Но что он мог поделать, если хотел сохранить глаза?

Жизнь в тесных границах Брунглей не способствовала пониманию сложного, экстравагантного, пульсирующего мира, в котором он очутился. (По крайней мере, так ему поначалу

кажется.) Его держали в темноте (в прямом и переносном смысле) так долго, что мир за пределами Цитрин-Тауэра обретает черты таинственности.

В этом мире — сотни, тысячи сущностей, о которых Кремню даже не доводилось слышать. Люди, города, предметы, события… Области исследования, названия которых он с трудом выговаривает: ареалогия, теория хаоса, фрактальное моделирование, параневрология. Не забыть историю, этот бездонный колодец, в котором сегодняшний день — не более пленки из пузыриков. Пожалуй, открытие истории наиболее смущает Кремня. Он не припоминает, чтобы когда-либо задумывался о существовании жизни до собственного рождения. Теперь же мысль о всех этих десятилетиях, веках, тысячелетиях чуть не сводит его с ума. Как можно рассчитывать понять сегодняшний день, не зная всего, что произошло ранее?

Безумно, безнадежно, самоубийственно даже пытаться.

Но Кремень пытается.

Он уединяется со своим магическим кристаллом терминалом, соединенным с центральным компьютером Цитрин-Тауэра (представляющим собой невообразимый улей быстродействия), а через эту машину — практически с любым компьютером в мире. Часами вокруг него непрестанно мелькают изображения, слова — словно ножи, брошенные цирковым артистом. Ножи, которые он — туповатый, но усердный помощник — должен поймать, чтобы выжить.

У Кремня прекрасная, натренированная в жестокой школе выживания память — он многое впитывает. Но от каждой тропинки, по которой он следует, через несколько шагов ответвляется другая, которая, в свою очередь, разделяется, и получившиеся третьи производные дают начало новым, не менее важным, чем изначальный, путям…

Однажды Кремень чуть было не захлебнулся, когда бандиты избили его до бесчувствия и оставили валяться в канаве, а начался дождь. Теперь ему вспоминается это ощущение.

Верная Юнь кормит его по три раза каждый день. Ее присутствие до сих пор волнует его. Каждую ночь, лежа на кровати перед сном, он снова и снова проигрывает сохраненные изображения. Вот Юнь наклоняется, сидит, смеется — ее узкие глаза лучатся светом. Вот нежные округлости ее грудей, бедер. Но жажда знаний пересиливает: дни идут и он все меньше думает о ней.

Однажды он замечает таблетку на подносе с обедом и спрашивает Юнь, что это.

— Мнемотропин, способствует активности долговременной

памяти, — отвечает она. — Я подумала, тебе пригодится.

Кремень жадно проглатывает лекарство и отворачивается к тихо ворчащему дисплею.

Теперь каждый день таблетку подают за обедом. После приема его мозг словно расширяется в объеме. Воздействие настолько мощно, что ему кажется: он может впитать в себя весь мир. Тем не менее каждый вечер, когда он наконец заставляет себя остановиться, возвращается чувство недостаточности сделанного.

Проходят недели. Он не написал ни слова для Элис Цитрин. Что он понимает? Ничего. Как может он судить мир, проявить такую глупую спесь? Как долго она будет терпеть, перед тем как вышвырнуть его за шкирку на холодную улицу?

Кремень закрывает лицо ладонями. Машина-насмешница изматывает его непрекращающимся поносом из бесполезных фактов.

Рука легко ложится на его вздрагивающие плечи. Кремень упивается сладким ароматом Юнь.

Он хлопает по выключателю терминала тыльной стороной руки так сильно, что она болит. Благословенная тишина. Кремень поднимает глаза на Юнь.

— Я ни черта в этом не смыслю. Почему она меня выбрала? Даже не знаю, с чего начать.

— Кремень, я молчала, поскольку мне было велено ни в коем случае не пытаться тебя направлять. — Она присаживается на подушку рядом с ним. — Но не думаю, что рассказ о собственном опыте можно расценивать как вмешательство. Лучше бы ты ограничил область исследования. Мир слишком велик. Элис не ждет от тебя понимания в полном объеме, необходимы лаконичные и понятные выводы. Но обобщить целый мир не так-то просто. Мне кажется, ты подсознательно понимаешь, чего она от тебя ждет. Элис сама намекнула во время нашей встречи.

Кремень возвращается к тому дню, прокручивает запись встречи с суровой пожилой женщиной. Ее черты заслоняют собою черты Юнь.

«…плохо или хорошо то, что я создала», — отдается у него в голове фраза.

В глазах Кремня словно полыхнул оптический перегруз. Озарение наполняет его облегчением. Конечно же, тщеславной и властной женщине ее жизнь представляется доминантой нового времени, красной нитью, пронизывающей историю, с разбросанными по ней, подобно бисеру, узлами важных решений. Насколько проще разобраться в одной жизни, чем в целом мире! (По крайней мере, сейчас он так считает.) Это, пожалуй, ему под

силу. Составить схему жизни Цитрин, последствий ее деятельности, волн, расходящихся от трона. Кто знает, может быть, действительно выйдет архетип?

Кремень издает безмолвный крик восторга и обнимает Юнь. Она не сопротивляется, и они вместе падают на диван.

Ее губы теплы и податливы. Ее соски, кажется, прожигают одежду и кожу. Его нога крепко зажата меж ее бедер.

Вдруг он отстраняется, слишком отчетливо представляя себя — тощего изгоя из городской канализации с ужасными глазами.

— Нет, — произносит он горько, — я не могу тебе нравиться.

— Тише, — успокаивает она, — тише.

Ее руки на его лице, она целует его в шею, позвоночник словно плавится: он валится на нее снова, не в силах противостоять желанию.

— Ну и дурень же ты, умник, — шепчет она после, — прямо как Элис.

Но он не задумывается над смыслом ее слов.

На крыше Цитрин-Тауэра расположилась посадочная площадка для фаэтонов — суборбитальных летающих аппаратов, используемых топ-менеджерами компаний. Кремень считает, что за время добровольного заточения изучил все доступные факты из биографии Элис Цитрин. Теперь ему необходимо выбраться в реальную жизнь, прочувствовать, увидеть воочию людей и обстоятельства.

Юнь предупреждает Кремня, что перед полетом им необходимо поговорить с Джеррольдом Скарфом.

В небольшом зале отлетов, среди нежно-белых гофрированных стен и пластиковых кресел, происходит встреча.

Скарф — начальник отдела безопасности «Цитрин технолоджис» — некрупный, жилистый мужчина с непроницаемым лицом. Его внешность, от депилированного и татуированного черепа до ботинок, производит на Кремня впечатление исключительной эффективности. На груди у него значок-эмблема «ЦТ»: красная спираль с указывающей вправо и вверх стрелкой на конце.

Юнь приветствует Скарфа как старого знакомого и спрашивает:

— Ну что, нам зеленый свет?

— Ваш план полета весьма обширен. — Скарф помахивает тонким листом бумаги. — Так ли уж необходимо мистеру Кремню посещать места вроде Мехико?

Кремень удивлен беспокойством Скарфа по поводу такого малозначительного незнакомца, как он. Юнь ловит его взгляд и

поясняет:

— Джеррольд — один из немногих, кому известно, что ты действуешь в интересах лично госпожи Цитрин. Естественно, он полагает, что, если мы попадем в беду, расхлебывать придется «Цитрин текнолоджису».

— Я не ищу неприятностей, мистер Скарф. Я лишь хочу выполнить свою работу.

Джеррольд вглядывается в Кремня не менее пристально, чем сканирующие устройства на входе в святая святых Элис Цитрин, и обозначает положительный результат негромким хмыканьем.

— Ваш пилот ждет вас. Счастливого пути.

Вырвавшись из объятий тяготения выше, чем когда-либо, чувствуя себя богатым и необузданно свободным, держа правую руку на левом колене Юнь, Кремень размышляет о жизни Элис, о зарождающемся собственном понимании ее значения.

Цитрин сейчас 159 лет. Когда она родилась, Америка состояла из штатов, а не из ЗСТ и ЗОК, как теперь. Человечество только научилось летать. В шестьдесят она возглавила фирму «Цитрин байотикс». То было время Торговых войн, которые, хотя и велись с применением налогов, пятилетних планов, автоматических сборочных линий и систем управления решениями пятого поколения, вели к не меньшим человеческим потерям и глобальным сдвигам, чем конфликты с применением обычного оружия. То было время и Второго конституционного съезда — адаптации государства к состоянию войны.

В последующие годы, когда страна оказалась разделенной на Зоны Свободного Предпринимательства — городские, высокотехнологичные автономные регионы, где единственным законом был устав корпорации, а целью были выгода и господство, — и Зоны Ограниченного Контроля — деревенские, в основном сельскохозяйственные, анклавы, где жестко поддерживались традиционные ценности, — «Цитрин байотикс» совершенствовала, доводила до идеала свои, и не только свои, разработки в области углеродистых чипов: микробиологические линии сборки, внутрикровные программируемые ремонтные модули. Окончательный продукт предлагался тем, кто мог его себе позволить, как фактически полное средство омоложения, регенерация клеток или просто — клегенерация.

«Цитрин байотикс» возглавляла список пятисот ведущих компаний журнала «Форчун» на протяжении шести лет.

К тому времени она называлась «Цитрин текнолоджис».

Во главе стояла Элис Цитрин.

Но вечно так продолжаться не может.

Энтропию не обмануть. Происходящую с возрастом

деградацию информации, переносимой ДНК, не повернешь вспять. Несмотря на эффективную работу углеродистых чипов, ошибки накапливаются. Каким бы ни было послушным тело, в конце концов оно сдается.

Теоретически предсказанный конец жизни Элис Цитрин близок. Несмотря на ее молодой облик, какой-нибудь жизненно важный орган может — в результате миллиона микроошибок — отказать в любой момент.

И для того чтобы оправдать собственное существование, ей нужен именно Кремень, который в данный момент сжимает колено Юнь, упиваясь собственной значимостью. Первый раз за свою тяжелую и тусклую жизнь он может совершить что-то важное. Его слова и чувства имеют вес. Он полон решимости с честью выполнить свою работу, озвучить истину в собственном понимании.

— Юнь, — решительно поворачивается Кремень, — я должен все увидеть.

— Ты увидишь, — улыбается Юнь, — обязательно увидишь.

Фаэтон совершает посадку…

…в Мехико, испытавшем в прошлом году полный коллапс, достигнув численности населения в 35 миллионов. «Цитрин технолоджис» помогает тамошним нуждающимся, действуя из отделений в Хьюстоне и Далласе. Кремень не уверен, что мотивы компании так уж благородны. Почему помощь не была оказана до катастрофы? Может быть, «ЦТ» желает лишь остановить поток эмигрантов, угрожающий хлынуть через границу? Но каковы бы ни были подлинные причины, Кремень не отрицает, что служащие «ЦТ» действуют на стороне добра, помогая голодным и больным, восстанавливая линии электропередачи, поддерживая (подменяя собой) городскую администрацию. Он садится в фаэтон с кружащейся головой и вскоре оказывается…

…в Антарктике. Там он и Юнь летят на вертолете от куполов «ЦТ» на корабль-фабрику по переработке криля — источника большей части белка, потребляемого на земле. Юнь считает, что хрень смердит невыносимо, а Кремень глубоко вдыхает волнующий воздух ледовых широт, восхищенно разглядывает квалифицированных работников и работниц. Юнь счастлива снова оказаться в воздухе, и скоро они прибывают…

…в Пекин, где специалисты «ЦТ» по эвристике трудятся над созданием первого Органического Искусственного Разума. Кремень веселится, прислушиваясь к спорам о том, как назвать ОИР: Конфуцием или Мао?

Неделя пролетела в калейдоскопе впечатлений. Кремень

ощущает себя губкой, впитывающей дотоле недоступные зрелища и звуки. Однажды он ловит себя на том, что выходит с Юнь из ресторана в городе, название которого забыл. Он расплатился идентификационной карточкой и держит ее в руке: с ладони уставился голопортрет. Лицо, словно у трупа, грязное, с двумя пустыми, покрытыми запекшейся кровью прорехами на месте глаз. Кремень вспоминает, как теплые лазерные пальцы снимали эту голограмму в офисе Иммиграционной службы. С ним ли это происходило? Тот день кажется эпизодом из чьей-то чужой жизни. Он сует карточку обратно в карман, так и не решив, обновить голо или оставить как есть в качестве памятки о том, откуда он пришел.

И куда еще может угодить?

(Что она с ним сделает, получив отчет?)

В один прекрасный день Кремень предлагает посетить орбитальный комплекс, но Юнь считает, что следует остановиться.

— Мне кажется, мы достаточно напутешествовались для одной поездки. Давай вернемся, ты попробуешь привести все к общему знаменателю.

С этими словами на Кремня накатывает волна усталости, в которой растворяется эйфория. Он безмолвно соглашается.

В спальне темно, лишь городские огни пробиваются через окно. Кремень увеличил чувствительность глаз, чтобы легче было восхищаться нагой светящейся фигурой Юнь рядом с ним. Он обнаружил, что, при недостатке фотонов цвета бледнеют, но черно-белая картинка получается вполне отчетливой, и ощущает себя человеком из прошлого, рассматривающим кино с примитивной кинопленки. Единственное отличие в том, что он держит в руках живое тело Юнь. Ее тело — узор светящихся линий, словно тайная капиллярная схема в ядре Конфуция/Мао. Следуя моде, она имплантировала подкожную сеть микрососудов, наполненных синтетической люциферазой — таким же биолюминесцентном, как у светлячков, только управляемым сознательно. Теперь она светится после секса. Груди — кольца холодного огня, выбритый лобок — спиральная галактика, увлекающая взгляд Кремня в сияющие глубины.

Юнь, уставившись в потолок, отстраненно рассказывает Кремню о своей жизни до него, а он отрешенно поглаживает ее тело.

— Моя мама оказалась единственным выжившим ребенком двух вьетнамских эмигрантов, которые прибыли в Америку вскоре после войны в Азии. Они занимались единственным делом,

которому были обучены: ловили рыбу. Жили в Техасе, на Мексиканском заливе. Мама пошла учиться в колледж. Там она встретилась с папой — тоже, в общем, эмигрантом. Он покинул Германию вместе с родителями после ее объединения.[70] Они считали, что компромиссное правительство — ни то ни се, а жить в таких условиях не могли. Моя биография вроде микрокосмоса, на который наложились все мировые потрясения… Но с тобою рядом я чувствую покой.

Она захватывает между ног ладонь Кремня, крепко ее удерживает и продолжает рассказ о пережитых событиях, о повстречавшихся людях, о карьере личного помощника Цитрин, а на него накатывает странное чувство. В то время как ее слова превращаются в сияющую картину мира, Кремня захлестывает ощущение сродни тому, когда он впервые осознал историю. И еще не осмыслив, хочет ли знать ответ, он спрашивает:

— Юнь, а сколько тебе лет?

Она замолкает. Кремень видит, как Юнь слепо — ее глаза не оборудованы этими чертовыми примочками — уставилась на него.

— За шестьдесят, — наконец отвечает она. — А это важно?

Кремень молчит, понимая, что у него нет ответа имеет ли значение ее возраст.

Юнь приказывает своему телу медленно потухнуть.

Кремень предается горьким радостям того, что можно назвать искусством, присущим лишь ему одному.

Вчитываясь в описание вживленного в его мозг чипа, он обнаружил функцию, не упомянутую доктором. Содержимое его памяти можно сгрузить в компьютер, а накопленные изображения — выставить на всеобщий обзор. Более того, оцифрованные картинки можно обработать, наложить друг на друга или на стороннюю графику, в результате получив совершенно жизнеподобные изображения самых невероятных существ. И эти последние изображения можно, в свою очередь, распечатать.

По сути, Кремень представляет собой живую камеру, а в сочетании с компьютером — полноценную фотостудию.

Цветные отпечатки заполняют все его жилище, висят на стенах, валяются под ногами: Кремень работал над серией портретов Юнь.

Голова Юнь венчает туловище сфинкса. Юнь — в образе *La Belle Dame Sans Merci.*[71] Черты лица Юнь проступают сквозь полную луну, в то время как Кремень спит на лугу, подобно Эндимиону.[72]

Портреты более бередят рану, чем лечат, и — по мнению

Кремня — не делают ему чести. Но определенный терапевтический эффект все же наблюдается: Кремень чувствует, что с каждым днем все лучше разбирается в природе своего чувства к Юнь.

Он сильно обеспокоен тем, что до сих пор не беседовал с Элис Цитрин. Когда необходимо предоставить отчет? И что он скажет?

Вопрос «когда» разрешается для него этим же вечером. Возвратившись с занятий в одном из закрытых тренажерных залов Цитрин-Тауэра, он видит мигающее сообщение на терминале.

Элис примет его следующим утром.

На этот раз в одиночестве, Кремень стоит на площадке перед входом кабинет Элис Цитрин, пока машина идентифицирует его личность. Вот бы та поделилась результатом, а то сам он не особенно понимает, кем является.

Двери разъезжаются, пещера приветливо распахивает пасть.

«Аверно»,[73] — название само собою приходит в голову, когда он заходит.

Элис Цитрин сидит там же, где находилась несколько наполненных событиями недель назад, совершенно неизменная, кажется — вечная. Экраны вокруг ее механизированного кресла мигают в эпилептическом припадке. Но сейчас она не обращает на них внимания, внимательно разглядывая с трепетом подступающего Кремня.

Он останавливается перед неодолимым бастионом из компьютерных консолей, во второй раз вглядывается в ее лицо с недоверием и тревогой. Черты его странным образом напоминают его недавно оформившиеся собственные. Стал ли он походить на эту женщину лишь в силу того, что работает на нее? Или жизнь вне Брунглей на всех накладывает такой жесткий отпечаток?

Цитрин расправляет подол, а Кремень замечает все ту же зверушку, устроившую себе гнездышко в складках ее коричневого платья. В неестественно больших глазах отражаются экраны мониторов.

— Пора бы представить предварительный отчет, мистер Кремень, — говорит она. — Но сердце у вас бьется слишком сильно. Расслабьтесь, расслабьтесь — думайте, что все зависит от этого разговора.

Кремень и рад бы, но присесть ему не предлагают, и каждое слово его — он уверен — внимательно взвесят.

— Итак… Каковы ваши впечатления от мира, созданному мною и другими, подобными мне?

Заслышав самодовольное превосходство в голосе Цитрин,

Кремень отбрасывает осторожность и почти кричит:

— Этот мир несправедлив! — Медлит, но честность заставляет его продолжить. — Он красив, ярок, часто — волнующ, но по сути своей — несправедлив.

— Прекрасно, мистер Кремень. — Кажется, Цитрин довольна его взрывом. — Вы открыли для себя главное противоречие нашей жизни. В куче дерьма таятся драгоценные камни, в смехе — слезы, и как отделить одно от другого, никто не знает. Но боюсь, не во мне причина мировой несправедливости. Несправедливость наличествовала, еще когда я была ребенком, и осталась, несмотря на все мои усилия. Может быть, я даже чуть увеличила неравенство. Богатые стали богаче, бедные по сравнению с ними кажутся еще беднее. Тем не менее в конце пути смерть подстерегает даже титанов.

— Но почему вы не прикладываете больше усилий, чтобы изменить положение вещей? — допытывается Кремень. — Это же должно быть в ваших силах.

Первый раз он слышит, как Элис смеется, и этот звук напоминает ему собственный горький смех, больше похожий на карканье.

— Мистер Кремень, — объясняет она, — я направляю все свои усилия, чтобы остаться в живых. Я не о теле — о нем заботятся машины. Я имею в виду угрозу убийства. Вы оценили стиль ведения бизнеса в нашем мире?

Кремень не понимает, о чем она, и признается в этом.

— Давайте тогда я расскажу, вкратце. Может быть, тогда вы взглянете на некоторые вещи иначе. Вы в курсе заявленной цели Второго конституционного съезда, не так ли? Сформулирована она была крайне высокопарно: «дать волю преимуществам американской системы ценностей», «встретить иностранных конкурентов лицом к лицу, гарантируя победу американского бизнеса, прокладывающего дорогу к демократии во всем мире» и тэ дэ. Очень красиво звучит. Но результат получился иным. Бизнес не привязан к политической системе *per se*[74] Он сотрудничает до тех пор, пока это в его интересах. А главными его интересами являются рост и господство. Как только учреждение ЗСТ освободило корпорации от всех ограничений, они вернулись к извечной битве, которая идет по сегодняшний день.

Кремень пытается переварить услышанное. В ходе путешествия ему ни разу не довелось увидеть открытых проявлений войны, тем не менее напряженность чувствовалась везде. Конечно же, Цитрин преувеличивает. Зачем делать из цивилизованного мира макроверсию анархических Брунглей?

— Вы когда-нибудь задумывались, мистер Кремень, почему вдруг Брунгли остались такой болезненной язвой посреди большого города? — как будто прочитав его мысли, спрашивает она. — Почему люди там живут в нищете?

Внезапно, подчинившись бессловесной команде, экраны мониторов начинают транслировать сцены из жизни Брунглей. Кремень ошарашен. Вот жестокое лицо его юности: провонявшие мочой улицы, накрытые тряпками силуэты на полпути между сном и смертью, хаос вокруг офиса Иммиграционной службы, увенчанная колючей проволокой изгородь над рекой.

— Брунгли, — продолжает Цитрин, — это спорная территория. Причем уже восемьдесят с лишним лет. Корпорации не могут договориться, кому ее разрабатывать. Любое улучшение, произведенное одной из них, тут же уничтожается командой конкурентов. Подобная патовая ситуация характерна для мира в целом. Каждый возжелал, чтобы его вытянули в рай земной за завязки собственного кошелька, точно кришнаита за его косичку. Но вместо этого мы получили мир, состоящий из лоскутков феодальных владений.

Представления Кремня пошатнулись. Он шел сюда, ожидая вопросов, предвкушая возможность высказать все то, что он считал своими выводами. Вместо этого ему прочли лекцию, его провоцировали, как будто Цитрин решала, является ли он достойным партнером для дискуссии. Но прошел он испытание или провалил его?

— Хватит на сегодня, мистер Кремень, — разрешает его сомнения Элис. — Ступайте и подумайте. Мы еще поговорим.

На протяжении трех недель Кремень встречается с Цитрин почти каждый день. Они вместе исследуют бесконечный спектр ее деловых интересов. Кремень постепенно становится более уверенным в себе, озвучивает собственные мнения и наблюдения гораздо тверже. Они не всегда находят общий язык, но Кремень ощущает странное чувство родства и близости с этой древней женщиной.

Иногда даже кажется, что она учит его, как мастер ученика, и гордится его успехами. Но бывает, она уходит в себя, отстраняется.

За это время произошли и другие перемены. Хотя Кремень больше не спал с Юнь с той памятной ночи, он более не ассоциирует ее с сиреной, этот образ перестал возникать на портретах. Они стали друзьями, Кремень часто видится с нею, наслаждается ее компанией, бесконечно ей благодарен за ту роль, что она сыграла в спасении его из Брунглей.

За его разговорами с Цитрин постоянно наблюдает ее зверушка. Это загадочное существо беспокоит Кремня. В Цитрин он не видит и следа эмоциональной привязанности, не может понять, зачем ей сдалось это животное.

В один прекрасный день он наконец так прямо и спрашивает.

— Крошка Египет позволяет мне видеть вещи в правильной перспективе, мистер Кремень. — Ее губы чуть вздрагивают в намеке на улыбку. — Вы, должно быть, не узнали породу?

Кремень подтверждает свою неосведомленность.

— Это *Aegyptopithec.us zeuxis*[75] мистер Кремень, ее вид процветал на Земле несколько миллионов лет назад. На сегодняшний день — единственный существующий экземпляр. Клон, вернее, образец, восстановленный из ископаемых клеток. Она — наш с вами предок, представитель человечества на Земле в то время, когда еще не существовало гоминидов.[76] Я глажу ее и размышляю, как мало нас разделяет.

Кремень разворачивается и шагает к выходу, охваченный странным отвращением; виной тому и древность обезьянки, и внезапное откровение ее хозяйки.

Больше Элис Цитрин он не увидит.

Ночь.

Кремень в одиночестве лежит на постели, проигрывая изображения с монитора, касающиеся истории периода «до ЗСТ», о которой он и не подозревал.

Истории, о которой он и не подозревал.

Внезапно раздается оглушительный треск, как будто произошел одновременный разряд тысяч гигантских электрических дуг. И в ту же секунду происходят две вещи:

— Кремня на миг охватывает головокружение;

— его глаза перестают функционировать.

И вдобавок к этим неприятностям мощный взрыв где-то над головой сотрясает всю башню.

Кремень вскакивает на ноги, как был — в одних трусах, босой, словно вернулся в Брунгли. Он не может поверить, что снова слеп. Но так оно и есть. Добро пожаловать в мир запахов, звуков и ощущений.

Повсюду орет сигнализация. Кремень бежит в гостиную, смотрящую в город бесполезными сейчас окнами. Подходит к двери, но та не открывается. Он тянется было к ручному управлению, но раздумывает.

Что он может сделать, пока слеп? Бродить без цели, мешаться на пути? Лучше остаться здесь, переждать.

Кремень вспоминает о Юнь, почти ощущает запах ее духов.

Конечно, она вскоре спустится, чтобы объяснить происходящее. Точно. Он подождет Юнь.

Три минуты Кремень нервно бродит по номеру. Он не может смириться с потерей зрения. Он знал, что это когда-нибудь случится.

Сигнализация смолкает, и Кремень слышит — скорее чувствует — шаги в коридоре, приближающиеся к его номеру. Юнь, наконец? Нет, что-то не так. «Ощущение жизни» подсказывает ему, что за дверью — незнакомец.

Инстинкты Брунглей берут свое: он перестает размышлять о происходящем, все решают лишь скорость и чувство опасности.

Оконные шторы перевязаны тонкими, но прочными бархатными шнурами. Кремень торопливо срывает один и занимает позицию сбоку у входной двери.

Взрывная волна выбивает ее, чуть не валит Кремня с ног, но равновесие удается восстановить. Во рту появляется привкус крови. И в этот миг внутрь вихрем влетает незнакомый мужчина.

Кремень тут же наскакивает на крепкую спину, обвив ноги вокруг талии, а шнур — вокруг горла.

Незнакомец отбрасывает пистолет и со всей мочи врезается в стену. Кремень чувствует, как ломаются ребра, но изо всех сил напрягает мускулы, затягивая веревку.

Парочка, сомкнувшаяся в непристойной позе, шатается по комнате, разбивая попадающуюся на пути мебель и вазы.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем мужчина тяжело оседает на Кремня, но тот не ослабевает хватки до тех пор, пока не чувствует, что противник перестал дышать.

Соперник умер, а Кремень жив.

Он мучительно выкарабкивается из под безвольного тела, запоздало ощущая боль и шок. Поднимаясь на ноги, Кремень слышит, как по коридору приближаются люди, они разговаривают.

Первым вбегает Джеррольд Скарф, выкрикивая Кремня по имени, а когда замечает его, командует:

— Носилки сюда, быстро!

Кремня укладывают в переноску и куда-то несут, Скарф вышагивает позади и рассказывает нечто фантасмагоричное:

— Они прознали, кто вы, мистер Кремень. Один хренов ублюдок сумел прошмыгнуть мимо нас. Остальных мы сдержали на развалинах верхних этажей. Они долбанули направленным электромагнитным импульсом, который вывел из строя всю электронику, включая ваше зрение. Возможно, вам попутно выжгло небольшое количество мозговых клеток, но это поправимо. После ЭМИ они шарахнули ракетой по этажу миз

Цитрин. Боюсь, она умерла в тот же миг.

Кремню кажется, что его разум и тело буквально распадаются на кусочки. Почему Скарф говорит ему все это? И что с Юнь? Он выдавливает из себя ее имя.

— Она мертва, мистер Кремень. Когда нападавшие занялись ею вплотную, она приняла имплантированный яд.

Так и лилии увядают с приходом холодов.

Носильщики доставили его в госпиталь, где Кремня перекладывают в койку и обрабатывают повреждения.

— Мистер Кремень, — продолжает Скарф, — я настаиваю, чтобы вы прослушали одну запись. Это очень важно и займет не более минуты.

Кремень уже ненавидит назойливый голос. Но заткнуть уши, уйти в блаженное беспамятство он не может. Остается прослушать включенную Скарфом запись.

Говорит Элис Цитрин.

— Плоть от плоти моей, — начинает она, — ты мне ближе, чем сын. Ты — единственный, кому я могу довериться.

Отвращение накатывает на Кремня; он наконец осознал, кто он такой, и все стало по местам.

— Ты слышишь это после моей смерти. Значит, все то, что я построила, теперь твое. Я заплатила людям, чтобы гарантировать это. Теперь твоя очередь обеспечивать их преданность. Надеюсь, наши беседы помогли. Если нет — тебе потребуется даже больше удачи, чем я сейчас пожелаю… Прости меня, пожалуйста, за то, что бросила тебя в Брунглях. Хорошее образование — весьма важно, а, мне кажется, ты получил лучшее. Я всегда наблюдала за тобой.

Скарф выключает кассету.

— Каковы будут ваши указания?

Кремень раздумывает мучительно медленно, пока кто-то занимается его ранами.

— Просто разберитесь с этим говном, мистер Скарф. Разберитесь с этим сраным говном.

Но, еще произнося эти слова, Кремень понимает, что разбираться придется не Скарффу.

Разбираться придется ему самому.

БРЮС СТЕРЛИНГ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
КРАСНАЯ ЗВЕЗДА, ЗИМНЯЯ ОРБИТА [77]

Писать в соавторстве — добрая традиция фантастического жанра. Отнюдь не чужды этой традиции и киберпанки: для авторов, настолько сплоченных общностью идей, это вполне логичный шаг. Когда наши голоса сливаются в хор, Движение будто говорит собственным голосом.

Завершают «Зеркальные очки» два совместных рассказа.

«Красная звезда, зимняя орбита» (1983) — единственный к настоящему моменту текст, написанный в соавторстве Уильямом Гибсоном и Брюсом Стерлингом, центральными фигурами киберпанка. Рассказ этот — хорошая иллюстрация и киберпанковского мировоззрения в целом, и характерного для авторов внимания к деталям, любовно выписанного фона.

Уильям Гибсон написал «Континуум Гернсбека» — рассказ, открывший данную антологию.

Свой первый роман Брюс Стерлинг, опубликовал в 1977 году.

С тех пор он написал еще три романа и десяток рассказов, покрывающие весь фантастический спектр: от комической сатиры до исторического фэнтези. Наиболее известен он, пожалуй, циклом историй о шейперах и механистах, к которому относится роман «Схизматрица», и своим чувством юмора, которое порой вынуждает его говорить о себе в третьем лице.

Живет он в Остине, штат Техас.

Полковник Королев ворочался в ремнях безопасности: ему снились зима и сила тяжести. Молодым курсантом он снова гнал коня по ноябрьской казахской степи в краснеющую даль марсианского заката.

«Глупость какая-то», — подумал он.

И проснулся в Музее Советского Космического Триумфа под стоны, издаваемые Романенко и женой кагэбэшника. Они снова занимались любимым делом за экраном в дальнем конце «Салюта». Предохраняющая упряжь ритмически поскрипывала, корпус в мягкой обшивке вздрагивал. Копыта били по снегу.

Освободившись от ремней, Королев одним отточенным ударом толкнул себя в туалетную стойку. Скинув изношенный комбинезон, он пристроил писсуар к паху, протер запотевшее

стальное зеркало. Артритная рука снова разболелось за время сна; от потери кальция запястье стало по-птичьи тонкокостным. Двадцать лет в невесомости: он встретил старость на орбите.

Полковник воспользовался бритвой-прилипалой. Паутинка вен покрывала его левую щеку и висок: очередное напоминание о разгерметизации, оставившей его инвалидом.

Выйдя, он обнаружил, что любовники закончили. Романенко поправлял одежду. Из-под обрезанных рукавов коричневого комбинезона жены политрука, Валентины, были видны ее белые руки, покрытые потом от недавних упражнений. Пепельно-белые волосы женщины колыхались под искусственным бризом вентилятора. Ярко-васильковые, близко посаженные глаза будто извинялись, но в то же время заигрывали.

— Взгляните, что мы вам принесли, полковник. — Она протянула миниатюрную бутылочку коньяка, из тех, что продают в самолетах.

Королев ошарашенно хлопал глазами на лого «Эйр Франс», выдавленное на пластиковой пробке.

— Муж говорит, что ее доставили на «Союзе» внутри огурца, — хихикнула Валентина. — Он мне ее отдал.

— А мы решили отдать ее вам, полковник, — добавил, широко улыбаясь, Романенко. — Нас-то в любой момент могут отпустить в увольнительную.

Королев сделал вид, что не заметил беглого взгляда на свои тощие ноги и бледные, безвольные ступни. Он открыл бутылку, от богатого букета запахов щеки покраснели. Полковник осторожно отпил несколько миллилитров бренди. Горло обожгло, как будто кислотой.

— Господи, — воскликнул он, — сколько же лет прошло! Я же напьюсь.

Он рассмеялся, в глазах блестели слезы.

— Отец рассказывал, что в старые времена вы и пили как герой, полковник.

— Так оно и было. — Королев еще глотнул.

Коньяк лился, словно жидкое золото. Полковник недолюбливал отца парня — добродушного партфункционера, давно отошедшего к лекционной деятельности, даче на берегу Черного моря, американским напиткам, французским костюмам, итальянской обуви… Мальчишка походил на папашу — такие же чистые серые, незамутненные сомнением глаза.

— Вы очень добры, — поблагодарил Королев; алкоголь успел проникнуть в разжиженную кровь. — А вот я вам сейчас выдам *самизданных*: свеженький перехват американского кабельного. Крутая штука! Но не для стариков вроде меня.

Он вставил кассету и нажал на запись.

— Я передам канонирам, — улыбнулся Романенко. — Пусть прокрутят на экранах наводки.

Пост, где располагались излучатели, все называли канонирской. Солдаты там были особенно охочи до подобного рода штучек. Королев сделал еще одну копию Валентине.

— Очень жесткое? — спросила она встревожено и в то же время заинтересованно. — А можно, мы еще раз зайдем? В среду, в двадцать четыре ноль-ноль?

Королев улыбнулся. До того как ее отобрали в отряд космонавтов, Валентина работала на фабрике. Ее красота стала орудием пропаганды, а она сама — идеалом для пролетариата. Коньяк разлился по венам Королева, он жалел девушку и не мог отказать ей в маленькой радости.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

— Спасибо, мой полковник. — Она чмокнула его в щеку, проделав сальто в невесомости.

— Вы лучший, полковник. — Романенко, насколько мог легко, хлопнул Королева по хрупкому плечу. После несчетных часов занятий на тренажерах мускулы парня были что у кузнеца.

Королев проводил взглядом любовников, двинувшихся к центральному стыковочному отсеку, откуда можно было попасть в два коридора и три престарелых «Салюта». Романенко повернул «на север» — в канонирскую, а Валентина отправилась в противоположный коридор, к следующему стыковочному отсеку, и оттуда — к «Салюту» своего мужа.

Всего в Космограде имелось пять стыковочных отсеков, по три «Салюта» на каждый. Военное оборудование и пусковые установки спутников находились в противоположных концах комплекса. Станция потрескивала, поскрипывала, повизгивала в точности как остановка метрополитена, а запах сырого металла наполнял ее, словно трюмы давно немытого теплохода.

Королев снова приложился к бутылочке. Она была уже полупуста. Он спрятал ее в одном из музейных экспонатов — НАСАвском «Хассельбладе», снятом с места прилунения «Аполлона». Он не брал в рот спиртного с момента последней увольнительной, еще до разгерметизации. Голову закружило в горьковато-сладкой волне ностальгии.

Он снова подплыл к пульту, зашел в область памяти, где злостно стертые речи Алексея Косыгина полковник заменил на коллекцию *самизданных* — оцифрованную поп-музыку, любимые песни восьмидесятых. Там были английские группы, записанные с западногерманского радио, тяжелый металл из стран

Варшавского договора, американские записи с черного рынка. Он надел наушники и включил ченстоховское реггей «Бригады Кризис».[78]

После всех этих лет он уже не слышал музыки, в голове лишь всплывали яркие непрошеные воспоминания. В восьмидесятые он представлял собой патлатого номенклатурного сыночка, высокое положение отца позволяло ему не бояться московской милиции. Ему вспоминался вой усилителей в жаркой темноте подвального клуба, толпа в облаках дыма: шахматная доска из темных квадратов (джинсов) и светлых (обесцвеченных волос). Он курил «Мальборо», приправленное афганской травой. Он помнил губы дочери американского посла на заднем сиденье черного «линкольна» ее отца. Имена и лица нахлынули на него в теплом коньячном мареве. Нина из Восточной Германии показывала ему ксероксы переводов польских диссидентских листовок…

А однажды ночью она не пришла в кофейню. Слухи о тунеядстве, антисоветской деятельности, фармакологических ужасах *психушки*…

Королева пробрала дрожь. Он вытер лицо и обнаружил, что оно все мокрое от пота. Он снял наушники.

С тех пор прошло уже пятьдесят лет, а он вдруг сильно испугался. Он не мог припомнить такого испуга даже тогда, когда разгерметизация превратила его в инвалида. Его трясло. Свет. Свет на «Салюте» был слишком ярок, но у него не было сил подойти к выключателю. Простое вроде бы дело, которое он совершал несчетное число раз… Переключатели и провода в толстой изоляции таили смутную угрозу. Он осмотрелся, не понимая, что происходит. Заводная моделька лунохода колесами-липучками прижалась к стенке, притаилась там, словно что-то живое. Советские пионеры космоса с официальных портретов разглядывали его с плохо скрываемой брезгливостью.

Коньяк. Годы невесомости сыграли злую шутку с метаболизмом Королева. Да и сам он изменился. Нужно только сохранить спокойствие, перебороть себя. Все же будут смеяться, если его вырвет.

У входа в музей раздался осторожный стук, через открытый люк внутрь медленно и грациозно влетел инженер Никита по прозвищу Сантехник, главный в Космограде мастер на все руки. Молодой человек был явно чем-то разозлен. Королев испугался.

— Вы рано, инженер, — выдавил он, пытаясь сохранить фасад нормальности.

— Микроутечка в «Дельте-три». — Никита вздохнул. — Вы понимаете по-японски?

Он вытащил кассету из оттопыренного кармана, которых на

его комбинезоне имелось множество, и помахал ею перед Королевым. На нем были тщательно застиранные джинсы «Левис» и разваливающиеся кроссовки «Адидас».

— Это записано прошлой ночью.

Королев весь сжался, словно кассета таила угрозу.

— Нет, по-японски не понимаю. — Он сам удивлялся мягкости своего голоса. — Только по-английски и по-польски.

Он чувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом, которого он прекрасно знал и которому доверял, но…

— С вами все нормально, полковник? — Никита умелыми пальцами вставил кассету и запустил «Лексикон». — Вы как будто только что таракана съели. Вот, послушайте.

Королев тревожно вглядывался в рекламу бейсбольных перчаток. Кириллические субтитры, сгенерированные «Лексиконом», бойко бежали по монитору под торопливую японскую речь.

— Сейчас новости пойдут, — пояснил Сантехник, обгрызая кутикулу.

Королев с беспокойством всматривался в перевод, скользивший поверх лица японского диктора.

АМЕРИКАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВКА НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… ДОКАЗЫВАЕТ ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… СПИСАТЬ ВОЕННУЮ СТАНЦИЮ КОМИЧЕСКИЙ ГОРОД…

— Космический, — поправил Никита. — Глюк «Лексикона».

ПОСТРОЕННУЮ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ КАК ФОРПОСТ В КОСМОСЕ… ГРАНДИОЗНОЕ НАЧИНАНИЕ, ПОДОРВАННОЕ НЕУДАЧЕЙ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ НА ЛУНЕ… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПИЛА ПО ЭФФЕКТИВНОСТИ НАШИМ АВТОМАТИЧЕСКИМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ, ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…

— Самодовольные ублюдки! — выругался Сантехник. — Гадом буду, этот чертов кагэбэшник Ефремов и сюда руку приложил.

ОШЕЛОМЛЯЮЩИЙ ТОРГОВЫЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА… НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… НЕДАВНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…

— Они нас закрывают! — лицо Никиты перекосило от ярости.

Королев отвернулся от экрана, он весь трясся. Внезапные слезы хлынули из глаз, капли поплыли в невесомости.

— Оставьте меня! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите на меня. Кто-то накачал вас «ужасом»!

— Уходите, — взмолился Королев.

— Этот сучонок-топтун? Он вам дал таблетки? Сделал укол?

— Я выпил. — Королев содрогнулся…

— Он вам «ужас» подсунул. Вам, старому больному человеку! Я сейчас ему морду разобью!

Сантехник подтянул колени, сделал обратное сальто, оттолкнулся от скобы на потолке и вылетел в коридор.

— Подождите, Никита!

Но тот белкой прошмыгнул через стыковочный отсек и исчез в коридоре. Королев вдруг понял, что не может оставаться один. Вдалеке искаженным металлическим эхом разносились разъяренные крики.

Не переставая дрожать, он закрыл глаза и стал ждать помощи от кого-нибудь.

Королев попросил военного психиатра Бычкова помочь ему натянуть свой старый форменный комбинезон, тот самый, над нагрудным карманом которого была приколота Звезда Циолковского. Черные простеганные нейлоновые ботинки на подошвах-липучках больше не налезали на изуродованные ступни, пришлось остаться босым.

Укол, сделанный Бычковым, в течение часа более или менее привел его в себя, но то и дело наваливалась депрессия и неконтролируемая ярость. Теперь полковник ожидал, пока Ефремов явится по его вызову в музей.

Гнев сменился на старческую отстраненность. В Музее Советского Космического Триумфа — так они называли его жилище — Королев ощущал себя еще одним экспонатом. Он уныло взглянул на обрамленные золотом лица великих мечтателей космической эры: Циолковский, Рынин,[79] Туполев. Ниже, в более скромных рамах, висели портреты Верна, Годдарда[80] и О'Нейла.[81]

В минуты отчаяния Королеву казалось, что в их глазах можно разглядеть огонек сумасшедшинки, особенно у двух американцев. «А — может, — они и вправду свихнулись?» — предполагал он, когда накатывало циническое настроение. Или все же виною тут было проявление странной, выводящей из равновесия силы — движителя человеческой эволюции?

И один только раз полковник почувствовал себя носителем подобного взгляда: тогда он впервые ступил на марсианскую почву невдалеке от ущелья Копрат. Изнутри шлема, в отблеске солнечного света, на него внимательно смотрели глаза «чужого» — в их взгляде не было страха, но читалась одержимость. Та внезапная встреча с самим собой оказалась для Королева

главным, определяющим событием жизни.

Над портретами висела мертвенно-масляная картина, изображавшая посадку на планету. Цветовая гамма более всего напоминала о борще и томатном соусе. Марсианский пейзаж был сведен к соцреалистическому кичу. Рядом со спускаемым аппаратом художник поместил фигуру космонавта в скафандре, изображенную со всей присущей официозу тщательной вульгарностью.

Королев с отвращением ждал прибытия Ефремова — бортового политрука.

Когда Ефремов наконец добрался до «Салюта», полковник с удовлетворением отметил у кагэбэшника ссадины на шее и разбитую губу. На политруке был японский спортивный костюм фирмы «Кансаи» и модная итальянская палубная обувь. Он вежливо кашлянул.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королев молча рассматривал собеседника, выдерживал паузу.

— Ефремов, — проворчал он наконец, — я вами недоволен.

Политрук покраснел, но выдержал тяжелый взгляд.

— Давайте в открытую, полковник, как мужик с мужиком. Предназначался он, конечно, не вам.

— Вы говорите об «ужасе», Ефремов?

— Да, о бета-карболине.[82] Если бы вы не потворствовали асоциальным поступкам, не принимали бы взяток, подобного бы не случилось.

— Так, по-вашему, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? В таком случае вы рогоносец, контрабандист и стукач. Это я вам как мужик мужику говорю.

На лице политрука появилась привычная маска оскорбленной праведности.

— Расскажите мне, Ефремов, для чего вы тут? Чем вы занимались с тех пор, как оказались в Космограде? Нам известно, что комплекс закрывают. Что ожидает гражданских членов экипажа, когда они вернутся на Байконур? Дело о коррупции?

— Допросы, несомненно, проведут. В некоторых случаях не исключаю принудительной госпитализации. Уж не полагаете ли вы, полковник, что это на Советском Союзе лежит ответственность за провал миссии Космограда?

Королев промолчал.

— Космоград был мечтой, полковник. Мечтой, не воплотившейся в реальность. Как и освоение космоса в целом. Нам здесь не место. Целый мир еще нужно обустроить. СССР — величайшая держава в мировой истории. Нельзя терять чувство перспективы.

— Вы считаете, от нас можно вот так легко отмахнуться? Мы же элита. Высококомпетентная техническая элита.

— Скорее, меньшинство, полковник. Исчезающий вид. Что вы производите за исключением кучи ядовитого американского дерьма? Экипаж должен был бы работать, а не сливать на черном рынке подпольный джаз и порнографию. — Лицо Ефремова приняло спокойное, уверенное выражение. — Экипаж возвратится на Байконур. Орудиями можно управлять и с Земли. Вы, безусловно, останетесь здесь. Вас будут навещать гости — космонавты из Африки, Южной Америки. Для них космос сохранил часть былого престижа.

— Что вы сделали с мальчишкой? — процедил Королев.

— С вашим Сантехником? — политрук вздохнул. — Он поднял руку на офицера Комитета государственной безопасности. И останется под стражей до тех пор, пока мы не сможем отправить его на Байконур.

Королев попытался зло рассмеяться.

— Отпустите его. Подумали бы лучше о том, как свою задницу прикрыть, вместо того чтобы выдвигать обвинения. Я лично поговорю с маршалом Губаревым. Может быть, моя должность здесь и является лишь почетной синекурой, но долю влияния я сохранил.

Кагэбэшник пожал плечами.

— Канонирам передан приказ Байконура держать модуль связи под замком. Их судьба зависит от выполнения этого приказа.

— Вы объявляете военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Времена сложные. А вы, как человек, обладающий моральным авторитетом, должны показать пример.

— Посмотрим, — сказал Королев.

Космоград вышел из тени Земли на солнечный свет. Стены королевского «Салюта» цокали и клацали, словно пустые стеклянные бутылки в авоське. «Иллюминаторы, — подумал Королев, неосознанно поглаживая вены на виске, — всегда первыми дают течь».

Похоже, этот парень, Гришкин, был того же мнения. Он достал тюбик с замазкой из кармана на лодыжке и начал проверять герметичность прокладки вокруг иллюминатора. Гришкин работал помощником Сантехника, был самым близким его другом.

— А теперь нам нужно проголосовать, — устало подытожил Королев.

Одиннадцать из двадцати четырех гражданских членов экипажа станции согласились прийти на собрание. Двенадцать, если считать его самого. Оставалось еще тринадцать тех, кто либо боялся, либо активно выступал против участия в забастовке. Если считать Ефремова и шестерых канониров, то количество отсутствующих поднималось до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Всех, кто согласен со списком в том виде, в каком он есть…

Он поднял здоровую руку. Присоединились еще трое. Занятый работой с иллюминатором Гришкин поднял ногу.

— Нас и так не слишком много, — вздохнул Королев. — Необходимо достичь согласия. Давайте выслушаем возражения.

— Тут написано: «военная тюрьма», — заметил биолог Коровкин, — как если бы мы считали военных, а не преступника Ефремова, ответственными за сложившуюся ситуацию. — Ему было явно не по себе. — Мы вас, конечно, поддерживаем, но подписывать не станем. Мы же члены партии. — Казалось, он хочет что-то добавить, но замолчал.

— Моя мама, — тихо произнесла его жена, — была еврейкой.

Королев кивнул, но ничего не сказал.

— Все это преступный идиотизм, — объявил ботаник, Глушко; ни он, ни его жена не голосовали. — Сумасшедший дом. Нам всем прекрасно известно, что с Космоградом покончено. Чем скорее мы окажемся дома, тем лучше. Чем была сама эта станция лучше тюрьмы?

Метаболизм Глушко плохо адаптировался к невесомости: в отсутствие силы тяжести кровь приливала к шее и голове, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты, Василий, ботаник, — сухо заметила его жена. — Тогда как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Не твоя карьера на кону.

— Я в этом сумасшествии не участвую! — Глушко с такой силой пнул переборку, что вылетел из помещения.

Жена последовала за ним, она раздраженно ворчала, понизив голос, — так на станции протекали семейные сцены.

— Подписывают пятеро, — подсчитал Королев, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — поправила Татьяна, еще один пилот «Союза». Ее длинные темные волосы были зачесаны назад и убраны под узорный нейлоновый обруч. — Вы забыли Никиту.

— Смотрите, солнечные шары! — воскликнул Гришкин.

Космоград в этот момент пролетал над побережьем Калифорнии — чистыми пляжами, изумрудно-зелеными полями, пришедшими в упадок огромными городами, названия которых звучали как волшебные заклинания. Высоко над уровнем слоисто-

кучевых облаков парило пять солнечных шаров, зеркальных геодезических сфер, удерживаемых силовыми кабелями, — они являли собою дешевую замену Великой Американской Мечте об орбитальных солнечных электростанциях. Эти штуковины действительно работали, полагал Королев, поскольку за последнее десятилетие их число умножилось.

— Говорят, там внутри люди живут? — Системный инженер Стойко присоединился к Гришкину у иллюминатора.

Королев припомнил вал абсурдных американских энергетических проектов, последовавших за подписанием Венского договора. Советский Союз прочно удерживал в своих руках мировые запасы нефти, и американцы готовы были взяться за любое начинание. А потом авария на Канзасской АЭС навсегда отвратила их от ядерной энергетики. Вот уже более трех десятилетий они медленно скатывались к политике изоляционизма, промышленное производство деградировало. «В космос, — горькая мысль не давала ему покоя, — им нужно было стремиться в космос». Он так и не смог для себя объяснить странного паралича воли, сковавшего так ярко начинавшуюся программу. Может, они просто разучились мечтать, потеряли перспективу?

«Понимаете, американцы, — говорил он про себя, — вам нужно было присоединиться к нам, здесь в нашем светлом будущем Космограда».

— Кому охота жить в таком месте? — грустно посмеиваясь, спросил Стойко и хлопнул Гришкина по плечу.

— Вы шутите, — негодовал Ефремов. — Мы и без этого в глубокой заднице.

— Мы не шутим, товарищ Ефремов, перед вами наши требования.

Пятеро диссидентов столпились в «Салюте», который кагэбэшник делил с Валентиной, выдавив того к кормовой переборке, украшенной сильно заретушированной фотографией премьера, приветствовавшего народ с трактора. Королев знал, что Валентина в этот момент находится в музее, скрипит упряжью с Романенко. Полковник удивлялся, как это Романенко удается так часто отлучаться с вахты в канонирской.

Ефремов пожал плечами и взглянул на список требований.

— Сантехник должен остаться под арестом. У меня на это прямые указания. Что же до оставшейся части документа…

— Вы виновны в недозволенном использовании психоактивных препаратов! — выкрикнул Королев.

— Это мое личное дело, — парировал Ефремов.

— Преступление, — возразила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что Гришкин является наиболее активным распространителем пиратских *самизданных* здесь на станции! Мы все тут преступники, вам не кажется? В этом и прелесть системы, не так ли? — Тут он цинично усмехнулся. — Космоград — не крейсер «Потемкин», а вы — не революционеры. Вы требуете связаться с маршалом Губаревым? Так он под следствием на Байконуре. Вы требуете связаться с министром науки? Так министр и заведует чисткой.

Решительным жестом он разорвал распечатку, желтоватые обрывки бумаги разлетелись в невесомости медленными бабочками.

На девятый день забастовки Королев встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который до того Гришкин делил с Никитой.

Вот уже сорок лет обитатели Космограда вели антисептическую войну с плесенью и грибком. Пыль, жир и водяные испарения в невесомости не оседали, споры проникали повсюду: в обшивку, в одежду, в вентиляцию. Словно в чашке Петри, в теплой и влажной атмосфере станции они распространялись со скоростью нефтяных пятен в океане. Воняло сухой гнилью и — опасно — горелой изоляцией.

Королев проснулся от глухого удара — очередной посадочный модуль отчаливал от станции. Глушко с женой — догадался он. В течение последних сорока восьми часов Ефремов занимался эвакуацией тех членов экипажа, которые отказались участвовать в забастовке. Канониры оставались на своем посту и в примыкающих к канонирской казарменных отсеках, там же держали Никиту Сантехника.

Гришкинский «Салют» стал штабом забастовщиков. Поддерживающие стачку мужчины не брились, Стойко подхватил стафилококковую инфекцию, руки его покрылись гнойничковой сыпью. Окруженные бледными распечатками полуголых девиц с американского телевидения, в тусклом свете (силовые установки работали вполсилы) забастовщики смахивали на трио порнографов-доходяг.

— С отбытием несогласных, — отметил Стойко, — наши позиции усиливаются.

Гришкин, из носа которого торчали ватные тампоны, только простонал в ответ. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков, впрыснув в воздух станции бета-карболин. Тампоны лишь демонстрировали общий уровень напряженности, доходящей до паранойи. Еще до того, как с

Байконура пришел приказ об эвакуации, один из техников взялся часами крутить увертюру Чайковского «1812 год» на полной громкости. Глушко гонялся за голой, избитой и орущей женой по всей станции. Стойко открыл доступ к файлам кагэбэшника и записям психиатра Бычкова: многометровые змеи желтых распечаток спиралями кружили по коридорам, шелестели под вентиляторами.

— Только подумайте, что с нами сделают органы на Земле, — пробормотал Гришкин. — Даже суда не будет. Прямиком в психушку.

Зловещее прозвище психиатрических тюрем вселяло в парнишку ужас. Королев жевал вязкий хлорелловый пудинг.

Стойко выхватил проплывающую мимо распечатку.

— «Паранойя, развивающаяся в преувеличенное представление собственной значимости. Враждебные социальному устройству ревизионистские фантазии». — Он скомкал бумагу. — Если бы захватить модуль связи, мы могли бы связаться с американским спутником и слить им все это дерьмо. Может, тогда Москва бы поняла, как она нам осточертела.

Королев смахнул со своего пудинга плодовую мушку. Две пары крыльев и разделенное лишней перетяжкой брюшко явно указывали на высокий уровень радиации. Насекомые разлетелись во время какого-то давнего эксперимента, поколения их населяли станцию уже в течение десятилетий.

— Американцам мы неинтересны, — сказал Королев. — А Москве теперь наплевать на подобные разоблачения.

— За исключением тех моментов, когда ожидается очередная поставка зерна, — возразил Гришкин.

— Америке нужно продать так же сильно, как нам — купить. — Королев с отсутствующим видом зачерпнул еще ложку водорослей, механически прожевал, проглотил. — Американцам до нас не добраться, даже если бы они этого хотели. Канаверал лежит в руинах.

— А у нас топливо заканчивается, — заметил Стойко.

— Можно взять с оставшихся спускаемых аппаратов, — предложил Королев.

— И как, черт побери, мы тогда приземлимся? — Гришкин потряс кулаками. — Даже в Сибири есть деревья! Деревья, а над ними — небо! Хрен бы с этим всем! Пусть катится в тартарары! Пусть упадет и сгорит!

Недоеденный пудинг растекся по обшивке.

— О господи! — сконфузился Гришкин. — Извините, полковник. Я же знаю, что вы не можете вернуться.

В музее он обнаружил пилота Татьяну перед этой проклятой картиной посадки на Марс. Щеки ее были мокры от слез.

— Знаете, полковник, ваш бюст установлен на Байконуре. Бронзовый. Я всегда проходила мимо него по пути на лекции. — Ее глаза покраснели от недосыпа.

— Бюсты всегда были и будут. — Он улыбнулся и взял ее за руку. — Так уж устроены академии.

— Как оно было там в этот день? — Татьяна все еще смотрела на картину.

— Я почти не помню. Так часто смотрел записи, что помню, скорее, их. Теперь мои воспоминания о Марсе не отличаются от воспоминаний любого школьника. — Он снова улыбнулся. — Но было не так, как на этой дрянной картине. В этом, вопреки всему, я уверен.

— Почему же это случилось, полковник? Почему все заканчивается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… Казалось, наше великое космическое будущее — это навсегда…

— Может, американцы были правы? Японцы послали в космос машины, роботы построили их орбитальные лаборатории. Добыча полезных ископаемых на Луне оказалась неэффективной, но мы считали, что в космосе останется хотя бы постоянная исследовательская станция. Все дело в наполненности кошельков. В кабинетах, где принимают решения.

— Вот оно, окончательное решение проблемы Космограда. — Она передала Королеву клочок бумаги. — Я обнаружила это в распечатке московских приказов Ефремову. Они пойдут на неконтролируемое снижение орбиты в течение ближайших трех месяцев.

Полковник поймал себя на том, что тоже всматривается в картину, к которой питал отвращение.

— Это уже не имеет значения, — услышал он свой голос.

А потом она разрыдалась, уткнувшись Королеву в покалеченное плечо.

— Но у меня есть план, Татьяна, — говорил он, поглаживая ее волосы. — Послушайте…

Королев взглянул на свой старенький «ролекс». Они пролетали над Восточной Сибирью. Он помнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлевского дворца.

Пора было приступать.

Полковник выплыл из «Салюта» в стыковочный отсек, отмахиваясь от распечатки, которая норовила опутать ему голову.

Здоровая рука все еще могла работать быстро и точно.

Улыбаясь, он вытащил кислородный баллон из крепежных ремней. Ухватившись за поручень, он со всей силой, на которую был способен, швырнул баллон в противоположную стену. С громким лязгом баллон отскочил, не причинив вреда. Королев подхватил его и снова швырнул.

А потом включил кнопку декомпрессионной тревоги.

Сирены выплюнули облачко пыли и завыли. Взвизгнула гидравлика, и — по тревоге — закрылись переборки между отсеками. Уши Королева заложило. Он чихнул и снова подобрал баллон.

Свет вспыхнул и погас. Полковник улыбался в темноте, обняв стальной баллон. Стойко сумел устроить критический системный сбой. Это оказалось нетрудно. Система и так балансировала на грани коллапса, из-за переполненных пиратским видео банков памяти.

— Вот вам бой без перчаток, — процедил Королев, снова ударяя баллоном об стену; зажегся неяркий свет — заработали резервные генераторы.

Плечо заболело, но он продолжал молотить баллоном, припоминая грохот настоящей разгерметизации. Нужно сильнее, чтобы у Ефремова и канониров не оставалось сомнений.

Со скрипом начало поворачиваться колесо ручного затвора одного из люков. Наконец с глухим стуком люк открылся — и внутрь заглянула Татьяна. Она застенчиво улыбалась.

— Сантехника освободили? — спросил полковник, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский договариваются с охранниками. — Она стукнула кулаком об открытую ладонь. — Гришкин готовит посадочные модули.

Королев последовал за нею в следующий стыковочный отсек. Стойко уже помогал сантехнику выбраться из люка, который вел в казармы. Никита был бос, лицо его поросло неопрятной щетиной. За ним следовал метеоролог Уманский, таща за собою безвольное тело солдата.

— Как вы, Никита? — спросил Королев.

— Трясет. Они держали меня на «ужасе». Дозы небольшие, но мне хватило поверить, что разгерметизация настоящая.

Из ближайшего к Королеву «Союза» выплыл Гришкин. За ним на нейлоновом тросе тянулся шлейф из приборов и инструментов.

— Все спускаемые аппараты в норме. Сбой вывел их в автоматический режим. Я подкрутил отверткой систему дистанционного управления, так что с Земли вмешаться не смогут. Как ты, Никита? — спросил он Сантехника. — Готов к

экстренной посадке в Центральном Китае?

Тот вздрогнул, поморщился и затряс головой.

— Я не говорю по-китайски.

— Вот тебе транскрипция. — Стойко протянул распечатку. — Это означает: «Я ХОЧУ СДАТЬСЯ. ПРОВОДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО».

Никита улыбнулся и взъерошил жесткие от пота волосы.

— А вы сами что будете делать? — спросил он.

— Думаешь, только для тебя стараемся? — Татьяна скорчила рожу. — Позаботься, чтобы вся распечатка попала к китайцам. У каждого из нас есть копия. Пусть весь мир узнает, что Советский Союз собирается сделать с Юрием Васильевичем Королевым, первым человеком на Марсе.

Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А что нам делать с Филипченко? — спросил Уманский.

Около щеки находящегося без сознания солдата парили несколько капелек спекшейся крови.

— Почему бы вам не взять подонка с собою? — предложил Королев.

— Поехали, говнюк. — Никита схватил Филиппенко за пояс и закинул в «Союз». — Я сделаю тебе самое большое одолжение в твоей жалкой жизни.

Королев наблюдал, как Стойко и Гришкин задраивают за ними люк.

— Где Романенко и Валентина? — спросил он, поглядывая на часы.

— Здесь, мой командир. — Валентина выглянула из другого «Союза», светлые волосы окутали ее лицо. — Мы тут… проверяли оборудование, — хихикнула она.

— У вас будет достаточно времени в Токио, чтобы заняться этим, — резко сказал полковник. — Через несколько минут поднимут перехватчики в Ханое и Владивостоке.

Из люка вытянулась голая, мускулистая рука Романенко и увлекла ее обратно. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Космическая идиллия. — Татьяна сделала вид, что плюется.

Космоград содрогнулся от глухого удара, это отчалил Никита со все еще бесчувственным Филипченко. Ухнуло еще раз — отошел «Союз» с любовниками.

— Пойдем, дружище Уманский, — позвал Стойко. — Всего хорошего, полковник! — Двое скрылись в коридоре.

— Я с тобой. — Гришкин улыбнулся Татьяне. — Ты — пилот, в конце концов.

— Нет, — возразила она, — поодиночке. Это увеличит наши

шансы. С управлением справится автоматика, просто ничего не трогай.

Она помогла молодому человеку забраться в последний «Союз», присоединенный к этому стыковочному отсеку.

— Пойдем на танцы, Таня, — пригласил Гришкин, — когда доберемся до Токио.

Она задраила люк. Снова глухой удар — Стойко с Уманским отчалили от соседнего стыковочного отсека.

— Ступайте, Татьяна, — поторопил Королев. — Быстрее. Не хотелось бы, чтобы вас подстрелили над нейтральными водами.

— И вы останетесь один на один с врагами, полковник?

— Когда вы улетите, им незачем будет тут задерживаться, — объяснил он. — А для того чтобы Кремль поимел совесть оставить меня в живых, нужна огласка.

— Что мне говорить в Токио, полковник? Вы хотите что-нибудь передать?

— Скажите им… — В голову лезли тысячи штампов хотелось истерически рассмеяться, так все они соответствовали ситуации: «Один шажок человека…», «Мы пришли с миром…», «Пролетарии всех стран…» — Скажите просто, что мне нужен космос, — тут он сжал свое птичье запястье, — до самого мозга костей.

Она обняла Королева и выплыла из помещения.

Ему осталось только ждать в одиночестве стыковочного отсека. Тишина действовала на нервы: системный сбой вырубил и систему вентиляции, под гул которой он прожил двадцать лет. Наконец он услышал, как отошел Татьянин «Союз».

Кто-то приближался по коридору. Это оказался Ефремов, неловко передвигавшийся в скафандре. Королев улыбнулся.

Через поликарбонатовый шлем можно было разглядеть, что политрук снова надел официальную маску безликости, хотя и избегал встречаться глазами с Королевым. Направлялся он в канонирскую.

— Нет! — крикнул Королев.

Взвыла сирена боевой тревоги.

Люк в канонирскую был открыт. Полковник приблизился и увидел, как солдаты внутри рефлекторно исполняют движения, втравленные в них до автоматизма за годы муштры. Как они, облаченные в громоздкие скафандры, пристегиваются широкими ремнями к своим креслам возле управляющих консолей.

— Не делайте этого! — Королев вцепился в грубую, гармошкой, ткань скафандра Ефремова.

С жалобным стаккато завелся один из ускорителей частиц. На экране зеленое перекрестие накрыло красную точку.

Ефремов снял шлем и спокойно, не меняясь в лице, отвесил полковнику шлемом увесистую затрещину.

— Прикажите им остановиться! — Королев почти плакал. Стены содрогнулись, орудие с резким хлестким звуком выпустило луч.

— Ваша жена, Ефремов! Она же там!

— Выйдите вон, полковник! — Ефремов сжал больную руку противника и кулаком в перчатке двинул Королева в грудь, тот вскрикнул. — Вон!

Королев бессильно барабанил по скафандру кагэбэшника, пока его выпихивали в коридор.

— Даже я, полковник, обязан исполнять армейские приказы. — Лицо Ефремова осунулось, привычная маска исчезла. — Подождите тут, пока все закончится.

В этот момент Татьянин «Союз» протаранил казарменные отсеки и батарею излучателей. В прямом солнечном свете за долю секунды, словно на фотопленку, мозг зафиксировал отпечатки катастрофы: вот сжимается и растрескивается, как жестянка под каблуком, канонирская; вот отлетает от пульта управления обезглавленное тело солдата; вот Ефремов пытается что-то сказать, его волосы поднялись вверх, в то время как воздух вырывается из-под снятого шлема. Две тонкие струйки крови брызнули из носа Королева, гул уходящего воздуха сменился гулом внутри головы.

Последним, что запомнил полковник, был лязг захлопывающегося люка.

Он очнулся в темноте, с раскалывающейся головой, и сразу вспомнил институтские лекции. Опасность сейчас была не меньшей, чем при самой разгерметизации: бурлил, вызывая невыносимо-острую, раздирающую боль растворенный в крови азот…

Королев оценивал ситуацию отстраненно, с чисто академической точки зрения. Он повернул рукоятку запора люка лишь из неуместного чувства *noblesse oblige.*[83] Работа казалась исключительно тяжелой, хотелось уйти в музей и заснуть.

Микротрещины он еще мог замазать, но с системным сбоем оставалось только мириться. Вдобавок был огородик Глушко. Овощи и хлорелла не дадут ему умереть от голода и удушья. Модуль связи погиб вместе с канонирской и казармами, его оторвало от станции при самоубийственном таране. Королев предполагал, что удар изменил орбиту Космограда, но никак не мог вычислить, когда же комплекс войдет в атмосферу Земли.

Самочувствие оставляло желать лучшего, и полковник почему-то опасался, что умрет еще до этой прощальной вспышки.

Он проводил бесконечные часы в музее, крутя архивные видеозаписи. Подобающее занятие для Последнего Человека в Космосе, в прошлом — Первого Человека на Марсе.

Образ Гагарина превратился для него в идефикс, он снова и снова пересматривал крупнозернистые, шестидесятых годов, телевыпуски новостей, которые неизбежно заканчивались известием о смерти космонавта. В несвежем воздухе Космограда, казалось, парили духи мучеников. Гагарина, первого экипажа «Салюта», американцев, зажарившихся живьем в угловатом «Аполлоне»…

Ему часто снилась Татьяна, взгляд ее был похож на тот, которым смотрели портреты со стены. А однажды он проснулся, или ему приснилось, что он проснулся в Татьянином «Салюте», в своем старом форменном комбинезоне, с фонариком, работающим от батареек, на лбу. Со стороны, словно просматривая кинохронику, он увидел, как отрывает от груди Звезду Циолковского и прикалывает на ее пилотское удостоверение.

Когда раздался стук, он решил, что и это ему тоже приснилось.

Круговой запор люка отворился.

В голубоватом, мерцающем свете старой хроники он увидел чернокожую женщину в очках-консервах. Ее спутанные волосы торчали скрутившимися в штопор кобрами. За ее спиной в невесомости развевался шелковый летчицкий шарф.

— Энди, тебе стоит подойти и взглянуть на это, — произнесла она по-английски.

Маленький, лысый, мускулистый мужчина, одетый лишь в набедренную повязку и ремень с инструментами, подплыл к ней и заглянул внутрь.

— Он жив?

— Естественно, я жив, — отозвался Королев по-английски с небольшим акцентом.

Тот, кого назвали Энди, вплыл внутрь, поближе.

— С тобой все нормально, парень? — На его правом бицепсе была татуировка в виде геодезического воздушного шара над перекрещенными молниями и надписью: «СОЛНЕЧНАЯ ИСКОРКА 15, ЮТА». — Мы не думали, что встретим здесь кого-нибудь.

— Я, в общем, тоже. — Королев моргал.

— Мы сюда жить приехали, — сообщила женщина, подплыв поближе.

— Мы с шаров. Сквоттеры, так сказать. Пошел слух, что здесь

больше никто не живет. Ты в курсе, что орбита снижается? — Мужчина перевернулся в воздухе через голову, инструменты на ремне звякнули. — Эта невесомость — такая прикольная!

— Господи, — добавила женщина, — я все к ней никак не приспособлюсь. Она прекрасна. Как будто свободное падение без парашюта, только ветра нет.

Королев уставился на мужчину: у того был такой раздолбайски-беспечный вид, словно он не просыхал от свободы с рождения.

— Но у вас же даже нет космодрома!

— Космодрома? — рассмеялся Энди. — Так мы на тросах затащили ракетные ускорители на шары, скинули вниз, ну и запустили прямо в падении.

— Безумие какое-то, — только и сказал Королев.

— Но мы же здесь, так ведь?

Королев кивнул. Если происходящее ему снилось, то сон был очень диковинным.

— Полковник Юрий Васильевич Королев, — представился он.

— Марс! — женщина хлопнула в ладоши. — Вот погодите, дети услышат!

Она сняла с переборки модельку лунохода и начала ее заводить.

— Послушайте, — сказал мужчина. — У меня работа. Там, за бортом, несколько ускорителей. Надо бы поднять эту штуковину, пока она не сгорела.

Что-то ударило в обшивку, Космоград зазвенел, как колокол.

— Это из Талсы. — Энди посмотрел на часы. — Как раз вовремя.

— Но почему? — Королев недоуменно покачал головой. — Почему вы прилетели?

— Мы же рассказывали. Чтобы жить здесь. Можно чуток тут расшириться, пристроить что-нибудь. Все говорили, что в шарах мы жить не сможем, так наоборот, только мы их и поддерживали в рабочем состоянии. У нас был единственный шанс выбраться сюда своими силами. Кому охота жить тут заради какого-нибудь правительства, армейского дуболома или своры писак? Нужно собственное *желание* жить на фронтире, в крови оно должно быть.

Королев улыбнулся, Энди оскалил зубы в ответ.

— Мы подобрали все эти силовые кабели и просто взлетели вверх. А уже когда наверху, парень, остается либо сдохнуть, либо сделать Большой Прыжок. — Он поднял голос: — И назад оборачиваться нельзя, нет, сэр! Мы совершили Прыжок, теперь здесь будем обустраиваться!

Женщина приладила луноход колесиками на липучках к обшивке корпуса и отпустила. Тот, весело жужжа, пополз у них над головами.

— Прикольный! Детям понравится.

Королев заглянул Энди в глаза. Космоград снова вздрогнул, моделька слегка сменила курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сообщила женщина. — В нем дети.

Она сняла очки, глаза ее светились знакомым Королеву безумием.

— Что ж… — Энди побренчал инструментами на поясе. — Может, проведете для нас экскурсию?

БРЮС СТЕРЛИНГ
ЛЬЮИС ШАЙНЕР
МОЦАРТ В ЗЕРКАЛЬНЫХ ОЧКАХ [84]

Эта лихая фантазия о путешествиях во времени родилась в характерном для Движения духе веселого товарищества. Безудержная энергия, едкая политическая сатира — верные признаки того, что авторы хотят поговорить о наболевшем: об Америке, о странах третьего мира, о «развитии» и «эксплуатации». А также о фантастике — о том, что энергичность и веселье присущи ей по праву рождения.

Образ Вольфганга Амадея Моцарта особенно созвучен нынешнему десятилетию: композитор фигурирует в кинофильмах, в бродвейских пьесах, в музыкальных видеоклипах, а также в фантастике. Любопытный случай культурной синхронности. Нескладно что-то в восьмидесятых. И никуда нам всем не деться.

С горы к северу от города Райс обозревал Зальцбург восемнадцатого века, раскинувшийся под ним, как обеденный стол. Громадные гиперболоидные башни[85] и раздувшиеся луковицы нефтехранилищ заслоняли собою руины кафедрального собора Святого Руперта. Из труб нефтеперабатывающего завода валил густой белый дым. Сидя в тени увядающего дуба, Райс вдыхал нефтяную гарь.

Величественное зрелище доставляло ему удовольствие. В конце концов, никто не подписывается на участие в предприятии, связанном с перемещением во времени, если не ловит кайфа от таких контрастов. Вроде фаллоса насосной установки, притаившейся на центральной площади Конвента, или по линейке прочерченных линий трубопроводов, разрывавших лабиринт мощеных улочек. Туговато, конечно, пришлось городишку, но за собою вины Райс не чувствовал. Временной луч случайным образом сфокусировался на коренной породе под Зальцбургом, в которой и вспух пузырь, соединяющий этот мир с временем Райса.

Он первый раз видел комплекс извне окружавшей его высокой металлической сетки изгороди. Он руководил бригадами по всей планете: конопатившими нантакетские китобойные суда, чтобы служили нефтетанкерами; обучавшими местных водопроводчиков прокладывать трубы в Синае и Мексиканском заливе.

И вот наконец он сам вышел на волю. Сазерленд, директор по связям с общественностью, предостерегала его от походов в город. Но Райсу ее мнение было по барабану. Самые мелкие происшествия выводили Сазерленд из себя. Она ночей не спала, пытаясь урегулировать самые тривиальные жалобы аборигенов. Она могла часами распекать «привратный люд» — местных, которые день и ночь осаждали квадратную милю комплекса, выклянчивая радиоприемники, нейлон или укол пенициллина.

Ну и черт с ней, решил Райс. Завод пущен в строй раньше срока, право на отдых честно заработано. Того же, кто не в силах найти себе по душе приключение в году от Рождества Господа нашего 1775-м, следовало пристрелить промеж глаз, — так он считал. Райс поднялся на ноги, отряхнул батистовым платком с рук раздутую ветром сажу.

Вверх по склону к нему, вихляя из стороны в сторону и чихая мотором, приближался мопед. У ездока не особенно получалось держать ноги, обутые в бальные туфли с пряжками, на высоком каблуке, на педалях. На правом плече у него балансировал внушительных размеров переносной стереомагнитофон. Мопед дернулся и остановился на почтительном расстоянии от Райса, тот узнал музыку с кассеты: симфония № 40 соль минор.

Парень прикрутил звук, когда Райс подошел к нему.

— Добрый вечер, мистер директор завода, сэр. Я не мешаю?

— Нет, все нормально.

Райс взглянул на отросшую щетину стрижки под ежик, сменившую старомодный парик. Он уже видел парня около ворот, тот был одним из завсегдатаев, но музыка расставила все на свои места.

— Ты же Моцарт, не так ли?

— Вольфганг Амадей Моцарт к вашим услугам, сэр.

— Черт бы меня побрал! Ты знаешь, что это за кассета?

— На ней — мое имя.

— Точно. Ты написал музыку. Вернее, написал бы через пятнадцать лет.

— Она такая красивая, — Моцарт кивнул. — Я не говорить по-английски, чтобы сказать, как это — ее слышать.

К этому моменту большинство привратных уже бы всучивало ему что-нибудь. На Райса произвел впечатление такт собеседника и его знание английского. Типовой словарь местного жителя состоял главным образом из понятий, связанных с радиоприемниками, лекарствами и еблей.

— Ты направляешься в город? — спросил Райс.

— Да, мистер директор завода, сэр.

Что-то в нем понравилось Райсу. Энтузиазм, блеск в глазах. И

конечно, то, что ему случилось быть одним из величайших композиторов всех времен.

— Забудь про должности. Лучше расскажи, где бы тут парню поразвлечься?

Поначалу Сазерленд не хотела, чтобы Райс присутствовал на встрече с Джефферсоном. Но Райс немного разбирался в физике времени, а Джефферсон давно донимал персонал американского отделения вопросами о временных дырах и параллельных мирах.

Райс, в свою очередь, с радостью воспользовался шансом увидеть Томаса Джефферсона — первого президента Соединенных Штатов Америки.[86] Ему никогда не нравился Джордж Вашигтон, и он с удовлетворением воспринял известие о том, что масонские связи последнего сделали для него невозможным присоединиться к «безбожному» американскому правительству.

Райс ерзал в костюме из двойной вязки даркона,[87] он и Сазерленд готовились к встрече в недавно оборудованном кондиционерами зале заседаний крепости Гогензальцбург.

— Я уж и забыл, какие эти костюмы скользкие, — пожаловался он.

— Хорошо еще, — парировала Сазерленд, — что ты не надел сегодня этой дурацкой шляпы.

Реактивный самолет вертикального взлета из Америки что-то запаздывал, она то и дело поглядывала на свои часы.

— Треуголки? — удивился Райс. — Тебе не нравится?

— Господи, это масонская шляпа. Символ сил сопротивления переменам.

Франкмасонский фронт освобождения был одним из кошмаров Сазерленд. Эта политико-религиозная организация совершила несколько убогих терактов на Трубопроводе.

— Ой, расслабься, Сазерленд. Мне ее подарила одна из моцартовских групиз. Тереза-Мария-Анжела-что-то-там, из пошедших по миру аристократов. Они все тусуются в этом его музыкальном клубе, в центре. Просто прикольно шляпа смотрится.

— Моцарт? Ты с ним дружбу водишь? Тебе не кажется, что от него стоит держаться подальше? После всего того, что мы с ним сделали?

— Херня, — не согласился Райс, — мне можно. Я тут два года ишачил в стартапе, пока ты учила американскому футболу Робеспьера и Пейна.[88] Вот только парочку ночей позажигал с Вольфгангом — тебе уже не так. А Паркер? Я что-то не слышал, чтобы ты ныла из-за его ежевечернего рок-н-ролла? Гремит из

каждого дешевого транзистора.

— Он отвечает за пропаганду. Поверь, если бы я могла остановить его, я бы давно это сделала. Но Паркер — особый случай. У него связи в риалтайме, — она потерла щеку. — Давай не будем, ладно? Просто будь повежливей с президентом Джефферсоном. Ему тяжко приходится в последнее время.

Вошла сазерлендовская секретарша, в прошлом придворная дама Габсбургов, и объявила о том, что самолет прибыл. Тут же ввалился, оттолкнув ее в сторону, Джефферсон. Он был довольно высок для аборигена, обладал гривой огненно-красных волос, а глаза у него бегали безумней всех, виденных Райсом.

— Садитесь, мистер президент. — Сазерленд указала на дальний конец стола. — Вам кофе или чаю?

— Немножко мадеры, — усмехнулся Джефферсон, — если у вас имеется.

Сазерленд кивнула секретарю, та в замешательстве некоторое время хлопала глазами, а потом ринулась исполнять указание.

— Как прошел полет? — спросила директор.

— Машины впечатляют, — отреагировал Джефферсон. — Вы и сами отлично знаете.

Райс заметил, что руки у президента немного дрожат, он не очень хорошо перенес сверхзвуковой перелет.

— Остается только пожелать, чтобы ваше политическое благоразумие было на такой же высоте.

— Вы прекрасно понимаете, я не могу отвечать за всех своих подчиненных, — извинилась Сазерленд. — Я лично весьма сожалею относительно некоторых деталей наших операций. Нам будет очень не хватать Флориды.

— Но вы же сюда приехали не для того, чтобы обсуждать вопросы благоразумия. — Райс в раздражении подался вперед.

— Свобода, сэр, — провозгласил Джефферсон, — свобода стоит на кону!

Вошла секретарь с пыльной бутылкой хереса и пластмассовыми стаканчиками. Руки Джефферсона затряслись сильнее, он налил себе стакан и немедленно выпил. На его щеки вернулся румянец.

— Когда мы объединяли силы, вы сделали определенные обещания. Вы гарантировали нам свободу, равенство и право на счастье.[89] Вместо этого нас со всех сторон окружили вашими механизмами, с помощью дешевых поделок вы совращаете народ нашей великой страны, а богатства наших недр и произведения искусства навсегда исчезают в ваших замках! — вещал он. Заключительные слова президент произнес стоя.

— Общее благо подразумевает некоторый… переходный

период… — Сазерленд съежилась на стуле.

— Да ладно тебе, Том, — вступился Райс. — Что за херня про «объединение сил»? Это мы выкинули бриташек, поставив у руля вас. Вот и все, блин, «объединение». То, что мы качаем вашу нефть и увезли несколько ваших картин, не имеет ни малейшего, блин, отношения к вашей свободе. Нам по херу. Делайте все, что вам вздумается, только не путайтесь под ногами. Хорошо? Если бы нам хотелось поговорить об этом, мы бы бриташек у власти оставили.

Джефферсон сел. Сазерленд тихонько налила ему еще стакан, который он снова тут же выпил.

— Я не могу понять, — начал он. — Вы сами сказали, что прибыли из будущего, но только тем и занимаетесь, что уничтожаете собственное прошлое.

— Нет, мы этого не делаем, — возразил Райс. — Все устроено иначе. История, она как дерево, да? Когда перемещаешься назад во времени и устраиваешь там заваруху, возникает еще одно ответвление от основного ствола. Этот мир представляет собой одно из ответвлений.

— Вы хотите сказать, — сообразил Джефферсон, — что этот мир — мой мир — не ведет в ваше будущее?

— Точняк, — подтвердил Райс.

— Так вы можете тут насиловать и мародерствовать сколько душе угодно! В то время как вашего собственного мира это абсолютно не касается! — Джефферсон снова вскочил на ноги. — Я нахожу подобный принцип невообразимо ужасным! Как вы можете поддерживать такую тиранию? У вас что, человеческих чувств нет?

— О господи, — взмолился Райс — конечно есть. Что вы скажете насчет радиоприемников, журналов и лекарств, которые мы раздаем? Лично мне кажется, нужно иметь определенную наглость, чтобы заявляться сюда со всеми этими вашими оспенными язвочками, в немытой рубашке, оставив дома толпу рабов, — и читать нам лекции о гуманизме.

— Райс? — подала голос Сазерленд.

Райс посмотрел Джефферсону в глаза. Тот медленно сел.

— Послушайте, — Райс смягчил тон, — мы готовы обсуждать то и это. Быть может, не все идет так, как представлялось вначале, но это ведь жизнь, понимаете? Скажите, что вам действительно необходимо? Автомобили? Кинофильмы? Телефоны? Контрацептивы? Просто назовите и получите.

Джефферсон массировал уголки глаз большими пальцами.

— Ваши слова, сэр, для меня ничего не значат. Я лишь хочу… Я лишь хочу вернуться домой. В Монтичелло.[90] Как можно

быстрее.

— Опять мигрень, мистер президент? — спросила Сазерленд. — Вот я для вас приготовила.

Она пододвинула ему через стол пузырек с таблетками.

— Что это?

— Вам станет лучше. — Сазерленд пожала плечами.

После того как Джефферсон вышел, Райс ожидал услышать выговор.

— Ты так глубоко веришь в наше дело, — протянула вместо этого Сазерленд.

— Взбодрись, — посоветовал Райс. — Ты слишком долго якшаешься с этими политиками. Поверь, мы живем в простую эпоху, населенную простыми людьми. Джефферсон, понятное дело, был малость взбешен, но он придет в себя. Расслабься!

Райс обнаружил Моцарта за уборкой столов в одном из залов крепости Гогензальцбург. В вылинявших джинсах, камуфляжной куртке и зеркальных очках, он мог бы запросто сойти за подростка из времени Райса.

— Вольфганг! — позвал он. — Как тебе новая работа?

Моцарт отставил стопку тарелок и пригладил короткие волосы.

— Вольф. Зовите меня Вольф, о'кей? Звучит более… современно, что ли. Но прежде всего я бы хотел поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. За кассеты, книги по истории, за эту работу — тут просто замечательно.

В последние три недели его английский значительно улучшился, заметил Райс.

— Ты до сих пор живешь в городе?

— Да, но уже в собственном доме. Вы вечером заглянете?

— Обязательно, — заверил Райс. — Пока ты будешь здесь заканчивать, я пойду переоденусь, и ударим по захертортикам.[91] Зажигаем этой ночью.

Райс оделся со всей тщательностью: кевларовое нижнее белье, вельветовый пиджак, бриджи по колено, набил карманы безделушками на подарки и встретил Моцарта у задней двери. Уровень безопасности вокруг крепости был повышен, лучи прожекторов сновали по небу. В праздничной суматохе Райс ощутил возросшее напряжение. Наравне с другими пришельцами из будущего, даже будучи инкогнито, — он подозрительно возвышался над толпой.

В полумраке заведения Райс расслабился. Клуб занимал нижний этаж городского особняка молодого аристократа, на стенах до сих пор можно было заметить выпирающие кирпичи — контуры снесенных внутренних стен. Развлекались тут в

основном местные, одетые в шмотки из риалтайма, какие только смогли добыть. Райс приметил паренька, напялившего на голову бежевые шелковые трусики.

Моцарт вышел на сцену. Резануло по ушам менуэтоподобное гитарное арпеджио, оно накладывалось на многоголосый хоральный мотив. Мощные усилители взорвались синтезированным риффом с пленки поп-хитов от «К-тел».[92] Слушатели взвыли, осыпали Моцарта конфетти из оборванных со стен кусочков разрисованных обоев.

Когда все закончилось, Моцарт забил косяк турецкой травой и принялся расспрашивать Райса о будущем.

— Если хочешь узнать о моей версии будущего, — уточнил Райс, — то оно просто невероятно. Шесть миллиардов народа, и никто не работает, если не желает. Пятьсот телевизионных каналов в каждом доме. Машины, вертолеты, одежда, все такое, от чего у тебя глаза на лоб вылезут. Изобилие секса. Тебе нужна музыка? Можешь завести себе студию звукозаписи, по сравнению с которой твои нынешние инструменты — вроде старенького клавикорда.

— Правда? Я бы все отдал, чтобы увидеть. Не могу понять, как вы могли оттуда уехать?

— Я выпадаю лет на пятнадцать. — Райс пожал плечами. — Когда вернусь, буду снимать сливки. Со всего, что пожелаю.

— На пятнадцать лет?

— Угу. Попробую объяснить, как работает портал. Сейчас его диаметр примерно равен твоему росту. Хватает, чтобы провести в риалтайм телефонный кабель, нефтяную трубу, ну иногда, мешок с почтой. Делать его шире, например для того, чтобы переместить людей или оборудование, стоит чертовски дорого. Так дорого, что подобное происходит лишь два раза: при открытии и закрытии проекта. Вот поэтому-то мы тут, считай, застряли.

Райс сухо откашлялся и отпил из своего стакана. Османская травка ослабила тугую шнуровку его внутреннего контроля. Вот он тут распинается перед Моцартом о прелестях эмиграции, а достать грин-карту ни черта не может. Какое там, когда миллионы хотят отправиться в будущее — миллиарды, с учетом других проектов типа Римской империи, или древнеегипетского Нового царства.

— Но мне здесь нравится, — продолжил Райс. — Как будто… Как будто я тасую колоду истории. Никогда не догадаешься, что получится.

Райс передал косяк одной из моцартовских групиз, Антонии-что-то-там.

— В отличное время живем. Взгляните на себя. С вами же все

в порядке, не так ли? — В порыве внезапной откровенности Райс перегнулся через стол. — Все нормально, правда? Или кто-нибудь ненавидит нас за то, что мы раздолбали ваш мир вдребезги и пополам?

— Шутите? Вы же сейчас разговариваете с героем Зальцбурга. По-правде сказать, мистер Паркер собирается записать мой последний сегодняшний выход. Скоро обо мне узнает вся Европа!

Кто-то с другого конца клуба прикрикнул на Моцарта по-немецки. Тот оглянулся и сделал загадочный жест.

— Все клево, чувак. — Он снова повернулся к Райсу. — Ты же видишь, у меня прет.

— Сазерленд переживает из-за симфоний, которых ты не напишешь.

— Херня! Я не хочу писать симфонии. Я в любой момент могу их прослушать! Кто такая эта Сазерленд? Твоя подружка?

— Нет. Она больше по местным. Дантон там, Робеспьер… А ты? У тебя кто-нибудь есть?

— В общем — никого… с детства.

— Как это?

— Ну, когда мне было шесть, я при дворе Марии-Терезы часто играл с ее дочерью, Марией Антонией. Сейчас она себя называет Марией-Антуанеттой. Самая красивая девчонка поколения. Мы пели дуэтом. Часто шутили, что когда-нибудь поженимся, но она сбежала во Францию с этой свиньей — Людовиком.

— Черт побери, — прервал Райс, — ну и дела! Знаешь, она ведь у нас — легендарная личность. Ей голову отрубили во время французской революции за то, что давала слишком много балов.

— Да нет же…

— Во время нашей французской революции, — пояснил Райс. — Ваша прошла куда более цивилизованно.

— Езжай, познакомься с нею, если оно тебе надо. Она у тебя в долгу, ты ведь ей жизнь спас, выходит.

Прежде чем Райс смог что-нибудь ответить, к их столу подошел Паркер в окружении бывших придворных дам, разодетых в спандексовые лосины и расшитые стразами топики.

— Здорово, Райс! — крикнул Паркер — ходячий анахронизм в кожаных джинсах и переливающейся футболке. — Откуда ты взял эти отсосные тряпки? Взбодрись, зажигаем!

Райс наблюдал, как девушки, скучившись вокруг стола, разбирали ящик шампанского, вгрызаясь в пробки зубами. За коротенького, толстого и отталкивающего Паркера они бы друг дружке горло перегрызли, дай им только шанс поспать на чистых простынях и покопаться в его аптечке.

— Нет, спасибо, — отказался Райс, с трудом выпутываясь из

проводов паркеровской звукозаписывающей аппаратуры.

Он никак не мог освободиться от засевшего в воображении образа Марии-Антуанетты.

Совершенно голый Райс сидел на углу накрытой балдахином кровати, чуть дрожа под ветерком от кондиционера. Через выступающее окно, через мутные стекла восемнадцатого века, ему открывался сочно-зеленый пейзаж, тут и там испещренный миниатюрными водопадами.

Внизу под надзором крестьянина подрезала кусты команда садовников из бывших аристократов, в темно-синих джинсовых комбинезонах. Охранник, с ног до головы одетый в камуфляж, не считая триколора кокарды на кепке, жевал резинку, лениво теребя ремень дешевого пластикового автомата. Сады Малого Трианона, как и Версаль в целом, заслуживали наилучшего ухода. Поскольку их ввиду величины нельзя было пропихнуть через портал, они принадлежали Народу.

Мария-Антуанетта раскинулась на розовом сатине, листая «Вог». Она была одета в миниатюрный черный кружевной пеньюар. По стенам комнаты теснились полотна Буше:[93] квадратные метры чувственных задниц, розовых чресел, игриво сморщенных губ. Райс зачарованно переводил взгляд с портрета Луизы О'Морфи,[94] котенком раскинувшейся на диване, на гладкую кремовую плоть Антуанеттовой спины и бедер.

— Блин, — прошептал он, — умел же чувак рисовать!

— Хочу кожаное бикини. — Туанетта отломила кусочек шоколада «Херши», указывая на картинку в журнале. — Всегда, когда я быть блядьской девочкой, моя блядьская мать держать меня в блядьских корсетах. Она думать, мои, как это, лопатки слишком выдаваться.

Райс откинулся ей на бедра и обнадеживающе похлопал внушительную задницу. Он чувствовал себя восхитительно глупо: полторы недели непрекращающихся услад превратили его в эйфорическое животное.

— Забудь о своей мамаше, киска. Теперь ты со мною. Хочешь блядское кожаное бикини — я о нем позабочусь.

— Завтра поехать на природу, хорошо, парень? — Она облизывала шоколад с пальчиков. — Одеться как крестьянин и делать любовь среди изгородь, как благородный варвар.

Райс задумался: его парижский уик-энд растянулся на полторы недели. Служба безопасности, должно быть, уже обыскалась. «Черт с ними!» — подумал он.

— Отлично, — решился Райс. — Я позвоню, чтобы нам приготовили жратвы на пикник. Фуагра, трюфели, немножко

черепашьего мяса…

— Я любить продвинутую пищу. — Туанетта надула губки. — Пиццу, буррито, цыпленок-гриль.

Райс пожал плечами, а она сомкнула руки ему на шее.

— Ты любишь меня, милый?

— Люблю ли я тебя? Да я без ума от самого факта твоего существования.

Он ловил кайф от вышедшей из под контроля истории, вибрирующей под ним, как гигантский черный мотоцикл заветных грез. Стоило только задуматься о парижских уличных пирожковых, высыпавших как грибы на тех местах, где могли бы стоять гильотины, о шестилетнем Наполеоне, надувающем пузыри из жвачки у себя на Корсике, как Райс представлял себя несущимся во весь опор архангелом Михаилом.

Мегаломания — он прекрасно знал это — профессиональное заболевание. Но к работе необходимо вернуться. Поскорее. Через пару дней…

Зазвонил телефон. Райс начал копаться в плюшевом халате, ранее принадлежавшем Людовику XVI. Тот не будет возражать: он вел счастливую жизнь разведенного слесаря где-то в Ницце.

— Эй, где ты там? — На экранчике появилось лицо Моцарта.

— Во Франции, — уклончиво ответил Райс. — Случилось чего?

— Неприятности, чувак. Сазерленд слетела с катушек, ее держат на успокоительном. По крайней мере шестеро ключевых менеджеров, включая тебя, скрылись в пампасах. — В речи Моцарта акцент почти не чувствовался.

— Но послушай, я никуда не скрывался. Через пару дней вернусь. У нас человек тридцать в Северной Европе. Если тебя интересуют квоты…

— На хуй квоты. Все гораздо серьезнее. Команчи устроили бучу на техасских нефтяных вышках. В Лондоне и Вене — забастовки. Риалтайм серьезно окрысился. Предлагают уже вывести нас отсюда.

— Что-что? — Райс насторожился.

— Что слышал. Сегодня пришло сообщение. Пишут, что вы, ребята, небрежно ведете операцию. Слишком велико загрязнение, слишком близкие отношения с местными. Сазерленд заварила тут с ними кашу, пока все не выяснилось. Она пыталась организовать масонов на мирное сопротивление и черт знает что еще.

— Вот говно!

Гребаные политики снова все просрали. Мало того что он жопу рвал, выводя производство на запланированные мощности, так теперь еще за ними подтирать придется. Райс сердито глянул

на Моцарта.

— Вернемся к теме слишком близких отношений с местными. Что за «мы» такое? И на фига ты вообще звонишь мне?

— Просто пытаюсь помочь. — Моцарт побледнел. — Я теперь работаю в отделе связи…

— Для такой работы необходима грин-карта. Где, черт побери, ты ее достал?

— Ой, послушай, чувак… я должен идти. Возвращайся, ты нам нужен! — Моцарт заглянул через плечо Райсу. — Можешь взять с собою своего милого гида по эпохе, если хочешь. Но поторапливайся.

— Я… блин, хорошо, — растерялся Райс.

Автомобиль на воздушной подушке уверенно пыхтел на восьмидесяти километрах в час, выдувая тучи пыли из глубокой колеи того, что здесь называлось «шоссе». Они приближались к баварской границе. Острые пики Альп прокалывали небо над ярко-зелеными лугами, бурными, прозрачными ручьями из тающего снега.

У них впервые случилась размолвка. Туанетта попросила грин-карту, а Райс признался, что не может ее достать. Вместо этого он предложил Серый пропуск, который позволил бы ей путешествовать из одной временной ветви в другую без права посещения риалтайма. Он понимал, что получит новую работу, если проект прикроют, и хотел забрать ее с собой. Хотел как лучше — не оставлять же ее в мире, лишенном «Херши» и «Вога».

Но ей этого было мало. Через несколько километров напряженного молчания, она начала ерзать.

— Хочу писать, — призналась наконец Туанетта, — останови около этих блядьских деревьев.

Лопасти со свистом остановились, машина замерла. Напуганное стадо пестрых коров удалялось, звеня колокольчиками. На дороге никого не осталось.

Райс вылез и потянулся, наблюдая за тем, как Туанетта перебирается через изгородь и направляется к роще.

— Что за дела? — завопил он. — Вокруг никого! Давай быстрее!

Тут из канавы выскочило с дюжину мужиков, которые мгновенно окружили Райса, направив на него кремневые пистолеты. Одеты они были в треуголки, парики, отороченные кружевами разбойничьи камзолы. Лица скрывали маски.

— Что за херня? — изумился Райс. — У вас тут карнавал?

Лидер нападавших сорвал с себя маску и поклонился с ироничной улыбкой. Его благородное тевтонское лицо было

припудрено, губы накрашены.

— Граф Аксель фон Ферзен.[95] К вашим услугам, сэр.

— Послушайте, граф, не нужно переживать из-за девушки. — Имя Райсу было знакомо. Ферзен был любовником Туанетты перед Революцией. — Я думаю, мы поладим. Может быть, вас устроит цветной телевизор?

— Избавьте нас от сатанинских искушений, сэр! — заревел Ферзен. — Я более не испачкаю своих рук об эту сучку-предательницу! Мы представляем Франкмасонский фронт освобождения!

— Господи! — взмолился Райс. — Вы, вероятно, шутите. Собираетесь восстать против Проекта, вооруженные этим вашими пугачами?

— Мы в курсе вашего превосходства в вооружениях, сэр. Именно поэтому мы взяли вас в заложники.

Он что-то приказал по-немецки. Райсу связали руки и запихнули в телегу, которая под стук копыт запряженной в нее лошади выкатилась из лесу.

— Может, хотя бы машину возьмем? — предложил Райс.

Оглянувшись, он увидел, что Туанетта с покинутым видом села прямо на дороге, около автомобиля на воздушной подушке.

— Мы отвергаем ваши машины, сэр! — возмутился Ферзен. — Они лишь очередная грань вашего безбожия. Скоро мы отправим вас обратно в Ад, откуда вы и явились.

— Отправите — как? Метлами выметать будете? — Райс устроился в углу телеги, пытаясь не замечать запаха навоза и гниющего сена. — Не нужно путать доброту со слабостью. Стоит только послать через портал Армию Серого пропуска, как от вас не останется пепла, чтобы наполнить пепельницу.

— Мы готовы к жертвам. Каждый день тысячи присоединяются к охватившему весь мир пожару под знамена Всевидящего Ока, чтобы возвратить себе свою судьбу! Ту судьбу, которую вы у нас отняли!

— Вашу судьбу? — Райса передернуло. — Послушайте, граф, вы что-нибудь знаете о гильотинах?

— Я не желаю более слушать о ваших механизмах. — Он сделал знак подчиненному. — Заткните ему рот.

Райса отвезли в деревенский домик под Зальцбургом. Все пятнадцать часов тряски в телеге его не оставляли мысли о предательстве Туанетты. Завела бы она его в ловушку, пообещай он грин-карту? Только ее не хватало Марии, и масоны тут не помогут.

Стража беспокойно расхаживала под окнами, плохо

подогнанные доски скрипели под сапогами. Из того, что в услышанных обрывках разговора часто упоминался Зальцбург, Райс сделал вывод, что город взят в некое подобие осады.

Масоны начали нервничать: никто до сих пор не явился вести переговоры об освобождении заложника. Вот если бы только удалось прогрызть этот проклятый кляп, тогда — Райс был в этом уверен — он бы смог поучить их уму-разуму.

Отдаленный гул медленно перерастал в рев. Четверо охранников выбежало на улицу, оставив в дверях одного присматривать за Райсом. Тот попытался сесть, извиваясь в узах.

И тут доски прямо у него над головой разнесла в щепки очередь из тяжелого пулемета. Перед домом ухнули гранаты, окна лопнули, внутрь ворвалось облако черного дыма. Стражник закашлялся и поднял свое кремневое ружье, целясь в Райса. Но не успел он спустить курок, как шквал огня отбросил террориста к стене.

В комнату ввалился невысокого роста, крепко сложенный мужчина в бронежилете и кожаных штанах. Из-под снятых с закопченного лица очков блеснули косые глаза. По спине свисала пара грязных косичек, грудь перекрещена перевязями с гранатами. Под мышкой воин сжимал автомат.

— Супер! Похоже, последний.

Он вырвал изо рта Райса кляп. Завоняло потом, дымом и нездоровой кожей.

— Ты — Райс?

Райс мог только кивать и судорожно хватать ртом воздух. Спаситель поднял его на ноги, штыком разрезав веревки.

— Джэбэ-нойон,[96] Транстемпоральная армия, — представился он.

И пихнул в руки Райсу кожаную фляжку с прокисшим кобыльим молоком, от вони которого того чуть не вырвало.

— Пей! — настаивал Джэбэ. — Это кумыс, это хороший тебе! Пей, Джэбэ-нойон приказал!

От одного глотка напитка желчь комом стала в горле.

— Ты из Серых? — прошептал он.

— Серая армия, да! Охуенные вояки всех времен и народов! Только пять воинов тут, я убить их всех! Джэбенойон — темник[97] Чингисхана, великого и ужасного. О'кей, чувак? — Большие, грустные глаза уставились на Райса. — Ты обо мне не слышать?

— Извини, Джэбэ, нет.

— Земля обращалась в прах под копытами мой конь.

— Не сомневаюсь, приятель.

— Ты сидеть сзади меня, — проинструктировал он,

подталкивая Райса к двери. — Ты увидеть, как земля превращаться в прах под колесами мой «Харлей». О'кей?

С холмов над Зальцбургом они обозревали пустившийся в разнос анахронизм.

Кровавое месиво из местных солдат в чулках и камзолах устилало подступы к воротам нефтеперерабатывающего комплекса. Вот пошел в атаку с мушкетами наизготовку еще один батальон. Вот их срезала оранжевая трассирующая очередь, выпущенная немногочисленной охраной: Гансами и монголами. Вот разбежались оставшиеся в живых нападавшие.

— Похоже на осаду Камбалука,[98] — хохотнул Джэбэнойон. — Только голова и уши теперь не отрезаем такой мы стали цивилизованный. А вызвать бы солдатики, вертушки из Вьетнам, выжечь сукин сын напалмом по полной.

— Нельзя так, Джэбэ, — строго сказал Райс. — У жалких негодяев и так нет шансов. Зачем их уничтожать?

— Я иногда забываться, о'кей? — пожал плечами Джэбэ. — Снова думать, как завоевать весь мир.

Он завел байк и ухмыльнулся. Мотоцикл рванулся под гору, Райс обхватил монгола за вонючий бронежилет. Джэбэ вымещал неудовлетворенность на неприятеле, носясь по улицам, намеренно врезаясь в самую гущу брунсвикских гренадеров. Лишь взявшаяся от ужаса сила помогла Райсу не свалиться, в то время как колеса давили и перемалывали руки и тела. От этого аттракциона у него разболелись почки.

В вечернем небе над крепостью Гогензальцбург сияла заря ионизирующей радиации. Портал работал на полную мощность, перегоняя в одну сторону грузовики Серой армии, а в другую те же грузовики, только набитые драгоценностями и произведениями искусства.

Поверх пулеметного огня Райс расслышал завывание двигателей вертикального взлета: то прибыли эвакуированные из США и Африки. Римские центурионы в кольчугах с ракетными установками на плечах сопровождали риалтаймовский персонал в туннели, ведущие к порталу.

Из толпы, привлекая внимание Райса, весело махал рукой Моцарт.

— Нас выводят, чувак! Это — фантастика! Назад — в риалтайм!

— Ебаный стыд! — Райс оглянулся на скопление башен насосных установок, охладителей, крекинга. — Вся работа — псу под хвост!

— Слишком большие человекопотери, чувак. Проехали. Мало

ли восемнадцатых веков?

Палившая по окружающей толпе охрана вдруг расступилась — внутрь, словно призрак из другого века, ворвалось райсовское авто на воздушной подушке. С полдюжины масонских экстремистов до сих пор цеплялись за двери, колотили в ветровое стекло. Монголы под командованием Джэбэ сорвали непрошенных гостей с корпуса, изрубили их на куски, в то время как римский огнеметчик зачистил территорию перед воротами.

Из машины выскочила Мария-Антуанетта. Джэбэ схватил было ее за рукав, но тот оторвался. Она заметила Моцарта и побежала к нему, монгол следовал по пятам.

— Вольф, ты сукин сын! — выкрикнула Туанетта. — Оставляешь меня, да? Это после всех обещаний, ты *merdex,*[99] свинья собачья!

— Кто эта женщина? — Моцарт смахнул зеркальные очки и уставился на Райса.

— Где грин-карта, Вольф? Ты обещал, я продавать Райс масонам, ты доставать грин-карта!

Она умолкла, чтобы набрать воздуха, и тут Джэбэ наконец ухватился за нее. Когда Мария повернулась к монголу, тот двинул ее в челюсть. Женщина медленно осела на асфальт. Недобрый взгляд воина сфокусировался на Моцарте.

— Так ты у нас… Ты — предатель? — Он коброй выхватил автомат, ткнул дулом в нос музыканту. — Я сейчас сыграть рок-н-ролл на моя пушка, ты не остаться ничего, кроме ушей, чувак.

Звук выстрела эхом разнесся по площади. Голова Джэбэ откинулась, он упал безжизненной тряпкой.

Райс развернулся на звук выстрела. В дверях склада стоял диджей Паркер. В руках он держал «вальтер».

— Не бери в голову, Райс, — подходя ближе процедил он, — солдатику замена найдется.

— Ты его убил!

— И что с того? — Паркер невозмутимо обнял Моцарта за плечи. — Вот мой герой! Я тут с месяц назад передал через портал пару его песенок. И знаешь, что? Парнишка идет пятым номером в чарте «Биллборда»! Пятым номером! — Паркер засунул пистолет за пояс. — И пулей — вверх!

— Это ты выдал ему грин-карту, Паркер?

— Нет, — признался Моцарт, — это Сазерленд.

— Как ты ее заставил?

— Я не заставлял. Клянусь, чувак! Ну, может, немножко притворился тем, кого она ожидала увидеть. Сломанным типа человеком, у которого украли не только его музыку, но и самую душу. — Моцарт закатил глаза под лоб. — Она выдала мне грин-

карту, но не справилась с чувством вины. Остальное тебе известно.

— Когда ее вывели на чистую воду, ты испугался, что нас оставят здесь. И решил меня впутать! Заставил Туанетту сдать меня масонам. Это твоих рук дело!

Словно услышав свое имя, Антуанетта тихо застонала с асфальта. Райсу было наплевать на ссадины, грязь, дыры в ее леопардовых джинсах, она оставалась самой шикарной телкой на свете.

— Я когда-то сам был масоном. — Моцарт пожал плечами. — Чувак, они полный отстой. Мне типа стоило лишь бросить пару намеков и наблюдать за результатом. — Он рассеянно махнул рукой на окружавшую бойню. — Я знал, что ты от них как-нибудь да сбежишь.

— Нельзя же так цинично использовать людей.

— Херня, Райс. Ты сам этим постоянно занимаешься. Вся эта осада нужна была мне лишь для того, чтобы нас отсюда вытащили. Ради бога, я не могу пятнадцать лет ждать, пока подойдет очередь. История учит, что я помру через пятнадцать лет! А я не хочу умереть в болоте! Я хочу автомобиль и студию звукозаписи!

— Забей, дружище, — посоветовал Райс. — Когда в риалтайме узнают, какую ты тут заварил кашу…

— Отвянь, Райс, — рассмеялся Паркер. — Разговор идет о первой десятке! А вовсе не о копеечном заводишке. — Словно защищая, он взял Моцарта за руку. — Послушай, Вольф, мальчик мой, пойдем в туннель. Нам с тобою в будущем еще нужно подписать кое-какие бумаги.

Солнце уже село, но ночь освещала обстреливающая город бомбарда. Некоторое время Райс зачарованно наблюдал за тем, как пушечные ядра отскакивают от стен нефтехранилищ, не причиняя им вреда. Наконец покачал головой. Время Зальцбурга вышло.

Перекинув Туанетту через плечо, он поспешил в безопасную пасть туннеля.

СЕРГЕЙ КРАСИКОВ
ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Оглядываясь назад, понимаешь, что становление киберпанка в конце семидесятых — начале восьмидесятых стало реакцией на взрывное развитие компьютерных технологий того времени. Причем ранний киберпанк, описывавший мир цифровых мегакорпораций, — скорее наследие прошлого; будущее, как водится, было за повседневным применением персональных компьютеров. Однако вернемся к истории.

В конце семидесятых молодые авторы Гибсон, Стерлинг, Шайнер, Кэдиган и другие выясняют, что будущее представляется им отличным от настоящего прежде всего взрывным применением новых технологий, причем технологий в первую очередь информационных; эти авторы формируют круг по интересам — «Движение». Смещается мечта, видение грядущего: от экстенсивного внешнего космоса — к интенсивной информационной вселенной. Изменяется герой: от бесстрашного покорителя инопланетных джунглей — к задохлику, вершащему судьбы терабайт. Появляется новая дихотомия: реальность — виртуальность, которая в конце концов оказывается ложной, поскольку виртуальность ничуть не избавляет от человеческих взаимоотношений, но в начале восьмидесятых это было не столь очевидно, как сейчас.

Изменение охватывает не только фантастику, но и кинематограф, философию, литературоведение. Деррида в «Грамматологии» указывает на исключительно текстуальный характер компьютерных программ. Уорррик в книге «Кибернетическое воображение в НФ» отмечает, что «большая часть НФ, написанной после окончания Второй мировой войны, реакционна в своем отношении к компьютерам и искусственному разуму, зачастую неверно сориентирована в области теории информации и компьютерных технологий и тащится в хвосте новейших исследований, вместо того чтобы предсказывать будущее».

Наконец в 1980-м «Движение» получает название — киберпанк, так Брюс Бетке назвал свой новый рассказ, который будет опубликован в 1983-м. Тогда же главный пропагандист нового направления начинает издавать компьютерную газету «Дешевая правда», посвященную обзору жанра с точки зрения нового направления. В 1984-м опубликован роман Гибсона «Нейромант». Опубликован для начала в мягком переплете —

издательство «Эйс» не было уверено в коммерческом потенциале книги. Однако реальность превзошла все ожидания: роман собрал престижнейшие жанровые премии, приобрел культовый статус. Не отставали и собратья по цеху. В 1986-м Стерлинг публикует антологию «Зеркальные очки», вы ее держите в руках. Здесь впервые представлены вместе основные авторы направления в естественных условиях наиболее характерных для жанра произведений и тем. Представлены рассказами, имеющими как несомненные литературные достоинства, так и отличающимися весьма редко встречающейся даже в НФ плотностью новых тем, притом не скатываясь в стэплдоиоподобные трактаты: их интересно читать. Можно сказать, что киберпанк подмял под себя традиционную научную фантастику. Писатели, которых Суэнвик назвал «гуманистами» в известном эссе, скорее, пытались применить старую форму к изменившемуся миру, что, естественно, было обречено на провал. И лучшие из них — как, например, Иэн Макдональд, Пол Макоули — начали себя пробовать в новом жанре. Другое дело, что параллельно развивалось другое направление НФ, близкое скорее к магическому реализму, породившее таких титанов, как Джин Вулф, Нил Гейман, Тим Пауэрс, Джон Краули…

Но жизнь не стоит на месте. Еще в 1987 году Джон Кессель писал: «К середине 1987-го, хотя читатели и критики все еще находились в возбужденном состоянии, дискуссии относительно киберпанка завершились, движение более или менее ассимилировалось в мейнстрим НФ». Возможно, высказывание прозвучало рановато, да и мейнстрим НФ, скорее, интегрировался в «Движение», но парадигма «революционер против системы мегакорпораций», чем-то напоминавшая парадигму ранних пятидесятых, так ярко представленную Полом и Корнблатом в «Торговцах космосом», перестала соответствовать реальности. Тогда, в начале шестидесятых, ее сменила Новая волна. Теперь, в восьмидесятых, посткиберпанк и стимпанк.

Поворотным пунктом, наверное, стала публикация романа «Разностная машина» Гибсона-Стерлинга (в русском переводе — «Машина различий»). Здесь яркая социальная критика все еще имеет место, но отнесена она уже в прошлое, в викторианский XIX век, в настоящем ей места не остается. Так появился главный текст стим-панка: ностальгической, технологически насыщенной фантастики. Следует сказать, что стимпанк зародился гораздо ранее: еще в 1979-м К. У. Джетер опубликовал «Ночь Морлоков», а в 1976-м Кристофер Прист — «Машину пространства». Но популярность направление обрело лишь после публикации «Разностной машины». Впрочем, настоящую революцию в жанре

произвели «Трилогия моста» (1993–1999) Гибсона и романы Нила Стивенсона «Лавина» (1992) и «Алмазный век» (1995). Лоуренс Персон пишет, что посткиберпанк «использует ту же самую технику построения мира, увиденного изнутри, но выдвигает новых протагонистов и, что самое важное, представляет будущее в совершенно иных красках. Герои посткиберпанка более не являются отверженными одиночками, они интегрированы в общество (даже работают где-то!). Будущее посткиберпанка — не обязательно дистопия (более того, оно может быть описано в более или менее оптимистическом ключе), но ежедневная жизнь проходит в условиях быстрой смены технологий и вездесущей компьютерной инфраструктуры».

Но жизнь не стоит на месте, посткиберпанк видоизменился, превратившись из литературы фантастической в технологически насыщенное повествование о каждодневной реальности. И опять основными фигурами здесь стали Гибсон с трилогией «Распознавание образов» (2003–2010) и Стивенсон с «Криптономиконом» (1999) и «Барочным циклом» (2003–2004). Вряд ли можно говорить о том, что информационно-ориентированная фантастика выдохлась, — скорее, наоборот: жизнь догнала мечту. Например, главная героиня романа Гибсона «Идору» (1996) — виртуальная певица, представлявшаяся в момент написания сугубо фантастическим персонажем, — обрела реальность. Настоящие герои нового романа Гибсона «История ноль» — разнообразные гаджеты фирмы «Эппл», представить которые в восьмидесятых могли лишь хардкорные киберпанки, а компьютерные войны перенеслись, к несчастью, в реальную жизнь новых средств массовой информации — электронную журналистику, в то время как киберреволюционеры, отвлекшись на минутку от борьбы за «прекрасный новый мир», с упоением высаживают алюминиевые огурцы на своих виртуальных грядках, расписывают друг другу виртуальные стены.

Жизнь, как водится, предстала сложнее всякой схемы, предложенной писателями. Но то альтернативное будущее, которое, к счастью или к сожалению, не случилось, заслуживает внимательного изучения. Может быть, оно не умерло, но лишь дремлет, подсматривая время от времени из-под зеркальных очков.

notes

Примечания

1

Пер. С. Красикова.

2

Термин киберпанк придуман и введен в употребление писателем Брюсом Бетке, который в 1983 г. опубликовал одноименный рассказ. *(Здесь и далее прим. перев.)*

3

Свершившийся факт *(фр)*.

4

Благотворительные концерты, проходившие 13 июля 1985 г. одновременно в нескольких странах и транслировавшиеся по телевидению. Собрали аудиторию около двух миллионов зрителей.

5

Элвин (Олеин) Тоффлер (Alvin Toffler; p. 1928) — американский социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества.

6

Чашка Петри — используется в микробиологии для культивирования колоний микроорганизмов.

7

Хьюго Гернсбек (Hugo Gernsback, 1884–1967) — американский изобретатель, бизнесмен, писатель, редактор и издатель, основатель первого в мире журнала научной фантастики «Amazing Stories».

8

Диэтиламид d-лизергиновой кислоты известен под названием ЛСД.

9

Метод нарезок (*англ.* Cut-up) — это литературная техника, когда текст в случайном порядке разрезается и перемешивается для создания нового произведения.

10

Пер. А. Гузмана.

11

Джерри Льюис (Джозеф Левитч, р. 1926) — американский актер, прославившийся в 1950-е гг. своим грубовато-туповатым юмором в составе комического дуэта с Дином Мартином.

12

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор-новатор, отец «органической архитектуры». Штаб-квартиру компании «Джонсон Вакс» построил в 1936–1939 гг. в Расине, штат Висконсин; основа конструкции — центральный зал с «древовидной» колоннадой, в которой каждая колонна расширяется кверху.

13

Фрэнк Рудольф Пауль (1884–1963) — американский художник австрийского происхождения, прозванный «отцом фантастической иллюстрации». С 1914 г. и до конца 1940-х гг. сотрудничал с Хьюго Гернсбеком в большинстве его журнальных проектов («Electrical Experimenter», «Science and Invention», «Amazing Stories», «Air Wonder Stories», «Science Wonder Stories» и др.).

14

Минго Безжалостный — диктатор планеты Монго, антагонист Флэша Гордона в комиксах и киносериале 1930-х гг..

15

Хьюго Гернсбек (1884–1967) — основатель журнала «Amazing Stories», считающегося первым в мире журналом научной фантастики (выходил с 1926 г.).

16

Имеется в виду сериал «Человек за шесть миллионов долларов» (The Six Million Dollar Man, 1974–1978).

17

«Metropolis» (1927) — фильм-антиутопия Фрица Ланга, вершина немецкого киноэкспрессионизма.

18

«Things to Come» (1936) — английский фантастический фильм Уильяма Камерона Мензиса по сценарию Герберта Уэллса, продюсер Александр Корда.

19

«The Twilight Zone» (1959–1964) — классический телесериал Рода Серлинга в жанре фантастики и мистики, дважды возобновлявшийся (1985–1989, 2002–2003).

20

Пер. О. Ратниковой.

21

Армейский госпиталь имени Уолтера Рида — главный медицинский центр Армии США.

22

Яичница по-деревенски — блюдо мексиканской кухни, яичница с тортильями, соусом чили, жареными бобами или гуакамоле (соусом из авокадо).

23

Пер. С. Красикова.

24

Дождь-в-лицо — прозвище вождя американских индейцев, который в ходе битвы вырезал сердце американского офицера Томаса Кастера, чему посвящено стихотворение Лонгфелло «Месть индейца Дождь-в-лицо».

25

«Oingo Boingo» — американская рок-группа, образовавшаяся в 1976 г. в Лос-Анджелесе, играла нью-вейв с элементами ска.

26

«Bow Wow Wow» — британская группа новой волны, образованная в 1980 г. Исполняла (под пронзительное, экспрессивное пение Аннабеллы Люинь) танцевальный постпанк с преобладанием так называемого бурунди-бита.

27

«The Who» — знаменитая британская рок-группа, сформированная в 1964 г.

28

Кит Джон Мун (1946–1978) — британский барабанщик, наибольшую известность получивший как участник группы «The Who».

29

«Start Me Up» — знаменитый хит «The Rolling Stones».

30

«Are you experienced?» — рефрен из песни Джими Хендрикса (1942–1970) и одноименная пластинка.

31

Слова из песни рок-группы «Mott the Hoople», популярной в 1970-е гг.

32

«Bang & Olufsen» — основанная в 1925 г. датская компания, производящая качественную радиоэлектронную аппаратуру.

33

«I don't live today» — слова из песни Джими Хендрикса.

34

«Rock'n'roll never forgets» — слова из песни Боба Сигера (р. 1945), американского рок-музыканта и автора песен.

35

Пер. А. Гузмана.

36

«Pathé News» — британская кинокомпания, дочернее предприятие французской фирмы братьев Пате; существовала в 1910–1970 гг., выпускала кинохронику и документальные фильмы.

37

«Loew's Theatres» — старейшая в Северной Америке сеть кинотеатров, основана в 1904 году Маркусом Лёвом и Брантфордом Шварцем. В 1924–1959 гг. являлась компанией-учредителем студии «Метро-Голдвин-Майер».

Нелишне напомнить, что умер Гудини в 1926 г.

39

Имеется в виду частный католический университет Нотр-Дам, основанный в 1842 г. в Саут-Бенде, штат Индиана, неподалеку от Чикаго.

40

Доктор Рекс Морган — герой выходящего с 1948 г. комикса Дэла Кертиса (псевдоним врача-психиатра Николаса Дэллиса).

41

Сестры Эндрюс — американское вокальное трио, популярное с 1937 г. и до распада в 1953 г.

42

Пер. С. Красикова.

43

Перевод Р. Кинжалова.

44

Вероятно, улица в Бейкерсфилде, Калифорния.

45

Вероятно, имеется в виду мост Золотые ворота в Сан-Франциско.

Пер. Н. Кудрявцева.

Пер. П. С. Гурова.

48

Нам Джун Пайк (1932–2006) — американо-корейский художник, основатель видеоарта.

Светомузыка *(фр.)*.

Пер. Н. Кудрявцева.

51

Моя вина велика *(лат.)*.

52

Строка из стихотворения Т. С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (1910): «Бродили долго мы по дну морей, / У дев морских в венках из красных водорослей, / Пока людские голоса не разбудили нас. / И тонем мы» *(Пер. Н. Берберовой)*.

53

«Никонос» — серия фотоаппаратов для подводной съемки.

54

Аптека.

55

Детективный роман.

Когда вам угодно? *(исп.)*

Пер. С. Красикова.

58

Джон Кейл (р. 1942) — выдающийся музыкант родом из Уэльса; вместе с Лу Ридом стоял у истоков легендарной американской группы *«Velvet Underground»,* в которой играл до 1968 г.

59

Бибоп — джазовый стиль, сложившийся к середине 1940-х гг., характеризуется быстрым темпом и сложными импровизациями, основанными на обыгрывании гармонии, а не мелодии. Его основоположники — саксофонист Чарли Паркер, трубач Диззи Гиллеспи, пианист Телониус Монк.

60

Басби Беркли (1895–1976) — голливудский режиссер и хореограф. Танцоры в его мюзиклах часто формировали калейдоскопические геометрические узоры.

61

Эдвард Мунк (1863–1944) — норвежский художник-экспрессионист.

62

Thunderbird *(англ.)* — буревестник, персонаж фольклора североамериканских индейцев. Так же называется модель «форда», выпускающаяся с середины 1950-х гг.

«Guitar Player» — американский журнал, выходит с 1967 г.

64

Венерина мухоловка — хищное растение семейства росянковых.

65

Свенгали — персонаж романа Джорджа Дюморье «Трильби» (1894). Используя манипулирование, магию, гипноз и телепатию, он заставляет окружающих действовать в его интересах.

66

Термин, введенный в конце 1930-х гг. психоаналитиком Вильгельмом Райхом для обозначения псевдонаучной «универсальной энергии жизни». По мнению Райха, физические и психические болезни являлись следствием блокирования в теле этой энергии.

67

«Нат Шерман» — марка эксклюзивных табачных изделий, известная с 1930-х гг.

68

Аллюзия на Тома Сойера и Гекльберри Финна — героев романов Марка Твена.

Пер. С. Красикова.

70

Рассказ написан до объединения Германии, произошедшего в 1990 г.

71

«Безжалостная красавица» (фр.) — баллада английского поэта-романтика Джона Китса. Картины на этот сюжет писали Фрэнк Дикси, Фрэнк Кэдоган Каупер, Джон Уильям Уотерхаус, Артур Хьюз, Уолтер Крейн.

72

Эндимион (др.-греч. Ἐνδυμίων) — в греческой мифологии знаменитый своей красотой юноша. В него влюбилась Селена. От нее у него родилось пятьдесят дочерей, означающие пятьдесят лунных месяцев между играми. Зевс пообещал ему исполнить любое желание, и Эндимион пожелал навеки уснуть.

73

Аверно — озеро в Италии. Эней спускается в Аид через пещеру рядом с этим озером.

Как таковой *(лат.)*.

75

«Связующая египетская обезьяна» *(лат.)*. Останки обнаружены в 1965 г.

76

Гоминиды (*лат. Hominidae*) — семейство наиболее развитых приматов, включает в себя орангутангов, горилл, шимпанзе и людей.

Пер. С. Красикова.

«Бригада Кризис» — польская рок-группа, тяготеющая к панку и новой волне (1981–2005 гг.).

79

Рынин Николай Алексеевич (1877–1942) — русский и советский ученый, писатель-популяризатор, инженер. В 1928–1932 гг. издал книгу «Межпланетные сообщения» в девяти томах — первый энциклопедический труд по истории и теории реактивного движения и космических полетов.

80

Годдард Роберт Хатчингс (1882–1945) — знаменитый американский ученый, инженер. Запустил первую ракету на жидком топливе 16 марта 1926 г.

81

О'Нейл Джерард (1927–1992) американский физик, автор книги «Колонизация космоса». Ему принадлежит идея орбитальных солнечных электростанций.

Бета-карболин (норгарман) — алкалоид, природный галлюциноген.

Честь обязывает *(фр.)*.

Пер. С. Красикова.

Часть нефтеперабатывающего комплекса, используются в процессе крекинга — высокотемпературной переработки нефти.

86

Первым президентом США в нашей версии истории стал в 1789 году Джордж Вашингтон.

87

Торговая марка одного из видов полиэфира.

88

Пейн Томас (1737–1809) — англо-американский писатель, философ, публицист, прозванный «крестным отцом США».

89

Дословная цитата из Декларации независимости США.

90

Монтичелло — усадьба Томаса Джефферсона на юге штата Виргиния.

91

Захерторт — шоколадный торт, фирменное блюдо венской кухни, изобретен в 1832 году Францем Захером.

«К-тел» — компания звукозаписи, известная своими сборниками «лучшего».

93

Франсуа Буше (1703–1770) — французский живописец. Яркий представитель художественной культуры рококо. Фаворитка Людовика XV маркиза де Помпадур, которую он запечатлел на нескольких портретах, была его поклонницей.

«Как и на портрете, написанном Буше, она лежала на животе, опираясь рукой и грудью на подушку и показывала лицо, бедро и задик. Последняя часть была написана художником с таким искусством и правдой, что лучшего не мог пожелать ни один любовник. Казанова был восхищен и подписал под картиной „О'Морфи“ греческими буквами, что выглядит красивее» *(Герман Кестен. Казанова)*.

95

Ханс Аксель фон Ферзен-мл. (1755–1810) — шведский дипломат и военачальник.

96

Джэбэ-нойон (Чжебе от *монг.* «джэбэ», «стрела»; собственное имя — Джиргоадай) (ок. 1181 — ок. 1231) — монгольский военачальник, темник, один из лучших полководцев Тэмуджина (Чингисхана).

Темник (от тьма — десять тысяч) — русское наименование воинского звания тумэнбаши в Золотой Орде.

Камбалук — древнее название Пекина.

99

Дерьмо *(фр.)*.